

Вера
Павлова

С Е М Ь   К Н И Г

Вера
Павлова

С Е М Ь К Н И Г

ЭКСМО

2011

МОСКВА

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
П 12

Оформление серии художника *И. Тугайбея*

Павлова В. А.
П 12   Семь книг : стихотворения / Вера Павлова. — М. :
Эксмо, 2011. — 544 с. — (Поэзия XXI).

ISBN 978-5-699-52060-2

В наше непозитическое время стихам замечательного современного поэта Веры Павловой удалось не только вызвать живой отклик в сердцах сотен тысяч читателей в России, но и обрести мировую известность: они переведены уже на 20 иностранных языков. Фильмы о поэте сняты в России, Франции, Германии, США. Новая книга Веры Павловой уникальна тем, что в ней под одной обложкой собраны целых семь ее книг.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

© Павлова В. А., 2011
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2011
ISBN 978-5-699-52060-2

НЕБЕСНОЕ ЖИВОТНОЕ

*

Под свитерком его не спрячешь,
мой первый лифчик номер первый,
когда, гуляя по двору,
его ношу, и каждый смотрит,
и каждый видит, несмотря
на то, что складываю плечи
и что крест-накрест руки. Трудно
дышать — затянута дыханье
подарком, сделанным мне мамой
вчера, как будто между прочим.

*

Идет
мужик.
Упал.
Встает.
Идет
мужик.
Упал.
Лежит.

Лежит
                  мужик
и не
                  встает.
Потом
                  встает.
Потом
                  идет.

ПЕСНЯ ОБ ИВЕ

Драконьей кровью умывалась,
чтоб сделаться неуязвимой,
но тут листок сорвался с ивы,
но тут листок сорвался с ивы,
но тут листок сорвался с ивы,
прилип, проклятый, между ног.

*

Отпускаю себе грехи,
словно волосы, кои долги
и распущены. Тот, кто долги
отпускает, любит стихи
и женщин с длинными волосами.

*

Когда я пою, у меня болят ноги.
Когда я пишу, у меня болят скулы.
Когда я люблю, у меня болят плечи.
Когда я думаю, у меня болит шея.

*

Сквозь наслоения дней рождений
все лучше виден день рожденья.
Сквозь наслоения наслаждений
все наслажденней наслажденье
вобрать и задержать в гортани
большой глоток дождя и дыма...
Чем ближе мы подходим к тайне,
тем легче мы проходим мимо.

*

Мысль не созрела, если она
не уместится в четырех строках.
Любовь не созрела, если она
не уместится в одном *ах*.
Стихи не сложились, если сейчас
стану искать рифму и соблюдать размер.
Жизнь не сложилась, если она
не уместится в одном *да*.

*

Строю глазки, шейку и коленки,
неприступно брови поднимаю
и преступно поднимаю юбку,
медленно, как флаг Олимпиады,
медленно, как занавес Большого:
вот вам пара трогательных ножек,
вот тебе скуластенькие бедра...
Хватит, сколько можно красоваться
у зеркала?

*

Как Мириам, как Жанна,
ты пребываешь девой,
сколько б ни воображала,
будто гуляешь налево,
сколько бы ни гуляла,
с кем бы ни залетала,
любовь, ты — вечная дева,
нескончаемое начало.

*

Увидеть тебя и видеть,
и видеть тебя, и видеть,
и видеть, и вдруг решиться
поднять на тебя глаза...

*

Хочу кататься с вами на коньках,
в особенности если на коньках
вы сроду не катались, я же сроду
каталась, но из пропасти народу
ни с кем так не хотела на коньках,
как — с вами...

*

Мама ушла на работу с утра.
Пачкала небо заря.
Невинность? Черт с ней! Вроде пора.
Первая ночь состоялась с утра
первого сентября.

Пообещала еще вчера.
Слово держу. На.
За подзаборные вечера
милого вознаградить пора.
Так это и есть — жена?

*

Мужчина за номером ноль.
Мужской вариант Лилит.
Память о первом — боль.
А нулевой заболит
поздней. Много поздней,
много мужчин спустя,
много спустя... Эй,
где ты? Нету родней
тебя. И нету тебя,
мужчина за номером ноль,
Paul!

*

Ты любишь меня наотмашь
по дачным полынным обочинам.
Как сладко, кляня весь род ваш,
подмахивать этим пощечинам
и пыльный листок полынный
жевать с травоядным усердьем,
чтоб крик журавлиный длинный
спать не мешал соседям.

*

Попался, голубчик? Ты в клетке,
ты в каждой моей клетке,
могу из одной своей клетки
создать тебя, как голограмму,
всего тебя — из миллиграмма,
из Евиной клетки — Адама.

*

Снаружи это называется Подъезд.
И изнутри — Подъезд. Скажи, нелепость?
Ему бы надо называться Крепость,
Мотель Для Мотыльков на сотню мест
чудесно спальных. Голубям — карниз,
а нам с тобой — двуспальный подоконник.
где птицам — вверх, там нам с тобою — вниз.
Но ведь не на́ пол же, неистовый поклонник,
не на́ пол? На́ пол. Кафелем разбит
на параллели и меридианы,
качнулся мир. Пять этажей знобит.
Скажи, а ты как я? Такой же пьяный?
Ты на коленях предо мной, а я
перед тобой, не важно, что спиною,
повержены — скажи, душа моя? —
любовью. Подзаборною. Земною.

*

Из кожи лезу, чтоб твоей коснуться кожи.
Не схожи рожами, мы кожами похожи —
мы кожей чуем приближенье невозможного:
мороз по коже и жара, жара подкожная...

*

я не могу согреть площадь
больше площади одеяла
я не могу сделаться проще
чем в плоскости одеяла
я не могу сделать больше
чем тебе поправлять одеяло
я не могу сделать больше
я понимаю что этого мало

*

Почему я, твое самое мягкое,
сделана из твоего самого твердого —
из ребра?
Потому что нет у тебя твердого,
которое не превратилось бы в мягкое
во мне...

*

Битва, перед которой брею лобок
бритвой, которой бреется младший брат.
Битва, а собираюсь, как на парад.
Бритый лобок покат, как тот колобок,
который мало от кого до сих пор ушел.
А от тебя и подавно не уйти.
Бритва новая, бреет хорошо.
Битва стара. Поражение впереди.

*

после первого свиданья
спала как убитая
после второго свиданья
спала как раненая
после третьего свиданья
спала как воскресшая
после четвертого свиданья
спала с мужем

*

Любились так, будто завтра на фронт
или вчера из бою,
будто бы, так вбирая рот в рот,
его унесешь с собою,
будто смогу, как хомяк — за щекой, —
твой, на прощанье, в щечку...
Будто бы счеты сведу с тоской,
как только поставлю точку.

*

Засос поперх синяка...
Тяжелая твоя, теплая твоя рука.

*

Я — твое второе Я.
Ты — мое второе Ты.
У местоимения
ни длины, ни высоты,
только ширина, и та
полутораспальная,
широта и долгота
и свеча венчальная.

*

От природы поставленный голос.
От природы поставленный фаллос.
Никогда еще так не боролась.
Никому еще так не давалась.

*

Слава рукам, превратившим шрам
в эрогенную зону;
слава рукам, превратившим в храм
домик сезонный;
рукам, преподавшим другим рукам
урок красноречья, —
вечная слава твоим рукам,
локтям, предплечьям!..

*

Твое присутствие во мне меня-
ет все вовне и все во мне меняет,
и мнится: манит соловей меня,
и тополя меня осеменяют,
и облака — не облака, — дым
от тех костров, где прошлое сгорело,
и, выгорев дотла, осталось цело,
и эти двое на скамейке — мы.

*

Самозабвенна и лукава
победа, горькая на вкус.
Минет — змеиная забава.
Отсасываю свой укус.

*

Ласка такой тонкой выделки,
на кою способны лишь крепостные,
которые ничего больше не видели,
кроме иглы и нити — ныне
и присно. Тело — уток и основа.
Гнется, гнется спина мастерицы.
Так властительно серебрится
только дело рук крепостного.

*

Муза вдохновляет, когда приходит.
Жена вдохновляет, когда уходит.
Любовница вдохновляет, когда не приходит.
Хочешь, я проделаю все это одновременно?

*

Нарисуй меня в латах
на голое тело,
будто вместо халата
я латы надела,
я накинула латы,
как халат, после душа.
А они маловаты.
А они меня душат.

*

Как мало мне дано для сочлененья
с тобою впадин, выступов, пазов.
Как мало — только локти и колени —

дано креплений. Ненасытен зов
вдавиться в поры кожи, в кровоток
твой устремиться водопадом горным,
извилинами мозга и кишок
совпасть и позвоночники, как корни,
переплести, чтоб на двоих — топор...
Как мало мне дано природой-дурой:
пристраивать в единственный зазор
несложную мужскую арматуру.

*

И снова все закончится концом,
Концом Концов, воспетым в Песни Песней...
Что, мать-судьба со случаем-отцом
не знают ничего поинтересней?
Нет, каково: до тридцати двух лет
считать любовь единственным событием,
предназначение считать соитьем
и думать, что иного смысла нет!

*

В объятьях держишь — думаешь, поймал?
Отброшу тело, ящерицын хвост.
И то, что между ног моих искал,
тебе искать придется между звезд.

*

Целовала твою руку.
Оказалось, целую свою.
Да?
А я и не заметила!..

*

ВОТ НЕ БЫЛО
ВОТ ЕСТЬ
ВОТ КОНЧИТСЯ
ВОТ-ВОТ

*

Где моя родина? —
возле родинки
у левой твоей ключицы.
Если переместится родинка —
родина переместится.

*

Я памятник была нерукотворный
тебе.
Я память о руках твоих упорных
теперь,
ваятель мой! Мужское божье дело —
ваять.
А мне — свое крошить на буквы тело:
а — ять.

*

Ласка, распаляясь, станет золой.
Ласка, повторяясь, станет скалой:
ла-ска-ла-скала... С ее высоты
вижу тебя и уверена: это ты.

*

Бороться за право гладить тебе рубашки
не буду, поскольку совсем не умею гладить
рубашки, но буду гладить кудрявые пряди,
такие длинные, что за ворот рубашки
их заправляешь, когда идешь на работу,
и, чтоб не узнали, прячешь глаза под шляпой,
и все узнают мухоморную черную шляпу
и думают: это Поздняев идет на работу!

*

С похмелья я похожа на Джоконду.
А выпавшись — на первую любовь
В.С., на двести первую любовь
И.М. и на последнюю любовь
троих М.П. Но на Джоконду тоже.

*

На четверть — еврейка.
Наполовину — музыкантша.
На три четверти — твоя половина.
На все сто — кто?

*

Пожизненно заключена
в объятия, не прошу пощады.
Неволь меня, моя отрада.
Томи меня, моя вина.
Я добровольно не вольна
взглянуть на волю ни вполвзгляда —

так мне и надо. Так и надо —
я не одна. Я не одна,
покуда слышу снежной ранью
сквозь вьюги полицейский вой,
как стонет нежный мой охранник,
взыскательный невольник мой.

*

Они влюблены и счастливы.

Он:

— Когда тебя нет,
мне кажется —
ты просто вышла
в соседнюю комнату.

Она:

— Когда ты выходишь
в соседнюю комнату,
мне кажется —
тебя больше нет.

*

Кормчий.

Кормилица.

Ропщет.

Помирится.

Гончий.

Подельница.

Общий.

Поделится.

Вскочит.

Раздвинется.

Кончит.

Раскинется
телом волнистым,
руном золотистым.

*

Надежда пахнет свежим огурцом,
а вера — луком, жаренным на сале.
Избушка, повернись ко мне лицом.
Твой домострой, как мир, универсален.
Домостроитель мой, настройщик стен,
давай три раза в день греметь посудой!
Как в ребрах, в бревнах будем неподсудны.
За дом — полмира: родственный обмен.

*

снятие с горшка
ночного ребенка
руки ребенка
ноги ребенка
как у жеребенка
как у Христа
дóлги и тóнки
в потемках
Pieta

*

Что завтра? Завтрак. Завтракать вдвоем,
и послезавтракать вдвоем, и после
обеда спать с ребенком, если в ясли,
проспав, его решили не вести,
и долго ужинать — до девяти,
до информационной до программы —

что нового? А то, что самый-самый
любимый муж на свете — это ты,
что больше не боюсь ни простоты,
ни старости, что дом — прообраз храма,
что завтра — завтрак.

*

Дитя — глиняная копилка
в виде кошечки или свинки,
с шершавой или гладкой спинкой
и узкой щелкой в затылке.
По мелочи — буквы, ноты —
в щелку толкает щепоть,
чтобы завтра копилку кокнуть,
если вдруг проснешься банкротом.

*

Дом — это место для слушанья голоса ветра,
для рассуждений о криках под окнами в полночь,
для размещения и перемещения книжек,
чашек, подушек, квитанций на чистку одежды.
Дом — это мир существительных, осуществлений,
мир до мажора арпеджио под абажуром
и поцелуев, которые будят ребенка,
и разговоров о лучшем, несбыточном доме.

*

Подзалетают ли от соловьев?
Подзалетают. Ох, подзалетают!
Что лебедь? — Мужика модель простая.
Что лебедь, Леда? Взмыл и был таков.

Что, Леда, соловей? — Черт знает что!
Молчанье подтекстовывая пеньем,
таким тебя затопит нетерпеньем!..
Что лебедь, Леда? — Просто конь в пальто.

*

Смотрела на солнце сквозь веки
и видела красные реки
текущих сквозь веки веков,
плывущих по ним рыбаков,
чьи лодки легки, как улыбки
и зыбки, как детские зыбки,
а в зыбке тепло, как в раю...
Спи, солнышко, баю-баю.

*

Иосиф-плотник + Мария-пряха —
вот крест тебе, сынок, и вот рубаха,
вот посох тебе крепкий, вот сума.
Я сделал сам. Я сделала сама.

*

дочки её
точки над ё

*

Считай меня глухо-немой
и черно-белой,
считай, что этот дом — не мой,
что хочешь, делай

со мной и без меня — стерплю
слова, побои...
Считай, что я тебя люблю.
Что я — с тобою.

*

Мам, а небо далеко?
Далеко.
Мам, а море далеко?
Далеко.
Мам, а солнце далеко?
Далеко.
Мам, а папа далеко?
Далеко.

*

Как всякая женщина,
я кровожадна —
я жажду крова,
а не сложилось —
тогда разрушения
крова чужого,
а не разрушился —
буду чужого
мужа нянчить,
а не захочет —
буду у дома
его маячить.

*

А что кончаю дактилем,
так это c'est la vie.
А что спала с редактором,
так это по любви.
А что с другим редактором —
спросите у него.
А что завидно некоторым,
так что с того?

*

О, какая это роскошь —
бывшие мужья!
Как без них? — Свои же, в доску ж!
И кому же я
расскажу, какой ты бедный,
как тебе хуже
и о женатости беспросветной
будущих мужей.

*

Долго и не на все пуговицы раздеваться,
быстро и на все пуговицы одеваться —
дисциплина адюльтера,
адюльтера...

Эро-
гений мой,
аэрогений —
уже полетел?

Дисциплина небесных тел,
для которых схождение — затмение.

*

День и ночь подвергаюсь любви.
Мне б хватило и ночи, не каждой
и не через, а может — однажды
и навек. Не жалея, не зови
и не плачь. Я откликнусь без зова
и сорву за печатью печать,
буду петь в половине второго
и в ладонь тебе буду кончать...

*

Дневник, в котором слово *Ты*
встречается едва ли не чаще,
чем *Я*, в котором настоящее
время — так, для красоты,
в котором не слова — кристаллы,
как соль на нитке (опыт, пять
по физике) — все солью стало,
что было сердцем, переворачивавшимся
в груди, как плод на восьмом месяце,
от внезапного: ты где-то здесь...

*

Больше жизни люблю того,
с кем жизнь не делю.
Меньше жизни люблю того,
кого вообще не люблю.
А того, с которым делю
остаток ночей и дней,
люблю, как жизнь, как сестра, люблю,
а может, еще нежней.

*

Я тебя не буду добиваться,
как не буду — славы и богатства,
я к тебе не буду пробиваться,
пробираться на свидание в склеп —
хватит блядства, но не хватит братства.
Я тебя не буду добиваться
и, склоняясь, буду уклоняться,
как на мокром лобовом стекле
дворничиха.

*

И я принимаю судьбу
и в рифму слагаю гимны ей,
когда ты мне пишешь на лбу
каленным железом: *любимая*.

*

Голый не может спрятать фигу в кармане.
У голого — либо сразу заметная фигу,
  либо кулак,
либо ладонь и пять пальцев
с заметной тягой
  к чужой
  такой же
  голой
  ладони...

*

Инкогнито, как Купидон Психее,
инкогнито, как Эльзе Лоэнгрин...
Но этих легендарных дур умнее,
начитанней, я знаю: шанс — один,

я имени испытывать не стану,
я даже глаз не стану поднимать,
когда в гостинице с названием странным
«Любовь» ты будешь мною обладать.

*

Мечтаю о тебе по-древнегречески
и отрекаюсь по-старославянски...
Но мы бы не смогли по-человечески,
по-руссоистски à la russe — по-звански.
О юношеском торсе — платонически,
в потемках духа — ощупью, клюкою...
Нам не соединиться органически.
Не будет нам ни воли, не покою.

*

разбила твое сердце
теперь хожу по осколкам
босая

*

Верба — тезка слѡва.
Verbis — тезка вербы.
Я обоим тезка,
потому что в детстве
папа кликал Вербой,
потому что нынче
за семь дней до Пасхи
вербы Вербой кличут.

*

Кроме следов, которые за,
есть следы передо мной,
по-над девственной белизной,
нестерпимо слепящей глаза —
как бы трассирующий свет.
Я стараюсь идти след в след,
слезы слизывая слепоты,
ибо это — мои следы.

*

К *до ля* добавлю — вот и доля.
К *ре до* прибавлю — вот и кредо.
Про это буду петь на кровлях
и все-все-все отдам за это.

*

О самый музыкальный на этом свете народ,
чьи буквы так мало отличаются от нот,
что — справа налево — я их могла бы спеть
той четвертью крови, которой порою треть,
порой — половина, порою — из берегов,
носом ли, горлом... И расступается море веков,
и водной траншеей идет ко мне Моисей
с Рахилью Григорьевной Лившиц,
бабушкой Розой, прамамой моей.

*

Летом всякий ветер с моря.
Зимой всякий снег с гор.
Душу свою до предела простора,
выяснишь: безграничен простор.

Осенью, ливнем дыша и дымом,
по весне, на ландыш дыша
или просто проснувшись любимым,
выяснишь: безгранична душа.

СПРОСОНЬЯ

Один пишем,
два в уме,
три на иконе на стене,
четыре ножки у кровати,
пять — спускаю ногу с кровати,
шесть — спускаю другую с кровати,
семь... Впрочем, и этого хватит.

*

сесть у реки
и бросать и бросать в воду
свои трудности
и смотреть
как они уплывают
вниз по течению
не тонут легкие

*

Умыкнута, замкнута
долгим замыканием.
Пряник — первый зам. кнута.
Шоколад в капкане ем.
Марс не слаще *Сникерса*.
Стерпится. Слипнется.

*

В меблированных странах
меня бы поставили в спальне,
отразили в пяти зеркалах,
спеленали бы шелком...
А у нас, если встать у окна
и смотреть в него долго,
непреренно заплачешь.

*

и каждый день
сто лет со дня рождения кого-то
и каждый миг
каких-то поцелуев юбилей
тогда налей
помянем прошлогоднее веселье
идут века
пришли стоят чего-то ждут

*

Воздух ноздрями пряла,
плотно клубок наматывала,
строк полотно ткала
Ахматова.

Легкие утяжелив,
их силками расставила
птичий встречать прилив
Цветаева.

Ради соитъя лексем
в ласке русалкой плавала
и уплывала совсем
Павлова.

*

Я в курсе своих ракурсов —
я фотогигиенична.
Улыбку сырную? — Накося!
К себе изнутри привычная,
хозяйка своих мускулов,
ваяю себя снаружи
и прячу свою музыку,
тоску, одиночество, ужас.

*

Всех стоматогинекологий
Мазох де Сад — в одной груди...
Не стой на болевом пороге —
входи.

*

Агония. Огонь.
В огне плывущий конь.

*

Для развития дикции: молись за врага
с полным ртом выбитых зубов.
Для развития зрения: видишь врата?
Приглядишься: на воротах видишь засов?
Для развития бицепсов: тяжек засов
и — для трицепсов — еще тяжелее дверь.
Для развития слуха: походка часов,
будильник. Просыпайся. Снам не верь.

*

Не бесполоя — полая,
не безвольная — вольная,
полутораметровая
и такая тяжелая,
что, во чрево метрово, я
опускалась и думала:
как бы под моей тяжестью эскалатор не провалился!

*

Ты сам себе лестница — ноги прочнее упри,
ползи лабиринтом желудка, по ребрам взбегай,
гортанью подброшен, смотри не сорвись с языка,
с ресниц не скатись, только потом на лбу проступай
и волосы рви. Ибо лестница коротка.

*

Виртуоз игры на пуповине,
как струна, натянутой разлукой,
на одной струне, как Паганини,
я играю. Скрипка — внучка лука,
правнучка цикады, чьи сигналы
ча́сты, как звонок международный...
Для разлук слова подходят мало —
недостаточно чистопородны.

*

Стояла у зеркала,
училась говорить нет.
Нет. Нет. Нет.
Но отраженье говорило:
да.

*

Холодную землю своим животом согреваю.
Двумя руками траву против шерсти чешу.
Всему, что звучит, всем своим существом подпеваю.
У всех, кто молчит, за крикливость прощенья прошу.

*

Как вешаться не хочется,
как хлопотно стреляться,
как долго и как холодно
лететь вниз головой!
В порядке исключения
позволь в живых остаться
и помереть, как следует,
а не как Пушкин твой!

*

Свеча горела на столе,
а мы старались так улечься,
чтоб на какой-то потолок
ложились тени. Бесполезно!
Разве что стоя над столом,
о стол руками опираясь
и нависая над свечой, —
так — да. Но только рук скрещенья.

*

За пианино, к целому свету спиной.
За пианино, как за высокой стеной.

За пианино, в него уходя, как в забой,
как в запой. Никого не беря с собой.

*

на руках
за ручку
за руку
под руку
рука об руку
на руках
из-под руки
из рук в руки
по рукам
из рук вон
на руках
в руке

*

Глядеть вовнутрь, видеть все внутри —
и вывернуться, чтобы всем нутром
увидеть все вовне, всего себя
внутри, в утробе жизни разглядеть.

*

Отдых на цвет — зеленый.
Божий коровник в траве
и, в той же самой траве,
тело мое, крапленое
родинками и родами,
скальпеля смелой резьбой, —
тело мое, Бог с тобой! —

валяй по законам природы,
валяйся в постели, в траве,
мычи, ощущая мужчину,
буквы пиши на коре
ножом перочинным.

*

Молитва в минуту оргазма
внятной господе богу.
Ведь это его затея —
благословение плодом.
Буду же благословенна.
Господи, даруй живот.

*

Влюбленная беременная женщина...
Нет повести печальнее и гаже!
Бледнея от тоски и токсикоза,
кружить по городу местами обитанья
Его. И вдруг увидеть, и бежать,
бежать долой с — таких прекрасных! — глаз
(не падать же, ей-богу, на колени!)
и до утра рыданиями глухими
тревожить гладь околоплодных вод...

*

Тьма. Тьма тьмущая.
Сотни, сотни мгновений.
Вдруг — огонек спички.
Вдруг — огонек сигареты.

Ты прикурил, ты куришь.
Слава тебе, Боже!

*

Творенье должно быть натянуто как палатка
Творенье должно быть натянуто как рогатка
Творенье должно быть натянуто как перчатка
Но при этом в нем не должно быть никаких натяжек

3 6 К А Д Р О В

Я и папа, очень красивый.
Я и папа, еще красивый.
Очень красивая я.
Я и некто — господи, как его?
Я и некто, я — в подвенечном.
Костюм — тот же, некто — другой.
Я и девочка.
Я и две.
Я — нечетко, но в толстом журнале.
Вполоборота.
И со спины.
Многие лица.
Многая лета.
Дальше не вышло.
Но это неважно:
Некто рассеянный вынул пленку
и засветил.

*

Не так подробно, Господи!

BLA S O N S

*Вдруг, не стерпев счастливой муки,
Лелея наш святой союз,
Я сам себе целую руки,
Сам на себя не нагляжусь.*

Ходасевич. К Психее

*Психея же в ответ: — Земное,
Что о небесном знаешь ты?*

Ходасевич. Испытание

*Ô corps qui fait par sa grande vertu
Sentir un bien que j'ai celé...*

*Anonim. Les blasons anatomiquis
du corps feminim.*

Павлову

LES YEUX

Мое лицо носит печать хорошей породы,
хотя ничего хорошего нет

у этой породы:

сибирские священники, вологодские алкоголики,

украинские евреи

сонно аukaются

в венах моих и артериях. Отсюда —

разрез глаз,

надрез глаз,

порез скуластой скулы —

а кто из нас не татарин?

Зато мой профиль правилен и антикварен.

Дабы начать поэму по возможности скромненько,
даю мои глаза

глазами моих любовников:

«Они, как полная луна, лишают сна» —

А.Р., отвергнутый кавалер,
всем кавалерам пример:
если девушке восемнадцать,
с ней следует целоваться.
«У тебя глаза красивые, как у меня» —
М.П., так меня этим фразе,
что сегодня я тоже П.
«Как у меня» — это: «полные огня»,
«горящие», «говорящие»,
«молчащие», «аще
беззаконие назреши, Господи, Господи,
кто постоит?»

LA BOUCHE

Я постою, но, скромная, опускаю ресницы
(разумеется, длинные, тенистые)
на щеки,
с обратной стороны которых —
мышца смеха,
тренированная много лучше, чем
мышца хлеба, не хуже, чем
мышца, сморщивающая брови
(См. «Анатомию для художников», автора не помню).
Далее — рот,
который много на себя берет,
который сегодня целует, а завтра — воспоет,
послезавтра же — с новой силой:
«Глас той же, Господи, помилуй!»
И продольной флейтой тянется шея,
почти отрываясь от тела...
И чешутся пальцы мужские — дотянуться,
коснуться, сомкнуться
на трепетной вые.

LE CON DE LA PUCELLE

Я родилась голой. И эта нагота
  была наготой почки,
  наготой листа кроваво-зеленого
в день четвертый мая,
в ночной глубине.
Я впервые себя вспоминаю голой —
                                    у ног подметающих небо елей,
  наготой змеи, в траве
  мелькающей еле.

Колесом под откос и —
                                    река. Нагота — рыба.
Крупным планом — рука с комариной,
                                    крапивной сыпью —
                                    панибратство природы.

В руке стрекозиная личинка — надрываю ее,
                    достаю осторожно начинку,
                    расправляю мятую стрекозку... О повитуха
пятiletняя!..

Певчих кузнечиков пасла по слуху,
целовала в губы лягушек, вкусных, родниковых...

Пятнадцатым летом нагота превратилась в оковы.

LE CORPS

Что мне терять на земле, кроме этого тела?
И — уже теряю.
Тело уже поредело.
Но оно и сейчас — у меня ведь судьба не дура! —
удача
всевышнего мастера обнаженной натуры.
165 — высота, она же длина,
если лежа.

53 — не ноша

носящему на руках, подставляющему колени — не давление.

Время измерения

тоже следует учесть:

26 умнице моей —

ибо тело мое не среднего рода —
красавице моей, послушной, чуткой...

Подружка! Кто научил тебя
вовремя поднимать ножки и,
кончая, кричать, окликать

отлетающую душу?

Никто не учил.

Природа.

Природа, меня наделившая тонким запястьем,
чтобы сошлись на нем намертво

мужские пальцы,
природа, меня наделившая телом

компактным и белым, чтобы
стелиться ему по земле под тяжелым телом мужчины,
которого пишет влюбленная память
в сновиденьи,
натура которого дышит под

боком, в сновиденьи,

либретто которого вместе распели...

Вокализ андрогина и взбитые сливки постели.

LA LARME

А когда начали прорастать груди,
в меня влюбился двоечник Рудик,
который с усердием более чем странным
переписал для меня

письмо Татьяны почти до середины,
почти без ошибок,

и целый час

простоял на отшибе двора,
под окном моим,
с петлей на шее...

Груды прорастали.

Двоечники становились смелее,
и самый смелый из них без лишних вопросов
притащил меня за косу в ЗАГС, как сидорову козу...
Андрей Первозванный

Бога о нас молил хуже и реже,
чем ты,
Архистратиге Михаил.

Оказалось:

цельность — она не от слова «целка».
Медовое Черное море показалось
мелким.

Оказалось:

заврались слова, пересохли надежды.
Восемнадцатым летом нагота
стала формой одежды.

Форма одежды — парадная:
фигурка голодная, ладная,
кожица — импортный шелк.
Мимо никто не прошел.

LE COEUR

Искала душу.
Вертела сердце в руках.
Раздвигала ребра.
Душу нашла — в мозгах.

Искала Бога.
Вертела сердце в руках.
Раздвигала ребра.
Бога нашла — в мозгах.

А когда обломилось все то, что подвластно обломам, —
нагота стала домом родным.
Единственным домом.

Кто-кто в теремочке живет?
Кто-кто в невысоком живет?
Живет в теремочке эмбрион.
Тебе он прислал поклон.

LE VENTRE

Единственной клеткой,
единственной буковкой **Е**, ее
червячком-головастиком, пущенным в плаванье
единственной ночью в холщовом алькове, в томле-
нье ты началась. Первый месяц
в единственной гавани ты тихо сидела.

Личинка, почти без лица.

Вторая луна, продолжая утробное таинство,
прибавила буковку **Л**, что сложила отца и маму

под то одеяло,
поставив знак равенства.

И третья луна повернулась к планете анфас.

И скрыли ее облака, токсикозом гонимы.

На лике личинки

прорезался маленький глаз и
рядом другой, и

красивое **И** между ними.

Затем — полнолуние четвертое.

Литерой **З** забилося сердечко

на дне акушеркиной трубки.

И папа поставил в известность

подруг и друзей.

И мама

оставила моду на узкие юбки.
Под пятой луной — вокализ на слова «Ааа».
Утроба колдует,

глухая к советам досужим,
в утробе — **ЕЛИЗА**.

«Элиза! Конечно, она! — вскричал ультразвук, —
в головном прилегании к тому же!»

И дальше пошло как по маслу — и **В** вам, и **Е**,
и ручки, и ножки, и много локтей и коленок,
которые били ключом, да не по голове,
и землетряслись перекрытия

маминых стенок.

Осталось нам **ТА**, пара месяцев, отпуск-декрет,
последние приготовления —

ногти, ресницы —

и **ЕЛИЗАВЕТА** из тьмы появилась на свет,
и Елизавета из тьмы появилась на свет!..

А мне оставалось одно —

родив, возродиться.

LE SAIN

О эрогенная зона, закрытая для критики
бюстгальтером (обхват — 72, полнота третья),
собой закрывающая амбразуру
твоего одиночества,

о чудо барочного выпукло-плавного зодчества,
живая картинка дыхания и сбоев в

дыхании, когда

ты играешь со мною в

одно

касание,

o sain, o mamelle, o tétin...

Дышу пока, душа не забудет
пришествия молока.
Молоко приходит из-под мышек,
вламываясь, будто в дверь ногой,
и, напуганная, грудь не дышит,
и танцуют плечи слово «ой».
Темен путь молочных рек грунтовых.
О иконописная тоска —
половодье возле сердца!.. Снова
вытолкнута пробочка соска.

L'ESPRIT

Линия судьбы моей —
линия от пупка и ниже
сангиной прочерченная создателем моим, чтобы
не ошибиться в симметрии
соцветий-яичников
и других элементов премудрой моей утробы.
Проследив ее вниз по лобку, доберешься до центра
вещества моего... Погоди, я теряю дар речи...
Указаниям центра не смеет округа перечить
и ложится покорным пейзажем...
Умелый топограф,
эту местность своею рукою не раз рисовавший,
в этих дебрях своей головою не раз рисковавший,
ты опять заблудишься,
голову опять потеряешь на груди моей левой,
той, что хирург отметил некрасивым,
похожим на кляксу мементо мори.
На волнах моего дыхания — и помни море! —
укачаю радость твою, моя
радость,

и к стене отвернусь,
и твою отпущу руку, репетируя
полночь иную, иную
разлуку.

Смерть, гибель, кончина...
Но меня не обманешь родом,
я знаю: смерть — мужчина,
щеголь рыжебородый,
надушенный, статный, еле
заметно кривящий губы...
И так он меня полюбит,
что больше не встану с постели.

*

Начальник хора, кто начальник твой?
Начальник тишины, глухой молчальник,
глухонемой о нас о всех печальник,
певец без слов, поскольку пенье — вой,
поскольку отвечаем головой
за песенку, что выдохнуло тело,
а песенка подернется травой.
А тишине ни дела, ни предела.

*

Вскипают и клубятся фрески
на стенках мыльных пузырей:
фигуры, чьи движенья резки,
как у кентавров и царей,

и лики, чьи наклоны плавны,
как у кормилиц и святых,
и назревает кто-то главный
вверху, под куполом, но — пххх!

*

Надувала матрас
Консервировала выдохи
Ни один не пропал даром —
матрас надувался
голова кружилась
в голове кружилось:
всякое дыхание да хвалит...
При чем тут это?
Тут при чем:
стихи, песни,
мыльные пузыри,
может быть, поцелуи
и прочая авлетика
Надула, перевела дух
Или, Господи,
каждый мой вдох —
твой выдох?

*

Любовь — строительница мира.
Бог — архитектор и прораб.
О арка, о рабами Рима
срабо... О сталинский масштаб,
о бешеный объем работы!..
Таская нежность на плечах,
для ангелов мы строим соты.
Строенье высится в лучах.

*

В хор, на хóры, в хоровод хорала,
гладить гласом нимбов чешую,
забывать, что для спасенья мало,
что «Тебе поем» Тебе пою.
Путь нетруден — не проси награды,
путь недолог, как от *до* до *ля*,
от вина — обратно к винограду,
от креста — до лунного ноля.

*

Если поверишь, что хвала тебе —
она перестанет быть тебе.
Если поверишь, что хула тебе —
она перестанет быть тебе.
Мольба — не тебе, пальба — не тебе,
и не тебе петь «Тебе,
Господи». А тебе — девиз на гербе:
«Не тебе, не тебе, не тебе, не тебе».

*

Кому-то в беде посылают ангелов
Мне посылают людей
То ли на всех не хватает ангелов
То ли хватает людей
То ли посланных мне ангелов
принимаю впотьмах за людей
То ли в людях вижу ангелов
и не вижу людей

*

Что бы ты ни сделал,
ты ничего не сделал.

Что бы ты ни сделал,
ты ничего не сделал.

Что бы ты ни сделал,
ты ничего не сделал.

Что бы ты ни сделал,
ты ничего не сделал.

*

Хождение
по водам
замерзшим
на коньках.
Моление о чаше
с бутылкою в руках.
Откуда взяться чаше?
Давайте из горла.
Каток на Патриарших.
Жизнь, как коньки,
мала.

*

Сдавлено: о май гад!
чтоб не трепать всуе
Его настоящее имя.

*

Поверхность — черточка дроби.
Сугробы ваяют надгробья
по образу и подобию
безобразного бесподобья.

Мой ангел с моим бесом
во облацах спят валетом.
Я знаю, ты начал с леса,
ты мир сотворял летом,
зимой бы не захотелось...

*

Отогревая Бога на груди,
согретая за пазухой у Бога,
иду своей дорогой. О, иди
своей дорогою, моя дорога!

Пути не зная, не собьюсь с пути.
Себя не зная, знаю слишком много
о том, что ожидает на пути,
о том, кто поджидает у порога.

*

Не хочу кирпича с крыши —
Я хочу умирать долго.
Я хочу умирать, наблюдая,
как тело, капля по капле,
выделяет уставшую жизнь.
Пропустить ее сквозь себя,
как сквозь мелкое-мелкое сито,
и — не скоро — вздохнуть с облегчением,
не увидев на дне ничего.

*

Я думаю, что он придет зимой.
Из нестерпимой белизны дороги
возникнет точка, черная до слез,
и будет долго-долго приближаться,
с отсутствием приход соизмеряя,
и будет долго оставаться точкой —
соринка? Резь в глазах? И будет снег,
и ничего не будет, кроме снега,
и долго-долго ничего не будет,
и он раздвинет снежную завесу
и обретет размеры и трехмерность,
и будет приближаться — ближе, ближе...
Все. Ближе некуда. А он идет, идет,
уже безмерный

*

Не кричите на меня, птицы,
не машите на меня руками, елки,
не подглядывайте, ангелы, за мною
сквозь замочные скважины звезд —
ничего я не могу для вас сделать!

*

Новость, от которой сердце
бьется, как дитя в утробе:
не нашли его во гробе!
Ничего там нет, во гробе!
Ничегошеньки — во гробе!
А куда из гроба деться,
кроме... Взгляд и голос ввысь тяну.
Так — воистину? Воистину.

*

А может быть, биенье наших тел
рождает звук, который нам не слышен,
но слышен там, на облаках и выше,
но слышен тем, кому уже не слышен
обычный звук... А может, Он хотел
проверить нас на слух: целы? без трещин?
А может быть, Он бьет мужчин о женщин
для этого?

*

Всей музыки, и той не хватит
твое молчанье заглушить.

*

Вечность — скатертью дорога.
Скатерть вечности бела.
Белизну ее не могут
запятнать ничьи дела.
Ни награды, ни расплаты,
ни в блаженстве, ни в огне,
только версты полосаты
попадаются одне.

*

Растущий к свету дорастет до тьмы.
Тянущий *я* дотянется до *мы*
и скажет: мы ебали эту тьму.
И я его тогда в мужья возьму.

*

Не могу на тебя смотреть, когда ты ешь.
Не могу на тебя смотреть, когда ты молишься,
Не могу, когда вынимаешь ногу из брюк.
Не могу, когда целуешь меня и берешь.
Не могу на тебя смотреть, когда ты спишь.
Не могу на тебя смотреть, когда тебя нет.
Не могу дожждаться, когда же ты снова придешь
и, помолвившись, сядешь за стол есть.

*

И тараканов малых сих,
и, взявши выше, комаров,
и, взявши всюду и везде,
смешливых мух, мокриц в ночном
сортيره, пауков и моль —
пойми их и прости. Они
целенаправлены и цельны,
и нашей жизни параллельны,
и людям преданны душой
и легким телом.

*

Красным, ХВ — два шрама
на смуглых щеках яйца.
Как утешать маму?
В чем упрекнуть отца?
Но закричать: вскую!
Но прошептать: не рыдай...
Но скорлупу пустую
втаскивать в рай.

*

Цинизму — снизу, смеху — сверху,
а ближним — в профиль и анфас.
Любите рабу божью Верку,
как Верка вас.
А в храме — только фас и профиль,
и, басом, дел любовных профи:
славой и честью, судия,
венчай я!
Я по-славянски — их.
Возлюбим ближних своих.

*

Белый идет всем.
Черный — только красивым.
Нет не больных тем,
если живешь курсивом.
Счастье всегда секунд-хенд.
И не новей мытарства.
Будет и нам хеппи-энд.
Или небесное царство.

*

Владыко дней моих!
Дух праздности без уныния,
уныния без празднословия,
празднословия без любоначала
даруй ми.
Дух же целомудрия без смиренномудрия,
смиренномудрия без терпения,
терпения без любви
не даждь ми.
И — зрети.
И — не осуждати.

*

Нежным по нежному писаны лучшие строки:
кончиком языка моего — по твоему небу,
по груди твоей, почерком бисерным, по животу...
Нет же, любимый мой, я написала о тихом!
Можно, губами сотру
твой восклицательный знак?

*

Dies irae. День стыда.
Будет стыд ужасней гнева.
Будут справа, будут слева
дней испуганных стада.
Dies irae. День стыда.
Стыдно. Господи, как стыдно!
Справа, слева — сколько видно —
огненные города.
Dies irae. День огня.
День стыда — огня без дыма.
Он взойдет неугасимо
и дотла простит меня.

*

Выстроивший храм
станет ли строить дом?
Станет. И горе нам,
что не мы в нем живем.
Выстругавший алтарь
станет стругать кровать?
Станет. И горе нам.

*

Да, только тело.
Но так подробно,
так дробно,
так упорно,
бесспорно,
в упор,
каждую пору
под микроскопом...
И вижу,
как в клетке,
как в клетке,
диким зверем —
душа моя
из угла в угол...

*

Аристократия растительного царства —
ресницы. Их паденье величаво,
их похороны церемониальны,
чреватые исполнением желаний
и вызывают теплоту в ладонях
и зависть у подмышечного плебса.

*

О весна, по выраженью
Блока: дети, блики, птицы.
Нежный запах разложения
по проталинам струится.
И завоешь ночью звездной.
И слезой присолишь рану.
Полюбить как будто поздно.

Разлюбить как будто рано.
Мирозданье не гуманно.
Блуден сын и блудна дочка.
В черном списке Дон-Гуана
для меня найдется ль строчка?

*

Жизнь меня ловила на живца
и ловила. Так вкусна наживка,
что готова повторять ошибку
до крючка, до точки.
Без конца

*

Читаешь вслух — в отверстый, немигающий,
ногою дирижирующий слух,
в два слуха — в слухи слушательниц двух —
Жуковского. И поэтичность та еще —
пиршество слуху. Мыслящий лопух,
свои листы подветренно листающий,
с чего ты взял, что твой зеленый дух —
тот белый голубь, в синеве летающий?

*

Вот что: человек — струна,
ангел — флажолет.
Вот что: копия верна,
а подлинник — нет.
Путь недолог, но далек.
Может, доползешь.
Правда — ложь, да в ней намек
на другую ложь.

*

Кто пытается следопыта следом?
Кто идет за следопытом следом?
Кто смеется следопыту вслед,
заметая следопытов след?

*

Уставясь на твою бабочку, на твой цветок,
как проситель — на орден, на пуговицу, на сапог,
боясь посмотреть начальнику прямо в зрачки...
Просителю — чинов, денег, дачу у реки,
мне же, Господи, грех просить — у меня
цветок, бабочка, самая середина дня...

*

Вся наша жизнь — игра в почтовый ящик,
в котором ищешь-ищешь — и обрящешь
сухой листок и телефонный счет...
И долго слушаешь, как сердцем кровь идет.

*

— Наложница лажи, заложница лжи
и схимница схемы,
скажи мне, скажи мне, скажи мне, скажи,
куда мы и где мы?
— Игра, в день рожденья: подвешены в ряд
лисиčky и зайцы,
и кто-то, с завязанными, наугад...
Мы рядом висим, мой возлюбленный брат.
= Срезайте.

*

но мы достанем билеты
но будут места плохими
но фильм будет ужасным
но мы до конца досмотрим
но вместо КОНЕЦ ФИЛЬМА
прочтем КОНЕЦ СВЕТА
но в зале зажжется свет

*

Какие лицо и тело иметь бы хотела?
Ники Самофракийской лицо и тело.
Как бы я мимо всяких венер летела,
как бы мне до аполлонов не было дела,
как бы мое плечо на ветру холодело,
как безвозвратно бы я покидала пределы
зала слепков.

*

Жевать и чихать бесшумно,
зевать, рта не раскрывая,
не кусать губы и пальцы
и вообще не пукать —
да что я, не человек, что ли?

*

я обещала богу
я обещала маме
я себе обещала
мало
мало

мало силы у бога
мало силы у мамы
у меня нету сил —
посторонитесь
иду предавать

*

Не ходить по пятам за собою
не кричать чтоб себя не слышать
не кидаться плашмя на землю
чтоб потрахаться с собственной тенью
чтение не заменять вычитаньем
не бояться детей и кошек
не заботиться о ритме
уснуть с широко закрытыми глазами

*

на дерево, на листья на вершине,
на тщательность их выделки, на лист
в руке — такой же — и на облака,
на птиц, на всех на тех,
кто смотрит сверху

*

Время, оно
либо оно,
либо оно — оно.
Место, оно
либо одно,
либо оно бездомно.
Пастырь, он

либо пастух,
либо пасечник в маске.
Замысел, он
либо на слух,
либо ощупью ласки.

*

Зимой — животное
Весной — растение
Летом — насекомое
Осенью — птица
Все остальное время я женщина

*

Сегодня я опять ничего не поняла.

*

Свой дар отдать народу?
Дареное не дарят,
не продают.
Зарыть поглубже:
крэкс-фэкс-пэкс!
Наутро прорастет.

*

Так клумба государственных тюльпанов
взывает: *не ходите по газонам!* —
надеясь: оборвут, когда стемнеет.

Так юное влагалище, рыдая
под мужеской рукой, пощады просит
и жаждет, чтобы не было пощады.

Так я молю: *увольте жить в России!*
И знаю: слава Богу, не уволят.

*

Почему слово ДА так коротко?
Ему бы быть
длиннее всех,
труднее всех,
чтобы не сразу решиться произнести,
чтобы, одумавшись, замолчать
на полуслове...

*

Просьба делать ссылку на источник —
тихий иск художника к природе.

Так стопа, в грязи запечатлевшись,
видится издельем керамиста.

Так листок, дождем к стеклу прибитый,
вырезал Сулягин вдохновенный.

Так меня цитирует и правит
каждое твое прикосновение.

*

Воздух жуя ноздрями,
свет глазами жуя...
Ждете уж рифмы *хуями*?
Хуюшки вам, ни хуя!

*

Язык — это часть тела.
Как бы я ни хотела
язык отделить от тела,
язык — это часть тела
и разделит участь тела.

*

Я — одним росчерком.
Ты — отрывая перо
четырежды.
Написать *Ты*
в четыре раза труднее.

*

Люблю целовать книги.
У той целую обложку.
А эту — в обе страницы,
порывисто, троекратно.

ПОДРАЖАНИЕ АХМАТОВОЙ

и слово *хуй* на стенке лифта
перечитала восемь раз

*

Запомните меня такой,
как щас: рассеянной и резкой.
И слово бьется за щекой,
как бабочка за занавеской.

*

Читали Бродского, потом трахались.

Ляжем, и отнимутся ноги, прошлое, голова,
и от алфавита останется единственная Ааа,
из цифр — единица. Нет, фаллос скорее — минус.
Отнятая у всех и вся, под тобой вскинусь
подбородком, локтями, коленями — пятиконечно,
пять раз кончив, окончательно утратив речь, но
удвоенно слыша: мол, в матке влага утробы,
в которую окунаешь, в прадетство окунуться чтобы,
своего головастика — рабочий эскиз эмбриона.
Я киваю всем телом... *Потом снова читали Бродского.*

*

соски эрогенны
чтоб было приятней кормить
пупок эрогенен
чтоб родину крепче любить
ладони и пальцы
чтоб радостней было творить
язык эрогенен
чтоб вынудить нас говорить

*

Ночами за дверью моею
избитые плачут слова —
впускаю, за пазухой грею,
убитого слова вдова...

*

Положа ландыш на нотную бумагу,
расшифрую каденцию соловья.
Соловей — растение: он впитывает влагу
и цветет,
соловей да ландыш — одна семья.
А я? А я в тисках алфавита —
а — *я*, а мне сам брат — не брат,
речью, как пуповиной, обвита
и задушена.
Дарвин, Дарвин, хочу назад!

*

Поэзия: ложь во спасение
идеи, что слово — бог,
что легкое слово гения
спасительно, как вдох
ныряльщику, что колыбельная
печальнейшей из панихид
рули повернет корабельные
и спящего воскресит.

*

Если бы я знала морскую азбуку, я поняла бы, о чем
клен машет листьями
Если бы я знала азбуку глухонемых, я поняла бы, о чем
клен машет ветками
Если бы я знала азбуку Морзе, я поняла бы, о чем
долдонит соловей на ветке клена среди листьев
Если бы я все это поняла, я бы знала, зачем
нужна азбука Кирилла и Мефодия

*

Из песни не выкинешь песни.
Слова же — хоть все до единого.
Не перепишешь, хоть тресни,
мир, пища картину его.
Доля моя, две ноты,
начало Чижики-пыжика.
Что же ты бьешься, что ты,
бедное сердце, пыжишься?

*

Творить? Ну что ты! — Створаживать
подкисшее житие,
житуху облагораживать,
чтоб легче было ее
любить. И любить ее, жирную,
как желтый пасхальный творог...
А ты мне про тайны надмирные.
А ты мне — восстань, пророк...

*

Ботинки должны быть похожими на коньки.
Туфли должны быть похожими на балетки.
Обновки должны быть, как письма с фронта, редки.
Фасоны должны быть, как слово любви, редки.
Однажды начав интонировать слово «люблю»
по-разному, как Якубович рекламную паузу,
вижу, как это слово стремится к нулю,
и завидую Рихтеру, а еще больше — Нейгаузу.

*

Была бы моя воля, я бы запрет
употреблять одно слово в соседних фразах
распространила на соседние страницы, главы, романы,
месяцы, годы. Помолчи. Но ты повторяешься
даже в молчанье.

*

Разрежен воздух, но заряжен,
размешан теми, кто поет,
кто падает со скал и башен,
раскрыв зонты высоких нот,
кто в утлой лодочке ладоней
везет большой тяжелый вдох,
кто верный тон находит вestone,
от выдоха оставив ох...

*

Жемчуга ловчиха, твоя строка
не должна быть длиннее твоего нырка,
но должна дотянуться рукой до дна,
какой бы ни была глубина.
За обе щеки O₂ набери.
Любые слова под водой — пузыри.
Проповедуй рыбам, крести их водой,
извиваясь, всплывай с ладонью пустой.

*

Натюрморт: где стол был яств —
гроб. Умеренно мертва,
складываю про запас
в рифму мертвые слова.

Там, по ту сторону врат,
в златоверхом граде том,
все стихами говорят.
Мертвым — мертвым языком.

*

У нас до последней минуты
растут волос и голос,
и после последней минуты
еще подрастает волос,
а голос, вставши дыбом
над телом, ставшим дыбой,
плеснет уплывающей рыбой,
блеснет улетающим дымом

*

Умирал — умер:
чередование гласных
в корне мира мер.

*

Слово, где *ово* — яйцо, —
это отказ в первородстве
курице, это приказ
мне не летать, а нестись...

*

чашка
на столе
на клеенке

на лужайке
на солнце
после дождя
и не рифмовать

*

Во мне погибла балерина.
Во мне погибла героиня.
Во мне погибла лесбиянка.
Во мне погибла негритянка.
Как много их во мне погибло!
И только Пригов жив-здоров.

*

Хочешь, чтобы тебя слушали?
Чтобы к тебе прислушивались?
Ловили каждое слово?
Переглядывались — что он сказал? —
Хочешь? — Иди в машинисты,
води пригородные электрички,
говори свысока, небрежно:
«Мичуринец», следующая «Внуково».

*

задаю вопрос
чтобы сразу забыть ответ
и повторить вопрос
и не заметить что ответ
изменился

*

Не можешь писать — читай.
Не можешь читать — пиши.
Не можешь писать — пиши
письма. Не можешь писать
писем — читай вслух
ребенку «Федорино горе».

*

Поверхность мысли — слово.
Поверхность слова — жест.
Поверхность жеста — кожа.
Поверхность кожи — дрожь.

*

Еще никогда не сказано —
уже отдает пошлостью.
Еще никем не сказано —
уже на цитату похоже.
Что же
скажу?
Говори такое,
что никто никогда не скажет.
Или чтобы никто не услышал.

*

если есть чего желать
значит будет о чем жалеть
если есть о чем жалеть
значит будет о чем вспомнить

если будет о чем вспомнить
значит не о чем было жалеть
если не о чем было жалеть
значит нечего было желать

*

Соблюдайте мою тишину.

*

Бороться с пошлостью — пошлейшее занятие.
И вышесказанное тоже пошлость.
И нижедосказанное пошлость.
И рассуждения о молчанье пошлость.
И самое молчанье.

*

Тот свет — фигура речи.
Но там не будет речи.
Кладбищенские речи —
последний натиск речи
и последнее поражение речи
в борьбе с неизреченным.

*

Поняла, где у меня душа —
в самом нижнем, нежном слое кожи,
в том, изначном, что к телу ближе,
в том, что отличает боль от ласки,
в том, что больше ласки ищет боли...

*

Они менялись кольцами тайком.
Они в санях по городу летели.
Метели покрывали их платком
и хмелем посыпали их метели.

И путь у них настолько был один,
натеолько было некуда деваться,
что не хотелось куриц и перин,
что даже не хотелось целоваться,
а только лица ветру подставлять,
а только на ветру в лице меняться.
Метели мягко стелят. Страшно спать.
Еще страшнее будет просыпаться.

*

Мужчина: удар, давление.
Сперва без сопротивления
позволю давить сок,
потом напомню: лобок
под мякотью прячет кость,
и ты — не хозяин: гость.

*

То ли пол — это поддела
то ли дело на полжизни
то ли жизнь не полна половая
то ли я не люблю тебя больше
Нет, я люблю тебя больше.

*

«На севере диком...» — Сапфо, а не Гейне.
Ты — пальма. И юг твой, как север мой, дик.
А если из Гейне, то пенье на Рейне,
дуэт лорелей. А сплочая сплетенье —
Наталя, пойдем в хоровод эвридик,
которым орфеи и лели — до фени:
с нездешнею нежностью, без сожаленья
покажем им розовый острый язык!

*

Душа расставалась с телом.
Моя — с твоим телом.
Твоя — с моим телом.

Душа улыбалась телу:
— Ну все. Я полетела.
— Ну все. И я полетела.

Душа склонялась над телом:
— А мне-то какое дело?
— И мне — какое дело?

Душа прижималась к телу:
— Прости. Я не хотела.
— Прости. И я не хотела.

*

Одиночество — это болезнь,
передающаяся половым путем.
Я не лезу, и ты не лезь.
Лучше просто побудем вдвоем,

поболтаем о том о сем,
не о том, не о сем помолчим
и обнимемся, и пойдем:
одинокий неизлечим.

*

Размажь по стенке, но — по своей,
топчи, чтоб смогла прилипнуть к ногам,
из колючей проволоки гнездо свей,
вот увидишь, что нам будет там
хорошо.

*

Нет любви? — Так сделаем ее!
Сделали. Что дальше будем делать? —
Сделаем заботу, нежность, смелость,
ревность, пресыщение, вранье.

*

Надобны два зеркала
или два мужчины
чтоб себя любимую
увидеть со спины
Надобно быть зеркалом
чтобы два мужчины
были друг ко другу
лицом обращены
чтоб наполнив рюмки

виноградной гнилью
спутавшись локтями
перешли на Я
Чтоб накрывши юбкой
как епитрахилью
отпустила каждого:
Да, твоя. Твоя.

*

Давай друг друга трогать,
пока у нас есть руки,
ладонь, предплечье, локоть,
давай любить за муки,

давай друг друга мучить,
уродовать, калечить,
чтобы запомнить лучше,
чтобы расстаться легче.

*

Зачем считала, сколько мужиков
и сколько раз, и сколько раз кончала?
Неужто думала, что будет мало?
И — было мало. Список мужиков —
бессонница — прочтя до середины,
я очутилась в сумрачном лесу.
Мне страшно. Я иду к себе с повинной.
Себя, как наказание, несущу.

*

О чем бы я ни писала, пишу о ебле.
И только когда я пишу о самой ебле,
то кажется, что пишу совсем не о ебле.
Вот почему я пишу только о ебле.

*

кричать — не кричу, только скулю-скулю,
тебе подставляя то одну, то другую скулу

*

- 1) Девушка, у которой губы
выразительней, чем глаза
- 2) Мужчина, у которого руки
умнее, чем лицо
- 3) Бомж. Св. Франциск
его бы поцеловал
- 4) Ребенок с плохими зубами
- 5) Дальше, я знаю, — ты
Но боюсь на тебя смотреть
Вдруг я тебя не люблю

*

Не избегай так стремительно на крыльцо
моего дома сожженного.
Не смотри так внимательно мне в лицо,
ты же видишь — оно обнаженное.

Не бери меня за руки — этот стишок
и так отдает Ахматовой.
А лучше иди домой, хорошо?
Вали отсюда, уматывай!

*

Обнажена, и руки-ноги настезь —
ну что еще с себя я не сняла?
А это ты на мне, и свет мне застишь.
А смерть — сооруженье из стекла,
гроб на колесиках завода Гусь-Хрустальный
с маршрутом от стола и до стола
без остановок. Путь предельно дальний.
И все как на ладони, и окна
не замутит горячее дыхание,
и жизнь, как из троллейбуса, видна.

*

Спящему поправить одеяло,
в лоб поцеловать и вдруг увидеть
бороду и кудри на подушке
с точки зрения Иродиады...

*

Вместе кончать,
чтобы вместе кончить кончать,
чтоб когда-нибудь начинать
вместе кончить
(Филемон и Бавкида),
и одновременно кричать,
чтоб когда-нибудь одновременно

замолчать,
чтобы дух испустить как спустить
и пуститься в бега
перед сворою ангелов гончих.

*

В знак тсс приложи палец
к моим малым губам
Впрочем, они не меньше
моих основных губ
Впрочем, они и не больше
Впрочем, почему основных
Впрочем, больше о прочем
не могу, потому что — тсс

*

Не говори своему телу *Я*.
Не говори моему телу *Моя*.
Краем себя отгибая мои края,
тело мое по своей мерке кроя,
знай: когда я кончаю, кончаюсь я
и, не своя, я тем более не твоя.

*

Я из-под палки изучаю
чудные Господа дела:
жизнь несерьезна, но печальна.
Серьезна смерть, но весела.

О смерть, твой вкус кисломолочен
и вечнозелен твой покой,
твой полный курс, как сон, заочен
и весь — бегущею строкой.

*

Один умножить на один равняется один
Отсюда вывод, что вдвоем ты все равно один
Отсюда вывод, что вдвоем ты со вторым един
Отсюда вывод: твой второй, он, как и ты, один

*

Ты, не пускающий меня в алтарь,
Ты, брезгующий мной в больные дни,
не знающий длины моих волос,
кривящийся, что высоко пою, —
прости меня. Пожалуйста, прости.

*

В слове *дрожать*
жар, а не холод,
ежели молод.
В слове *дрожать*
холод, не жар,
ежели стар.

*

Безрадостное общение —
не повод для обобщения.
Любите! — глаголет вам
бегущая по граблям.

В ДОПОЛНЕНИЕ К ЗАВЕЩАНИЮ

Дождем и дымом, дымом и дождем...
Вот запах, под который хороните.

*

Давайте меряться любовью:
люблю. Кто больше? Больше всех
люблю. Любой оставлю грех.
Плачу собою, болью, кровью,
судьбой. Кто больше? Тем, что после
судьбы. Забуду дочь и мать.
Все? Голенькая лягу возле,
когда ты будешь умирать.

*

Этих слов не снести почтальону,
самолету крениться крылом,
этих, пахнущих сердцем паленым
и покоем, пошедшим на слом
в одночасье, на родине, чуждой
нам обоим... На весь этот свет:
я люблю вас. Ответа не нужно.
Надорвусь, надрывая конверт.

*

Ежели долго глядеть на цветок на обоях,
можно увидеть другое, допустим, фигуру.
Значит ли это, что зрение нас обмануло?
Или фигура устала цветком притворяться?

Ежели долго глядеть на свое отраженье,
можно увидеть совсем не свое отраженье.
Значит ли это, что зрение нас обмануло?
Или действительно смерть подступила так близко?

*

Буду любить, даже если не будешь есть.
Буду любить, даже если не будешь бить,
если не будешь любить — буду любить.
Буду любить, даже если не будешь быть.

*

Хоть чуть-чуть увековечь —
вылепи меня из снега,
голой теплою ладонью
всю меня отполируй.

*

Не надо трогать этой песни —
она сама себя сплет.
Но чем летящее телесней,
тем убедительней полет.

*

имя свое на конверте прочесть
и вспомнить, кто я есть
адрес свой на конверте прочесть
и вспомнить, где я есть
обратные имя и адрес прочесть

и вспомнить — еще кто-то есть
надорвать конверт и письмо прочесть
— Павловой, до востребования.
— Нет. Ничего нет.

*

Гологамия (греч. bolos — полный, gamos — брак) — простейший тип полового процесса (у некоторых зеленых водорослей, низших грибов), при котором сливаются не половые клетки, а целые особи.

Энциклопедический словарь

Гологамия (греч. holos — полный, gamos — брак) — простейший тип Полового процесса (у некоторых Зеленых водорослей, низших грибов), При котором сливаются не половые Клетки, а целые особи.

*

*С.И. Гальперин, А.М. Васюточкин.
Курс анатомии и физиологии человека.
Учпедгиз, 1950*

Верхняя челюсть и скуловая кость
Вместе с лобной и клиновидной костями,
А также слезной и решетчатой костями,
Образуют глазницу, представляющую костное
Вместилище для глаза.

*

Бабочка раскрывает крылья: Х
Бабочка складывает крылья: В
Бабочка взлетает: ХВ, ХВ
Бабочка улетает

*

Леда и лебедь? — Лебедь и лебедь.
Но лебединую песню мне петь.

*

Почистила зубы.
Больше я этому дню ничего не должна.

*

оцарапав острым крылом,
пролетел над самым столом
тихий ангел,
и сразу за ним
матерящийся херувим

*

Одна известная игра:
братъ
вратъ
драть
жрать
орать
срать
Будешь играть?

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

1

Печальный двоечник с пожухлыми цветами,
пожухлый папа с фотоаппаратом,
зубами щелкающим: ну-ка, птичка,
на вылет! И — отсутствие резцов
в улыбках первоклашек, недовоспелость
в улыбках второклассников — клыков...

2

А на крыльце — мои учителя:
алфизик Инденбаум — всякий знает,
что у него одна нога короче
и, может быть, стеклянные глаза,
Марьпетра вредная, химера, тойсть химоза,
ныне и присно пьяненький чертежник
и величавый педагог труда...

3

Запомнила немного: как Камоша
меня за новорожденные груди
хватал, и было больно и обидно,
а позже — непонятно, почему
девчонки говорят, что неприлично
так тесно танцевать медленный танец
с Камошей. Кстати, ведь Камоша умер.
Болел плевритом, умер. Белый танец.
Я, как всегда, Камошу приглашу.

*

Боб сказал:
— А ты написала,
как я ловил летучих мышей?

Боб ловил летучих мышей,
потому что папа сказал, что нельзя
их поймать — у них ультразвук.

Боб ловил летучих мышей,
быстро-пребыстро крутя полотенцем.

Она была жилистой,
как из «Кулинарии».

Ее отпустили.

Боб сказал:
— Написано верно,
но что-то с ритмом

ВТОРОЙ ЯЗЫК

П Р И З Н А К И Ж И З Н И

Слог — звук или сочетание звуков, произносимых одним толчком выдыхаемого воздуха.

(Словарь Ожегова)

СЧИТАЛКА № 1

Подсознание живет в животе,
подсознание поет в темноте.

Кто поймет,
о чем поет
его живот,
тот поймет,
что он живет
наоборот.

РОД

Папа родился в телеге
на обочине лесной дороги.
Это было бы мифом,
если бы не было правдой.
Я видела это место.
Я там собирала клюкву.
Там ее так много,
что можно собирать не глядя.

РОК

В сорок первом бабушке явилась Богородица,
вошла в окно, прозрачная, и сказала:
Не плачь, Анна, твой мужик вернется!
Конец цитаты. Начало долгой надежды.
Матвей вернулся. Богородица не возвращалась.

РАК

В полстакана горячего сладкого чаю —
полстакана дешевой водки. И — залпом.
Напиток назывался «Коктейль от Матфея».
Матвей без коктейля не садился обедать.
30 декабря какого-то года
Матвей и Сашка сели обедать.
Матвей сказал: «Выпью последнюю»,
выпил коктейль от Матфея и умер
от рака горла.

ТАК (М. и Ф.)

Так: дедовщина мифа.
Деды — Матвей и Федор
друг друга переводят
с умершего на мертвый:
Матфей по-арамейски,
по-гречески Феодор,
Дар Божий по-славянски,
но и славянский ныне
для них, умерших, мертвый
язык, — для них, плывущих
подкожной, внутривенной

рекой, Матвей — Мологой,
Москвой-рекою Федор,
Матфей — в моторной лодке,
Феодор — в надувной.

ТЁК

По внутренней поверхности реки
(Матвей — в моторной, Федор — в надувной)
плывут вверх по течению рыбаки,
плывут, но не за рыбой, а за мной.
Матвей кидает за борт динамит,
а Федор — сеть. Он сам ее связал
крючком. О как сияет, как слепит
река, когда смотрю реке в глаза!

СЧИТАЛКА № 2

Время бьет,
не оставляя синяков.
Дили-бом,
жил да был,
был таков.
Гамано,
маргано,
суефа.
Суета,
суета,
суета.

ТОК

Стихи не должны быть точными.
Стихи должны быть проточными.
Сказано очень точно.
Но не очень проточно.

СОК

Мои родители были девственниками.
В 22 — даже по тем временам перебор.
Правда, папа слыл в общежитии бабником,
но он ходил по бабам, чтобы поесть,
потому что жил на стипендию.
К маме он тоже сначала ходил поесть.
А когда в институте пошли разговоры о свадьбе,
маме подбросили книжку
«Как девушка становится женщиной».
Но мама ее выбросила, не раскрывая.
Им было страшно меня делать.
Им было странно меня делать.
Им было больно меня делать.
Им было смешно меня делать.
И я впитала:
жить страшно.
Жить странно.
Жить больно.
Жить очень смешно.

СОН

Сон на веки наложит швы
гнутой иглой ресниц.
Я насадка своей головы.
Норма пятьсот яиц,
и нужно запомнить пятьсот имен,
чтоб семь смертей отвести.
Но расходятся швы незаживших времен.
С добрым утром. Здравствуй. Прости.

ТОН

Язык птиц состоит из наречий.
Язык рыб состоит из предлогов.
Язык листьев и трав — человеческий.
Сказано ими *Эн архе эн логос*.
Плюс разговор звезды со звездой,
который синхронно переводит за кадром
певчий кузнечик. Мы с тобою
ошибочно называли его цикадой
и саранчой, и выслеживали по звуку,
окружали, подкрадывались на цыпочках, шепотом,
и он щекотно кусал мне руку
и пачкал чем-то коричнево-желтым.

ОН

отделяю тебя от себя
чтобы сделать тебя собой
отделяю себя от тебя
чтобы сделать себя тобой
а появится ангел трубя
позывные *Вечный покой*
отделю себя от себя
осторожной твоей рукой

НО

Тебе нужно было отдать все.
Но всего у меня тогда уже не было.
У меня не было прошлого — оно прошло.
У меня не было будущего — оно прошло бы.
Но самое главное, у меня не было тебя.
У меня не было тебя. Никогда не было.

СЧИТАЛКА № 3

Вызываю дуализм на дуэль,
целюсь-целюсь, но в глазах двоится цель.
И с досады я палю наугад.
С неба ангельские перья летят.

НА

1

Мою подругу
лишил невинности
студент духовной академии
указательным пальцем
правой руки.
Когда он ее бросил,
она поверила в Бога.

2

Мою подругу
лишил невинности
бетонный забор
вокруг школы.
Мы все ходили по этому забору.
Мы все падали с этого забора.
Но мы падали с,
а она упала на.

Кровь унялась быстро.
Подруга стала фригидной.

ДА

уже знаю
что смерти нет
еще не знаю
как сообщить
об этом
умершим

АД

Мир тебя не узнал — богатой будешь
в жизни иного, лучшего, вечного века.
Чем богатой? — Забвением. Ты забудешь,
как обидно было быть человеком,
как истязало душу тело — Сальери,
мстящий Моцарту за свое небессмертье,
точно знающий: рай, он на самом деле,
но выдуман ад и все его черви и черти.

САД

чтобы волосы пахли дымом
чтобы кожа водой речною
а назвать ли это Эдемом
или кличкой какой иною
только знаю что садом не был
только знаю что будет лесом
что рекою окажется небо
невесомость легчайшим но весом

МАТ

Жертвуешь собою, как ферзем,
чтобы мне поставить мат Легалья.

Старый трюк, испытанный прием! —
Христиане так переиграли
бедных римлян. Дело в кураже.
Только свято место снова пусто.
Требуется искусство новых жертв,
требующих нового искусства.

МАТЬ

Смешнее всего было рожать.
— Иди, — буркнула медсестра
и неопределенно махнула рукой
куда-то по коридору.
Подхватила живот, пошла.
Шла, шла, вдруг — зеркало,
а в зеркале — пузо
в рубашке до пупа,
на тонких, дрожащих,
сиреневых ножках...
Смеялась минут пять.
Еще через пять родила.

ТАТЬ

Вечные поиски
признаков жизни.
Вечные происки
призраков жизни.
Признаков признак —
дыханье зрачка.
Призраков призрак —
шестая строка.

СТАТЬ

Как собака в подвал — помирать,
отползаю в себя — понимать,
понимаю, что нету подвала,
где б когда-нибудь не помирало
пониманье, чтоб снова родиться
и явиться высоким и чистым,
и ломать за границей границу
прирожденным империалистом.

СЧИТАЛКА № 4

С левой ноги марш.
С правой ноги стой.
Просится Отче наш.
Плачется Боже мой.

СТЫТЬ

Бабушка не пускала. Но Федор надел ордена
и пошел в Совет ветеранов. Блажен муж
иже не иде в Совет ветеранов в такой мороз
в свои девяносто. Но Федор надел ордена.
И почти вернулся. Каких-нибудь двести шагов,
сто стуков палочки — и был бы дома, но тут
дедушку Федю убил наповал Дед Мороз.
...лежал на снегу, желтый, как апельсин.
Палочка — рядом, — древко. А знамени нет.

СТЫД

— Сегодня был такой кошмар!
В метро. Трусы врезались в писк —
и такой оргазм! Аж слезы брызнули.

И так захотелось всех из вагона выгнать —
и повопить.
Бедные мы люди!..
— Со мной было еще хуже.
В троллейбусе. Вдруг —
дикое расстройство желудка.
Вся зажалась, чтобы не обкакаться.
Знаешь, сколько раз я кончила?
Бедные мы люди!..

СТОН

Вторичные признаки жизни:
оперенье, цветенье, пенье.
Рассудок мой, отвяжись, не
считай в строке ударенья,
пусти зацвести, опериться,
излиться в улыбчивом стоне,
буквы склевать со страницы,
как зерна с ладони.

СОН

Чужие смерти толковать как сон,
один и тот же сон, с одним значеньем..
Не удовлетворен моим прочтеньем,
все чаще, все упорней снится он.
По ком ты, телефон, звонишь опять,
сужая оборону круговую?
Когда ж его я верно истолкую
и наконец смогу спокойно спать?

СЫН

Брат лежал на бабушкиной кровати и сучил ногами.
Сейчас упадет, — подумала я. Но он не падал.
Почему не падает? — подумала я. Сучил ногами.
Должен же упасть! — подтянула за ноги поближе к краю.
Но он не падал. Подтянула еще. Сучил ногами.
Потянула. Упал вниз головой со страшным стуком.
И так, дурак, разорался, что прибежала бабуля:
Кто оставил ребенка? — И я ответила: *Мама*, —
но про себя, дрожа в темноте под бабушкиной кроватью.

САН

Только кормившей грудью
видна красота уха,
только вскормленному грудью
видна красота ключиц.
Дадена только людям
создателем мочка уха,
только ключицами люди
немного похожи на птиц,
в ласках нечленораздельных
ночами туда летя,
где, колыбель колыбельных
качая, плачет дитя,
где на воздушной подушке
не спят, но делают вид
звезды, его игрушки.
И не одна говорит.

НАС. ВАС

Мы любить умеем только мертвых.
А живых мы любим неумело,

приблизительно. И даже близость
нас не учит. Долгая разлука
нас не учит. Тяжкие болезни
нас не учат. Старость нас не учит.
Только смерть научит. Уж она-то
профессионал в любовном деле!..

ВЕС

Невесомость — это фуфло.
Все живое имеет вес.
Все любимое тяжело.
Всякой тяжести имя — крест.
Новорожденный. Часу нет.
Вместо имени — вес и рост
и любовная тяга планет,
и тяжелое пламя звезд.
Даже тень оставляет след.
Эвридикин отчетлив шаг.
Тяжек мрак. Тяжелее свет.
Никакой невесомости нет.
Космонавт, не кривляйся, ша.

ВСЕ

У меня ничего с ним не было.
У меня с ним все уже было.
Самый короткий путь
от ничего до все.
Самый скользкий.
Самый безопасный,
если предохраняться.

ВЕСТЬ

Да исполнятся наши уста
моления Приснодеве.
Как за пазухой у Христа,
Христу у нее во чреве.
Веры вертится веретено,
тянутся светлые нити.
Если все предопределено,
приидите, прядите
облака и вяжите для нас
свитера, рукавицы,
крестообразно у самых глаз
пересекая спицы.
И, нарядные, мы войдем
в тот вертеп, утепленный
золотистым волнистым руном, —
в храм рождественский, в божий дом,
в материнское лоно.

СЧИТАЛКА № 5

С широко раскрытыми ноздрями
шла навстречу безвоздушной яме.
Грешник — грязь у Бога под ногтями.
Я хочу обратно к папе-маме.

СВЕТ

Прозрачно, как алтарная преграда,
сияет небо. Мне в алтарь нельзя,
меня туда не пустят — и не надо,
раз небо, как алтарная преграда,
и след от самолета, как стезя,
как стежка, как дорожка, как дорога...

За небом — небо, в небе — небеса,
все девять. Слава Богу — Бога много.
Гораздо больше, чем вместят глаза.

НЕТ

Учишь плавать, бросая в омут,
летать — вышибая из-под ног табуретку.
Учишь не плакать, когда другому
это не удастся. Удастся — редко.
Потом учишь пролетать мимо,
стилем баттерфляй пересекая небо.
Потом учишь, что мнемо- — мнимо.
Что меня нет. Что тебя не было.

ТЕНЬ

Страх, мягкий, как детский позвоночник,
становился совершенно нестерпимым к ночи.
Ходить не могла — все время бегала,
убегала от чего-то, чего не было.
Теперь — есть. Но страх стал твердым,
несгибаемым, как позвоночник, гордым.
Больше не бегаю — как с лучшим другом,
хожу под ручку с собственным трупом.

ДЕНЬ

мои
коленные чашечки
кофейные чашечки
кофе в постель
на двоих
тебе подавать
мне проливать
тебе слизывать
мне проливать

тебе слизывать
мне вытягивать шею
и — мурашки,
перебежчики
с твоего живота
на мой

ЛЕНЬ

Мурашки бегут с твоего живота на мой.
Бедняжки, думают, что убегут от смерти.
Дурашки, думают, что добегут домой,
что выживут в этой немыслимой круговерти,
что их не размажет всмятку живот о живот,
что их не завалит глобальным этим обвалом!..
Размажет. Завалит. Но — чудо! — Вот они, вот,
бегут к муравейнику как ни в чем не бывало!

ТЛЕН

- а) Смерть, которая жизнь подчеркивает:
в старости, в сознании, подводя итоги;
- б) смерть, которая жизнь зачеркивает:
молодая, нелепая, посреди дороги,
которая кровью себя подчеркивает,
на поминках опаивает ядом трупным;
- в) смерть, которая себя перечеркивает
крест-накрест. Но это безумно трудно.

ПЛЕН

Я им не стала матерью,
я им осталась тьмою.
Я им не стала скатертью-
дорогой, осталась — сумою.

Вдохом не стала выдохом.
Выплеснула, как воду.
Я им не стала выходом.
Я им осталась входом.

СЧИТАЛКА № 6

Упор присев.
Упор лежа.
Двенадцать дев.
Сырая кожа.

Беги. Бегу.
Забег. Погоня.
Готова к труду
и обороне.

ПЛЕД

Не осмыслить — озвучить.
Если тело звучит,
значит, живо, живуче.
Как чудесно урчит
в животе! Как скребется
сердце — жук в коробке!
Прозвучит — и поймется.
И затихнет в руке.

ПЛОД

Дело не в плотности слова —
дело в его чистоплотности,
в том, чтобы снова и снова
слово в себе, как плод, нести,
чтоб покидало тело
слово, как плод, своевременно...

Дело в том, чтоб не делать
того, что вредно беременной.

ПЛОТЬ

Кровью своей умыться,
выпачкавшись чужой...
С кем ты, с кем ты — с убийцей
или с ханжой?
Кровью, рекой непроточной,
алой и голубой...
Кровь молода, непорочна,
зла, хороша собой.
Нет ничего ярче —
отвори и твори.
Нет ничего жарче —
так и жжет изнутри,
так и рвется — пролиться,
так и жаждет — омыть...
Следовательно, с убийцей?
Может быть.

ПОЛ

Пол... Но
полно.

ПЫЛ

Жар — это птица,
жар — это птица Нагай.
Кто тут боится?
Лучше на мне полетай.
Видишь лесочек?
Не дотяну, хоть убей.

Дай мне кусочек
плоти горячей твоей.
А за лесочком
птица живет Алконост.
Два-три кусочка —
и подниму выше звезд,
выше страданий.
Слышишь, как Сирин поет?
Малою данью
будет мне тело твое.
Сорок и восемь.
Шприц убери, медсестра.
Милости просим
в царство любви и добра.

ПЫЛЬ

Самый женский из жестов:
посреди дороги, беседы,
объяснения, прощанья навеки
изогнуться изящным движеньем
и ладонью вытереть туфли —
новые ж!.. Самый мужской —
эту руку поймать на излете
и прижать ладонью к щеке.

СЧИТАЛКА № 7

Вот-те раз
кровь ударила в таз
Вот-те два
юзом пошла голова
вот-те три
если дают — бери
и беги

на все четыре
впрочем, всего три
комнаты
в нашей квартире

БЫЛЬ

быль порастает быльем
былье слезами польем
когда все быльем зарастет
никто нас в былье не найдет

БОЛЬ

не операция
в райских кущах наркоза
не перевязки
режущие по живому
но послесловьем терпенья
старая санитарка
подрезая марлю
трясущимися ножницами
отхватывает полсоска

СОЛЬ

Миф — отложение солей,
загар на циферблате,
парад зверей и королей,
небритый дождь в халате,
его дуэль с Руа-Солей,
его конец в застенке...
Миф — отложение солей
в плече, в спине, в коленке.

ЛОСЬ

в малиннике
в каких-то двух шагах
стремительно
не дав себя запомнить
Зато очень хорошо помню, как лось —
другой или тот же самый? —
переплывал Москва-реку —
переплывал долго-долго,
по-пластунски.

ОСЬ

Мечешься в смятении,
спрашиваешь: *Где мы?*
Сказать тебе? —
В солнечном сплетении
Солнечной системы.
Землей называется.
— *В такой-то темени,*
ночью толстостенной?
Повторить тебе? —
В солнечном сплетении
Солнечной системы.
Любовью называется.
Но ты тянешь: *Тени мы,*
в чем-то животе мы...
Сколько же раз повторять тебе? —
В солнечном сплетении
Солнечной системы.
Жизнью называется.

СО

Событие, со-бытие,
которое определяет
сознание, со-знание,
которое не оставляет
сомнения, со-мнения
в сочувствии и соучастье.
И если умру, то не я.
Ну, может, отдельные
(не самые нужные)
(не самые лучшие)
(не самые красивые)
части.

С

Не надо обо мне молиться.
Не то, молитве слезной вняв,
со мною что-то не случится,
минует что-нибудь меня,
наставит на стезю иную,
напомнит про всеильность уз,
и что-то злое не минует
того, о ком в слезах молюсь.

Я

Я позову:
— Я! —
и ты обернешься.
Не потому, что ты — это я,
но потому, что я — это ты,
потому что имя твое
носили многие произносили,

потому что отчество *Любовь*
носили многие произносили,
потому что фамилию *Жизнь* —
многие, многие,
а *Я* — это ты,
это имя только твое.

СЧИТАЛКА № 8

М — Ж.
Мертв — жив.
Ненужное зачеркнуть.

ХАБАНЕРА СО СПИСКОМ

(Бизе, Кармен)

(Моцарт, Дон Жуан)

ЭСКАМИЛЬО

Я их не помню. Я не помню рук,
которые с меня срывали платья.
А платья — помню. Помню, скольких мук
мне стоили забытые объятия,
как не пускала мама, как дитя
трагически глядело из манежа,

как падала, набойками частя,
в объятъя вечера, и был он свеже-
заваренным настоем из дождя
вчерашнего и липовых липучек,
которые пятнали, не щадя,
наряд парадный, сексапильный, лучший
и ту скамью, где, истово скребя
ошметки краски, мокрая, шальная,
я говорила: *Я люблю тебя.*
Кому — не помню. Для чего — не знаю.

ЛЕПОРЕЛЛО

Ни лиц, ни голосов — сплошной пробел.
И даже руки начисто забыты.
А список — это дело лепорелл, —
не Дон-Гуана и не Карменситы, —
продукт усердия лукавых слуг,
четыи-миней заспанных лакейских...
Что им свеченье анонимных рук,
в густых кустах на берегах летейских,
что им сиянье безымянных глаз,
безумных от желания и риска?
Им сторожить коня, кричать «*Атаа!*»
да имена придумывать для списка.

ИМЯРЕК

Итак, имена придуманы.
Осталось придумать, кем
они придуманы, чтобы
придумать имя ему

и звать его и по списку
ему диктовать имена,
как будто он сам не помнит,
кого он и как назвал.

ПСЕВДОНИМ

Уже при знакомстве
люди распадаются
на две категории.
Одни ухмыляются:
Четвертый сон
Веры Павловой!
Другие спрашивают:
Вера Павлова —
это псевдоним?

ПЕРВЫЙ СОН

Наводнение.
Дневники подмочены.
Сама боюсь посмотреть,
прошу Мишу.
Он разлепляет листок за листком.
На каждом — алфавит прописными,
как на последней странице Букваря.

ОЛЕГ ЕРМАКОВ, 1-Й «В»

Там плачет
потерянный ребенок —
мое детство.

Там плачет
растерянная дева —
моя юность.
Там плачет
истерзанная дура —
моя молодость.
Они плачут,
они думают,
что я их забыла.
Они не знают,
что меня просто-напросто
к ним не пускают,
что я без них,
что вместе с ними
я плачу
тут, в будущем.

МАТВЕИЧ

Родина прадеда, деда, отца...
У реки, опустясь на колени,
живую воду пила с лица,
целовала свое отраженье.
Целую руку твою, река
в верховьях — Чагода, здесь — Чагодошча!..
Чиста, холодна, мускулиста рука.
Отец зовет меня: *Верба, доча,*
хочешь ухи? — И одну на двоих
ложку наскоро нам стругает
и за то, что забыла их —
ложки, — ласково так ругает...

ДИМА КОРНИЛОВ,
МАЛЬЧИК, ЖИВУЩИЙ В ПАЛАТКЕ
НА ДРУГОМ БЕРЕГУ
МОСКВА-РЕКИ

— *Зачем тебе этот купальник?*
У тебя же ничего нет!

Бабушка. Мама. Тетя.
Каждая по три раза —
достаточно, чтобы усвоить:
все — это грудь. Это груди.
И много пришлось сносить
лифчиков, чтобы открылось:
тогда у меня все было.
Только тогда. А теперь —
грудь со звездчатым шрамом
да страх за любимых. И только.

МИША КАМОВНИКОВ
ИЛИ ОЛЕГ ПАНФИЛЕНКО?

Диспансеризация.
Девочкам раздеться до трусов.
Чтобы не стесняться, я
косу распустила по плечам.
Кожею гусиною
гадкие утята изошли.
С талией осиною
вдруг ко мне подходит медсестра.
Ежусь настороженно.
А она, погладив по щеке:
— *Ты моя хорошая!* —
с нежною улыбкой говорит.
— *Хорошая девочка!* —

волосы поправив на плече,
— *Хорошая девочка!* —
ноготком коснувшись живота.
Препаршивая пора!
Переходный возраст перейти
помогла мне медсестра,
стройная, как фея из кино.

КАМОША

В школьной раздевалке красная девица
потеряла сменку — хрустальный лапоть.
Память, твоя художественная самодеятельность
заставляет меня краснеть и плакать.
Память, ну что это за любительщина,
дилетантщина сентиментальная!
Из каких чемоданов вытащено
это грязное платье бальное
с мишурой новогодней, пришитую
наживую, а вышло — намертво?..
Похоже, память, не пережить того,
что в твоих чемоданах заперто...

ОРФЕЙ

Куда ты, память, куда ты
прячешь любимых когда-то?
Куда ты, агнец-голубчик,
одетый в двойной тулупчик, —
через какую таможню?
Добрая память, можно
мне, подпоров подкладку,
право купить на оглядку?

ВТОРОЙ СОН

*Магазин.
Покупаю автомобиль и коньки.
Расплачиваюсь купюрами,
с одной стороны — обычными,
а на обороте, на белом, —
мои стихи от руки.
Их принимают без тени сомнения.
Но кто поведет машину домой?
Появляется Матвейч.
Но он не умеет водить.
Мама.
Но она не умеет.
Я тоже не умею, но сажусь за руль:
доеду как-нибудь.
Еду, как на санках.
Благо, все время под горку.*

ВАДИК

Что же я знала о любви,
когда любви еще не знала?
Что в сердце — да, но не в крови
(а кровь, тактичная, молчала),
что в сердце — не под животом
(подружки — скромные девчонки),
что вот он входит, а потом...
Но удален (обрезки пленки)
даже исходный поцелуй.
Он только входит — каждый вечер.
Как сладко быть ему сестрой
и засыпать ему навстречу!..

ПОЛЬ

Первая строчка
падает с неба,
как птенец из гнезда.
Первая точка —
катышек хлеба,
кап — на ладонь — вода —
пей. Я буду
тебя выхаживать —
топ — спотыкаюсь — топ,
буду всюду
тебя оглаживать,
буду вылизывать, чтоб
по законам
аэродинамики
мой развивался певец,
чтоб с балкона
докучливой маменьки
он улетел
наконец.

МАРАТ

Марат. Народник. Beatles на баяне.
Я теоретик. Я ему не пара.
Как говорится, слишком много знаю
о малом вводном с уменьшенной квинтой,
о вертикальном контрапункте Баха,
о Шенберге, о Веберне, о Берге.
Но ничего не знаю о Марате.
И о себе не знаю, а пора бы —
шестнадцать лет. И вот мы на турбазе,
и вот мы в темной комнате с Маратом
одни. О Шенберг, Шенберг, что мне делать? —
Он расстегнул мне ворот олимпийки,

за плечи обнял, трогает ключицы,
но почему-то на меня не смотрит —
что делать, что? И Шенберг надоумил.
И я сказала: *Тут немного дует.*
Пойду, — сказала, — форточку закрою. —
И — опрометью — вон, к себе, вся — сердце.
И — Yesterday за стенкой на баяне.

АНДРЕЙ

Мы с Андреем катались на лодке.
Мы с Андреем приплыли на остров.
Мы с Андреем лежали на травке.
Мы с Андреем смотрели на небо.

Вдруг — лицо его вместо неба,
вместо солнца — красные губы.
Он завис надо мной, как ястреб,
чтобы камнем упасть на жертву.

И упал бы, да я увернулась.
И скользнул вдоль румянца вприпрыжку
плоским камушком по-над водою
первый мой поцелуй. Самый первый.

ТРЕТИЙ СОН

*Я снимаюсь в фантастическом боевике,
мою героиню зовут Клеопатра,
моего режиссера как-то односложно — Фосс?
Он сам гримирует меня перед съемкой,
красит помадой, но не только губы,
а и рот внутри, десны, небо,
одновременно целуя.
И я чувствую во рту
и помаду,
и его язык.*

ИЛЬЯ

Ласково ластясь,
по счастью верный товарищ,
ластиком — ластик,
меня с простыни стираешь,
тоже стираясь,
крошась, истончаясь с краю.
Выгнала. Маюсь.
Тебя с простыни стираю.

ВАЛЕРА

Исполнил меня, как музыку,
и, голый, пошлепал в ванную.
Смотрю — из его кармана
высовываются мои трусики.
Ворье, собираешь коллекцию?
Вытащила, заменила
парадными, чтобы милому
запомниться великолепною...

СЕРГЕЙ, АРТУР, НИКОЛАЙ, ДРУГОЙ СЕРГЕЙ

Страсти плавленный сырок
между ног.
Но урок опять не впрок.
Как ты мог
не любя, меня любить,
как себя,
и собой со мною быть,
не любя?

ИГОРЬ, ЮРИЙ, ИВАН,
ДРУГОЙ ИГОРЬ

В бассейне,
во время сеанса
для инвалидов;
в поле, в стогу —
холодно, колко, банально;
в машине,
свернув на проселок,
да так в нем увязнув,
что нужен был трактор;
в подъездах, гостиницах,
телефонных будках, больницах;
на черной лестнице
старого театра,
делая вид, что не чувствую вони;
за пианино,
играя Баха,
почти не сбиваясь,
вздыхая на сильную долю;
поставив пластинку —
Моцарт, Реквием —
вибратором
кустарного производства;
на море, у моря, над морем, в море;
на веранде детского садика
в новогоднюю ночь,
простужая придатки, —
декорации помню.
Не помню, про что пьеса.
Не помню свою роль.
А казалась — коронной.

ЭТОТ, КАК ЕГО...

ты возбуждаешь меня
как уголовное дело
ты оставляешь меня
как бездыханное тело
ты забываешь меня
как роковую улику
ты причисляешь меня
к безликому лику
женщин

ЧЕТВЕРТЫЙ СОН

*Если включить мою книгу в сеть,
в ней появляются движущиеся черные фигурки.
Включаем, листаем ее вместе с Лизой.
Фигурки бегут по страницам.
Вдруг — голубой огонь по проводу.
И книга перегорает.*

МИХАИЛ

Слезам себя смываю
с лица земли.
Ложатся на дно, пылая,
мосты-корабли.
И — на воду пеплом — усталость.
И гнет пустоты.
И что от меня осталось?
Остался ты.

АЛЕКСАНДР, БОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЙ КАК ШАБРОЛЬ

Ты не забыт —
ты притворяешься мною забытым.

Так — бандит,
заведомо многосерийный, — убитым.
Так замирают,
чтобы гадюка не укусила, —
замираешь,
вжимаешься в память,
сливаешься с нею по цвету —
столько уловов
только затем,
чтобы я
тебя
не забыла.

АЛЕКСЕЙ

Как бы уплотнения в груди,
узелки из нежности и боли...
Так что, уходи — не уходи,
из моей груди уйти не волен
тот, кто не забудет обо мне,
так как знал мое лицо без платья...
А когда я уплотнюсь вполне,
мне даруют право на бесплотье.

РОСТИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

В бесцветной больничной палате,
теряя сознание от боли...
Последнего выдоха хватит
на пару имен, не более,
чьи гласные выберут связки,
согласные — небо и губы.
Задуманные так ласково,
они прозвучат так грубо,

что будет казаться отрадным,
что будет удачей казаться,
что нет никого рядом,
что некому отозваться.

О. АЛЕКСЕЙ

Нельзя ли
хоть немного бесконечней?
Хоть капельку
бездонней,
хоть чуть-чуть
бессмертней?
Чтоб маленько
звездней, млечней
стал темный,
трудный,
долгий,
страшный
путь —
нельзя?

ПЯТЫЙ СОН

*Полный рот битого стекла.
Вынимаю окровавленными пальцами.
Глотаю.*

МИША

Нарицательные становятся собственными
Собственные — моими собственными
И я, прижимаясь к дереву,
именуюсь Миссис Ясень

И я, выжимая волосы,
именуюсь Миссис Ливень
Вдыхая во все легкие —
Миссис Осень и Мисс Мир

ТОТ ЖЕ САМЫЙ ПОЛЬ

Тоска по ушедшим навеки
не растворяется слезами,
не сгорает в огне страсти,
не заглушается смехом, —
она всегда под рукой,
прижатой к щеке. Если что-то
и служит залогом бессмертья,
то это бессмертье тоски
по тем, кто уходит навеки.

ВИТЮША

Тоской по ушедшим навеки
навек приспущены веки,
на кончике каждой ресницы
дрожащею радугой — лица,
которые не увижу,
которые вижу все ближе,
которые слиты со мною
слезою
моею
одною.

БОРЯ

число прожитых лет
сравнилось с числом позвонков —
и позвоночник утратил гибкость

число любимых друзей
сравнялось с числом ресниц —
и стали редеть ресницы
активный словарный запас —
с числом волосков и волос
и сразу заметно седея

ШЕСТОЙ СОН

*Я школьница.
Алгебра.
Заданье —
умножить слово на слово
в столбик.
Решаю всю ночь.
Почти решила.*

ПАСТЕРНАК, ЛЕРМОНТОВ, ДАНТЕ,
Н.Д. МИШИН, УЧИТЕЛЬ ПО ФИЗИКЕ
(ОЧЕНЬ ПЛОХОЙ)

x = свет
 y = пламя
 $x - y$ = «свет без пламени» (Фавор)
 $y - x$ = ад
 $x + y$ = «Из пламя и света» (Слово. Вселенная.)
 $x \cdot y$ = божественная любовь
 $x : y$ = земная любовь
 x в степени y = Эмпиреи
 y в степени x = Dies irae

СЕДЬМОЙ СОН

*Всенародные торжества на стадионе
по случаю 60-летия Олега Табакова.
Сажу в первом ряду
и повторяю свою речь:*

*От лица эротических поэтесс
заявляю, что вы красивый.
Но выйти на трибуну не успеваю —
начинается война.*

РОБЕРТ РЭДФОРД

Никогда не жила на острове.

Никогда не каталась верхом,
на яхте, на аэроплане.

На мотоцикле,
прижимаясь щеккой к спине.

Никогда не летала в космос.

Никогда не полечу.

ЮНГ

и стали сны воспоминаньями
воспоминанья стали снами
те и другие предсказаниями
те и другие письменами
разборчивыми и нелепыми
благовестителями тайны
и лотерейными билетами
не на Ковчег но на Титаник

ФЕДОР

сердце нежность взбивает в сливки
сердце в масло сбивает утраты
стирая черты превращает в лики
лица нежно любимых когда-то

сводя упрощеньем к единому лику
а тот уменьшением к точке ухода
к единому слову единому мигу
аккорды к открытой струне монохорда

P.S.

*Хотела за здоровье,
а вышло как всегда.
Былое буравила,
думала, там вода —
нашла, да соленую
(Лотихе мой привет),
и выпила оную,
раз уж другой нет.*

П Я Т Ь   С   П Л Ю С О М

I. ПЯТОЕ ЧУВСТВО

Запятая — один раз слюну проглотить,
точка — два.

(Лиза, учась читать)

1

привкус хлорки
брассом из последних
привкус пальцев
после стирки «Асом»
привкус тряпки
для стирания мела
привкус соски
высохшей на солнце
привкус поцелуя после драки

2

целую кончики твоих ресниц
целую луковки твоих бровей
целую буковки твоих страниц
целую маковки твоих церквей
сегодня лучница своих ключиц
а завтра ключница твоих дверей
целую луковки твоих ресниц
целую маковки твоих бровей

3

роса это пот цветка
гроза это божий пот
вокруг твоего соска
ночная роса цветет
построчно ее нижу
на нитку нижней губы
просыпала оближу
губы о если бы
сбежать далеко-далеко
плевать на все свысока
и пить твое молоко
росу твоего соска

4

по-русски как на иностранном
который знаешь в совершенстве
так что невольно усложняешь
согласования и спряжения
и с наслаждением напрягаешь

и корень языка и кончик
так по-французски шутит Тютчев
так Бродский по-английски пишет
как мне б хотелось говорить
по-русски

5

— Не глотай!
Дай
попробовать мне.
Надо же! —
Это
сладко.

6

Вкус вкуса — вкус твоего рта.
Вкус зренья — слезы твои лижу —
так, пополам с дождевой морская вода,
а рот... В поисках слова вложу, приложу
язык к языку, вкусовые сосочки — к соскам
твоим вкусовым, чтобы вкуса распробовать вкус,
словно тогда я пойму, что же делать нам,
как избежать того, чего так боюсь...

7

Заусенцы осязанья лакомы.
Слезный соус солон в самый раз.
Так о чем бишь я так сладко плакала
до утра, не размыкая глаз?
Будто бы в бассейне переплавала —
горько при впадении носа в рот.

Так о чем бишь я так сладко плакала —
что умру? Что умер? Что умрет?
Что умрешь. Что, божество вчерашнее,
станешь цвета завтрашних газет.
Что, поцеловав чело бумажное,
вспомню: у бумаги вкуса нет.

8

Опершись на правую руку, согнув в колене
ногу, ложись в траву с таким расчетом,
чтобы от тебя до реки было полвзгляда,
чтобы до леса — другая его половина,
чтобы тебя в траве не было видно,
кроме, может быть, голой левой коленки.
Теперь — главное. Главное — выбрать травинку.
Первую не бери — это не твой выбор.
Вторую не бери — она вот-вот пожелтеет.

Третью не бери — оставь что-нибудь на завтра.
Четвертую — бери. Бери, где круглее и тверже,
и тяни вращательно, как Маргарита пряжу,
и вытянешь, вытянешь, вытянешь, вытянешь нежность —
пробуй ее на зубок, как мытарь монету,
потягивай ее, как с блюбочка, вытянув губы,
как посредством соломинки — чужую душу,
как молозиво первых часов жизни.

9

то, что невозможно проглотить,
что не достается пищеводу,
оставаясь целиком во рту,
впитываясь языком и нёбом,

что не может называться пищей,
может называться земляникой,
первым и последним поцелуем,
виноградом, семенем, причастьем

10

А еще
брала в рот
лягушку — на спор, —
маленькую, с трудом пойманную в роднике,
вкусную-вкусную, как родниковая вода, вкусная,
как растаявший горный хрусталь...
Танька проспорила.
Лягушка таяла во рту,
вяло ворочаясь, словно второй
язык.

П. О к О

Больше не могу — у меня уже
все буквы тикают!

(Лиза, учась читать)

1

Господи, что у тебя за глаза!
Нет никакой возможности сказать,
какой из них правый, а какой — левый.
Или оба они левые?
Или ты переставил их нарочно,
чтобы не было никакой возможности
встретиться с тобой взглядом?

2

Твои глаза — иллюминаторы затонувшей яхты,
через которые рыбы смотрят друг на друга
без всякого, впрочем, удивления.

3

Твои глаза — зеркало бокового вида:
нельзя поправить прическу,
но можно увидеть стоящего за левым плечом.
Оборачиваюсь.
Никого.

4

улыбка чеширского кота —
смотришь в них, смотришь, смо-т-ришь —
и все остальное исчезает

5

а потом
не могу вспомнить
какой длины
какого цвета
как изогнуты
твои ресницы

6

смутно подрагивающие,
как будто снятые
любительской видеокамерой

7

Цвет? — Чая,
заваренного наспех —
щепотку в чашку —
а потом обжигаясь,
и чайники назойливо
прилипают к спинке языка

8

и подсветка откуда-то сбоку,
как в бассейне для прыжков с вышки

9

Ты мог бы взглядом опылять цветы,
ты мог бы взглядом подпевать наядам,
ты мог бы, мог бы... Но не мог бы ты
на взгляд прямой прямым ответить взглядом
наперснице твоей, сидящей рядом
на краешке гудящей пустоты?

10

У мужчин глаза — орган осязания.
У женщин глаза — орган слуха.
А ты, даже затягиваясь сигаретой, не шуришься.

11

Цвет? —
Подсолнечного масла
в прозрачной бутылки
на залитом солнцем

ПОДОКОННИКЕ
(Когда ты улыбаешься.
Когда ты смеешься.)

12

А когда засыпаешь,
они становятся голубыми.

У всех спящих
глаза становятся голубыми.

Даже у тех,
у кого они голубые.

Будешь кого-нибудь будить,
присмотрись: размыкаясь,
ресницы плеснут голубым
на какую-то долю
секунды.

13

твои глаза тикают
как буквы мелкого шрифта
в третьем часу ночи

14

пряди, падающие на брови
ресницы, сплетающие пальцы
вспотевшие слезами роговицы
зрачков учащенное дыханье

я не вижу тебя
я не вижу
Господи, Господи,
что у меня за глаза?

15

У слезинки у любой
есть зрачок.
Ну конечно, я с тобой,
дурачок!
Что же, не вступая в спор,
не виня
никого, слеза — в упор
на меня?..

16

Глаза в глаза — четыре глаза,
равноудаленные друг от друга, —
магический квадрат, в котором — все,
что нам с тобой хотелось бы знать.
Пытаясь прочесть, отводим глаза, —
и нет квадрата, ответа нет,
нет ответа, есть поцелуй, —
анестезия, паллиатив.

17

Око за око, да зуб неймет...
Око, зрачком сверлящее зуб, —
ярое око зубного врача.
Вот как ты смотришь во время любви.
Вот почему во время любви
я закрываю глаза.

18

незримая слеза. Она течет
 по внутренней поверхности щеки,
 она течет путем грунтовых вод,
 притоком нарицательной тоски,
 она течет без видимых причин,
 а тайные известны только ей,
 она — причина складок и морщин
 у глаз, вокруг улыбки, меж бровей

19

Скорость взгляда, на первый взгляд,
 равняется скорости света,
 а на второй, прищуренный, взгляд
 скорее уж скорости звука,
 а на третий, опущенный, взгляд
 неправда ни то, ни это,
 а правдой будет последний взгляд
 перед последней разлукой

20

Одними губами: умер.
 Словно боясь разбудить.

Умер: струна взгляда
 лопнула посередине.

И отлетело зарницей
 зренье от глаз: дальнорозоркость.

Умер: кто кого
больше никогда не увидит?

Плачу: глаза пересохли,
сухо векам его.

Умер: твердеют глаза,
тайно ресницы растут.

Умер.
Если пойму —
больше никто не умрет.

21

Здесь —
ресница,
попавшая в глаз,
извлеченная при помощи языка.

Но не извлекается стихотворение
из того, что без всякого стихотворения
само является стихотворением.

Но ресница твоя сладка.

III. ОДНО КАСАНИЕ В СЕМИ ОКТАВАХ

О-на. Через О. Проверочное
слово — он.

(Лиза, учась писать)

1

Прикосновение: наискосок,
как почерк первоклассницы, с наклоном.

С моей щеки отводишь волосок,
движеньем нежно-неопределенным
смещая вверх и влево облик мой,
и делаюсь оленеглазой гейшей...
Наискосок. При этом — по прямой,
дорожкой и кратчайшей, и скорейшей.

2

Фокус — в уменьшительно-ласкательных
суффиксах: уменьшить — и ласкать,
ласками уменьшив окончательно,
до нуля, и в панике искать,
где же ты, не уронила ль я тебя
в щелку между телом и душой?
Между тем лежишь в моих объятиях.
И такой тяжелый и большой!

3

Сначала приласкаю по верхам,
поверхностно, легко, колоратурно, —
рассыпчатое пиццикато там,
где надо бы напористо и бурно,
потом — смычком по тайным струнам тем,
что не были затронуты вначале,
потом — по тем, которых нет совсем,
точнее, о которых мы не знали.

4

Мои ль ладони гладят твои плечи,
твои ли гладкие плечи — мои ладони
гладят, от этого делаясь суше и резче,
и законченной? Ласка чем монотонней,
тем целительней. Камень вода точит,
а ласка тело делает легким, точеным,
компактным — таким, каким оно быть хочет,
таким, каким оно было во время оно.

5

С двадцатилетними играет в жмурки,
с тридцатилетними играет в прятки
любовь. Какие шелковые шкурки,
как правила просты, как взятки гладки!
Легко ли в тридцать пять проститься с нею?
Легко. Не потому, что много срама,
а потому, что места нет нежнее,
и розовей, и сокровенней шрама.

6

Одной рукой подать от крайней плоти
до плотной, до звенящей, до бескрайней
бесплотности. Заложена в природе
касания деепричастность тайне
развоплощений. Я лишилась тела,
а дрожь осталась, боль осталась, радость — тоже,
и дрожи, боли, радости нет дела,
что, может быть, уже не будет кожи.

Как нежно!.. Муравьиные бега.
 Как много их, как медленно бегут!..
 Иной от позвонка до позвонка
 бежит не менее пяти минут.
 Их дрессирует легкая рука,
 годами понуждая мурашей
 бежать от волоска до волоска
 до финиша, до одури, до Эй,
 ты спишь?

IV. МУЗЫКА НА СЛОВАХ

Ты играешь прозой. Играй стихами!

(Лизе, уча ее играть на пианино)

1

Музыка на воде

Аккуратно вырезанные из лейпцигского двухтомника страницы 32-й сонаты Бетховена плывут, вернее (мертвый штиль), лежат на поверхности дачного пруда (ряска, бутылки погрудно, новый футбольный мяч). Стрекоза, покружив в раздумье, приземляется на Ариетту. Поднимается ветер. Ветка ивы дирижирует на 12/32. Воду мутит от пунктирных ритмов. Мяч уплывает все дальше от берега. Начинается дождь. Он начинается очень долго. Но не продолжается. И, следовательно, не кончается.

Дуэт согласия

Певец и певица, владеющие фортепиано и друг другом, поют, аккомпанируя себе в четыре руки. Бурная романтическая музыка с частым перекрещиванием рук. В какой-то момент правая рука певца встречается с левой рукой певицы, и пальцы их переплетаются так крепко, что выходят из игры. Фактура делается прозрачней, голоса — тише. Пьеса заканчивается медленной мелодией пианиссимо, которая поется в октавном удвоении, а играется однострунно, но двумя руками, двумя пальцами, которые одновременно нажимают клавишу за клавишей. Или — нотку он, нотку она?

Реквием младенцу

Двенадцать мужчин (белые облачения, марлевые повязки, судейские парики) медленно катят по кругу двенадцать черных колясок на черных колесах с поднятым верхом. По знаку дирижера они склоняются над колясками и отнимают у невидимых младенцев соски-пустышки. Оглушительное додекафонное *У-а*. Знак снятия, и пустышки возвращаются владельцам. Оглушительная тишина в унисон. Оstinato: *пустышка — У-а — пустышка — тишина* повторяется шесть раз. А на седьмой вместо тишины из колясок звучит хорал Мессияна, исполняемый с закрытым ртом смешанным хором. Шествие останавливается. Мужчины опускаются на колени позади колясок так, что видны только головы, снимают марлевые повязки и восклицают: Amen! Но слышится что-то вроде *Ма-ма!*, потому что у каждого из них во рту соска-пустышка.

Шесть репетиций

Дирижер снимает руки, но оркестранты некоторое время продолжают играть, и музыка разлезается по швам, растекается жирной кляксой, наводя на мысль, что в разложении есть что-то хамское.

Певец ставит на пюпитр газету и поет разгромную рецензию на свое вчерашнее выступление. Божественная мелодия. Безукоризненное бельканто.

Тишина не между звуками, а внутри звуков, внутри петелек *в* и *о* — пианиссимо Т. Куинджи. Партия фортепиано — М. Аркадьев.

Державин: *«Здесь тихогрома с струн смягченны, плавны тоны / бегут...»* Школа игры на тихогроме: ударил по клавише, высек звук — и не дави. Над этим звуком ты уже не властен, но можешь, напрягши руку, испортить следующий звук. Это — главное правило хорошего тона.

В чьих «Песнях без слов» меньше слов? — В Верленовских. У Мендельсона слишком хорошая артикуляция.

Спинки кресел в Большом зале консерватории, овальная форма которых повторяет рамы портретов на стенах, — сотни пустых рам. Памятник Неизвестному Музыканту.

Марш

Густав Малер, по-солдатски печатая шаг, пересекает пустырь. С плеером за поясом, в наушниках, он марширует под музыку одной из своих симфоний. Но которой именно — неизвестно: во-первых, наушники, а во-вторых, вокруг все равно — ни души.

Симфония

Под дирижерской подставкой — люк и лифтовый механизм, посредством которого дирижер то плавно, то рывками, в соответствии с характером музыки, погружается в сцену: по колено... по пояс... одни руки... одни пальцы... Оркестранты выносят новую подставку. На нее встает новый дирижер и делает знак начинать финальную часть.

Месса вздохов

Kyrie eleison: Исполнители — шесть мужчин и шесть женщин — неплотным кольцом окружают дирижера. Он дает ауфтакт — и они начинают дышать по руке, в унисон, à la brève: глубокий вдох через нос — еще более глубокий выдох ртом. Как будто за спиной стоит педиатр, прикладывая холодное рыльце стетоскопа к плавающей от температуры спине.

Gloria: Во рту у каждого исполнителя — трубка для подводного плавания. Послушные дирижерской палочке, исполнители вдыхают через нос, а выдыхают через трубку, сначала беззвучно, потом — на О, так, чтобы все эти О вместе составили двенадцатитоновый кластер, — О, О, все громче и громче. А когда громче будет некуда, трубки салютуют водяным залпом, и все заполнится сверканием и звоном, и капли будут висеть в воздухе так долго, что радуга успеет расцвести.

Credo: Дирижер раздает исполнителям воздушные шарики, которые надуваются следующим образом: каждый исполнитель делает в шарик один выдох, зажимает свищ пальцами и передает шарик соседу, другой рукой принимая второй шарик, чтобы сделать в него второй выдох. Пройдя круг, шарики надуваются. Исполнители перевязывают им пуповину и вручают их дирижеру. Дирижер связывает их вместе и задумывается, решая, как поступить. Он понимает, что они не полетят. Подумав, он развязывает узел и раскладывает шарики возле своих ног, по кругу, по одному.

Sanctus: в руках у исполнителей дудочки, вроде разрозненных стволов кугикл, настроенных по звукам ремажорного трезвучия, и емкости с концентрированным мыльным раствором. Окунув дудочки в раствор, исполнители выдувают из них переливающееся на солнце трезвучие и септаккорды, нонаккорды, ундецимаккорды мыльных пузырей. После нескольких трезвучий и нескольких сотен пузырей воздушные шарики отрываются от пола и улетают вослед пузырям и звукам по направлению к небу.

Agnus dei: Дирижерская палочка превращается в свечу. Дирижер держит ее в левой руке, правой рукой дирижируя на четыре четверти с затактом. Исполнители сначала стоят неподвижно, а потом один за другим начинают тихонько дуть на свечу, вступая на первую долю. Они дуют все сильнее, все дружнее, все громче, все убежденней — дуют до тех пор, пока свеча не загорится.

V. ЦЕПНОЕ ДЫХАНИЕ

Мам, душно! Открой форточку
и выдвинь ящички тумбочки!

(Лиза, в бреду)

1

Вдыхаю вдох. И выдыхаю вдох.
И слышать не желаю слова *выдох* —
не выдохнусь. И мой усталый бог
не будет знать о болях и обидах
моих, а будет знать, что бобик жив,
что ноздри круглосуточно открыты,
как тот ларек, где покупаем джин,
когда все допито, что не пролито.

2

Ноздри:
две точки
над Ё
в слове
небо

3

мартовское,
 новенькое,
 только что распакованное.
 И если смотреть на него не мигая,
 увидишь роенье светящихся точек —
 то ли звезды,
 то ли молекулы воздуха.

4

Благорастворение воздúхов,
 в воздухе благое растворенье
 света, ветра, веток, пенья, пуха
 тополей и запаха сирени.

По волнам дыханья легкой лодкой
 я плыву к истокам аромата.
 Каждый вдох — счастливая находка.
 Каждый выдох — горькая утрата.

И не скоро, скоро, очень скоро
 лодка легкой лодкою причалит
 к берегу кисельному, который
 всякое дыхание да хвалит.

5

Благорастворение дыханий
 в комнате прокуренной и душной.
 Время к ночи. Время для взиманья
 пониманья подати подушной,

нежных слов тяжелого оброка,
барщины бесчеловечной слова
и молчанья в унисон — урока
легкого дыхания цепного.

6

На уроке музыки
учила детей
цепному дыханию.
Научила.
Смотрю —
а они —
все! —
держатся за руки.

7

Любовь — урок дыханья в унисон.
Беда — урок дыхания цепного.
И только сон, и только крепкий сон —
урок дыхания как такового.
Освобожден от обонянья вдох,
а выдох не татуирован речью,
и проявляется в чертах — двух-трех
лица — лицо щемяще человеческое.
Ты — человек. Запомни: только ты
и более никто — ни зверь, ни птица —
спать можешь на спине, чтоб с высоты
твое лицо к тебе могло спуститься,
чтоб, выдохнув из легких черный прах,
дышать как в детстве, набело, сначала,
и чтобы по улыбке на устах
твоя душа впотьмах тебя узнала.

VI

— Мам, тебя!

— Але? Але!

Молчанье.

Положила трубку.

Расстроилась.

Сказала про себя, внятно:

Я знаю, что это ты.

Позвони мне завтра в двенадцать.

Назавтра, в двенадцать:

— Мам, тебя!

— Але? Але!

Молчанье.

ЛИНИЯ ОТРЫВА

П Е Р В А Я   Г Л А В А

И назвал Бог свет днем, а тьму ночью.
И был вечер, и было утро: день один.

(Быт. 1, 5)

1. НЕБО И ЗЕМЛЯ

Ты начал с неба, скованного тьмою,
Как льдом, ты начал с неба и земли.
И небо нависало над землею
И раздавило б, если бы не «и».

И Божий Дух носился над водою
Еще не сотворенной, и вдали
Ржавели горы рваною грядою
Не вовремя, но горы не могли

Себя поверить Книгой, ибо Книга
Во тьме таится, ибо воды лика
Не отражают, и закона нет,

И тянется предвечной ночи иго
До страшного, немислимого мига,
Когда во всей вселенной вспыхнет свет.

2. СВЕТ

Когда во всей вселенной вспыхнет свет,
Тот, для которого не надо солнца,
Все станет светом. И любой предмет,
Как яблочко китайское, нальется

Янтарным светом. И любой обет,
Который легче пьется, чем поется,
Свою изнанку явит на просвет,
Которая с лицом во всем сойдется,

С тем благодушным, тем благоуханным
Лицом, нерукотворно, оком рьяным
Творящим прописные чудеса.

И преданно, влюбленно, покаянно
Со всех планет сольются океаны,
Чтоб отразить веселые глаза.

3. ВОДА

Чтоб отразить веселые глаза,
Достаточно одной проточной лужи,
Которую оставила гроза
В начале мая. Океан не нужен.

А нужен дом, окно на кухню, за
Которым бабушка готовит ужин,
И мне осталось целых полчаса
Ходить по лужам. Щепка, ну же, ну же,

Преодолей злосчастный сей затор,
Пересеки блаженный этот двор,
Пройди сквозь землю и очнись рекою,

и вырвись на доверчивый простор,
Где я тебя ищу с тех давних пор,
Когда качалась на волнах покоя.

4. СУША

Когда качалась на волнах покоя
Коричневая первая земля,
Не всматриваясь в горизонт с тоскою
По кораблю, не зная корабля,

Подмахивая страстному прибою,
С прибоем одиночество деля,
Довольная прибоем и собою,
Не зная ни цикад, ни ковыля,

Когда она, дневной растратив пыль,
Лежала в ожидании светил
И нежилась в испарине закатной, —

Тогда, сокрывшись частоколом крыл,
Ты смерть под псевдонимом сотворил
Со скромностью похвальной и понятной.

5. ТРАВА

Со скромностью похвальной и понятной
Травинка не солирует в траве,
Предпочитая контрапункт невнятный
И растворенье в путаной молве.

Разделит по-соседски света пятна,
Росу и дождь, и ветер в голове,
И утаит, расправив стебель мятный,
Амуры-шуры-муры в мураве.

Когда же мухи белые завьются
И не на кого будет оглянуться —
Пойдет навстречу холоду одна,

Как будто можно до земли не гнуться,
До неба в одиночку дотянуться.
Но разве не из рая семена?

6. ДЕРЕВЬЯ

Но разве не из рая семена?
Не знаю. Но плоды, они из рая,
Обратный адрес — жилоч письмена,
Чей почерк разбираю, собирая

В корзину яблоки. Она полна.
Я не полна. Я лишь одна вторая.
Мой первый, половину хочешь? На.
Я выбрала сладчайшее. — Я знаю. —

Ты знаешь, потому что не познал,
Что знание твое — слепой безнал,
Который обналичить так непросто,

Что неизбежны кризис и развал,
Коль скоро не решил, не доказал,
Плоды ли, семена ли в небе звезды.

7. ЗВЕЗДЫ

Плоды ли, семена ли в небе звезды?
Плоды. Плоды бесплодной смоквы той,
Что сокрушил когда-то словом грозным
Своею сокрушенный нищетой

Бродячий царь. Кровавая короста
На ветках с варикозною корой.
Они когда-то были плодоносны.
Они в себе носили плод иной,

Высокой жизни: вне ажиотажа
Осенних заготовок, пилотажа
По магазинам — впрок на целый год,

Они встречали солнце, как пропажу,
Нежданно обретенную, и даже
Как самый первый на земле восход.

8. СОЛНЦЕ

Как самый первый на земле восход
Всех напугал: горели синим травы,
И тени — и теням настал черед —
Ложились неумело и коряво.

И ангелов испуганный народ,
И демонов визжащая орава
Ввергались в огненный водоворот,
Крутясь по часовой, слева направо.

С тех пор деревья слепы, как кроты,
С тех пор ослепли травы и кусты,
А были очень зоркими когда-то.

С тех пор у рек и гор глаза пусты.
С тех пор предпочитаем я и ты
Велеречивый декаданс заката.

9. ЛУНА

Велеречивый декаданс заката
Закутался в густую темноту.
Луна идет по тонкому канату.
Я по карнизу вслед за ней иду.

Она полна. Она одутловата.
Что твой бычок, вздыхает на ходу.
Ее зовет/зовут Иродиада
В лишенном эха каменном саду,

Сошедшем с потемневшего эстампа,
Завороженным пятистопным ямбом...
Иду за ней. Она за мной идет,

Для сумасшедших насекомых — лампа,
Для сумасшедших режиссеров — рампа,
Незрелый, но уже червивый плод.

10. ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ

Незрелый, но уже червивый плод,
Не из него ли вылупились змеи,
Чей слизью обозначенный приход
Теперь мы наблюдаем, каменья?

Вот пресмыкающиеся у вод
И в водах. Вот хвосты их. Вот их шеи.
Вот самый неприятный оборот:
Вкруг шеи, все теснее и большее.

Вот Фрейд. Вот Юнг. Парад змеиных стад.
Драконов представительный парад.
Льстит. Шелестит. Ласкает. Льнет. Лоснится.

Вот туристическая карта «Ад».
Сновидящего стрекозиный взгляд.
Вот птицы, птицы, птицы, птицы, птицы!

11. ПТИЦЫ

Вот птицы, птицы, птицы, птицы, птицы!
Вот их стремительный переполох,
Нанизанный на золотые спицы
Рассвета номер пять. И видит Бог,
Что это хорошо, и веселится.
И нотный просыпается горох
И лопается, колетса, дробится
И преломляет свет. И слышит Бог,
Как это хорошо, когда перната
Барочная духовная кантата
На солнечной поляне у реки.
И улыбался мастер бородатый,
И напевал, как дедушка когда-то,
Любовно вырезая плавники.

12. РЫБЫ

Любовно вырезая плавники,
Он вырезал еще любовней жабры,
Чтоб стерегли морские тайники
Чешуйчатые злые дирижабли.
Зыбучие, дремучие пески.
Не разберешь впотьмах — корабль, краб ли?
Вивисекционируют мальки
Матросов, что безвременно озябли.

Ты мыслишь, плавниками шевеля,
О море, порт приписки корабля
Ты считаешь чуткою волною.

А рыб перемещение нужно для
Каких-то очень сложных калькуля...
Ты честно считаешься со мною.

13. ЗВЕРИ

Ты честно считаешься со мною,
Давящийся своим величием лев!
Я позвоночник чувствую спиною,
От нестерпимой силы захмелев.

Я позвоночник чувствую струною.
Язык, как пламя, обжигает зев.
Я позвоночник чувствую строною,
Которой не отдам, не околею.

Чего ты хочешь, жаркая утроба, —
Любви до гроба или вместо гроба
Биения друг о друга двух сердец?

Мы оба злы, горды, высоколобы.
Я думаю, мы понимаем оба,
Кто царь природы, кто ее венец.

14. ЧЕЛОВЕК

Кто царь природы, кто ее венец,
Венец венка, венка без магистраля,
Творения без плана, чей конец
Как будто сочетается с началом?

В конце начал к тебе пришел Отец —
Ты был тогда ребенком годовалым —
И говорит: «Вот крест. А вот крестец.
Поверь, я сделал для тебя немало.

Твоя семья — пророки и цари.
История — стихи и алтари
И постижение созданного Мною».

С той ночи от зари и до зари
Ты составлял для Бога словари.
Ты начал с неба, скованного тьмою.

А К А Ф И С Т   Г Р Е Ш Н И Ц Е

Акафист (греч. — пение несидаль-
но) — особое богослужебное пение, со-
стоящее из 24 частей (12 кондаков и 12
икосов), сообразно числу букв греческо-
го алфавита, с которых начинается каж-
дая часть самого первого акафиста, по-
священного Богоматери. Акафист было
принято слушать стоя (в современной
церковной практике — стоя на коленях).

*(Словарь-указатель имен и понятий
по древнерусскому искусству)*

КОНДАК 1

Твои точнейшие неточности,
твои гудящие провалы
и, преимущество заочности,
слегка завышенные баллы,
отбор твой, странный, сверхъестественный,
на борт Харонова ковчега —
о память!.. Ты — все, что известно мне
о жизни будущего века.

*встала ночью
села на горшок
странно — горшок мягкий
папа, утром:
странно — мокрые тапки*

настоящее дай мне забвение
будущее дай мне воспоминания
прошлое дай мне бессмертие

ИКОС 1

Радуйся, гадающая о смысле жизни над чашкой растворимого кофе, и над второй чашкой, и еще половинку;
Радуйся, слушая, как за окном спальни ночью собаки, утром вороны, днем дети, вечером алкаши лают, каркают, визжат, орут, а раньше был яблоневый сад;
Радуйся, отбив у сна строчку «*Ленин — местоимение четвертого лица*», которую сон выдавал за стихи, но не умел продолжить, хотя там было еще что-то вроде «*Где мертвые младенцы лакают Млечный Путь...*»
Радуйся: твои представления о смысле так же фантастичны, как в тридцать — о смерти, в двадцать — о любви или в десять — о сексе, хотя Костик на даче все очень понятно объяснил, даже с чертежами.

КОНДАК 2

Паденье молочных зубов, как паденье династий,
торжественно.
Догадка о том, что едины потеря и счастье,
так женственна,

что маком цвести, в кулачке зажимая пребольно
предательски
сорвавшийся с места во время районной контрольной
по матике...

*во втором классе
Андрей Карижский
и Андрей Рудаков
подошли на перемене
переглянулись
сказали в один голос
— Вера!
Мы с Андреем
тебя любим!
Рассердилась
топнула ногой
— Подите прочь,
бабники!*

углубляюсь в себя
в образовавшиеся полости
хлещет чужая жизнь

ИКОС 2

Радуйся, утром на простыне находящая семечко от яблока и канцелярскую скрепку;
Радуйся, считающая свои ресницы, насчитавшая на верхнем веке правого глаза 117, на нижнем — 102, а на левом соответственно — 128 и 110;
Радуйся, берущая второе зеркало, чтобы убедиться: красота благородна, если профиль красивее фаса, и вдруг вспоминающая Лизино: *Почему, когда мне говорят — ты красивая, мне становится так грустно?*

Радуйся, удобряя небо молитвами, землю — могилами,
радуйся восходу, их общему восходу, с добрым утром,
расскажи, что тебе приснилось.

КОНДАК 3

Тающий снег пахнет разбитым носом.
Вдох оставляет привкус железа во рту.
Я не хочу отвечать на вопросы вопросов.
Даже думать над ними пока подожду.
Тут, в тишине, и шорох кажется речью.
Там, в безмолвии, шорохом кажется речь.
Тут говорить — назначение человежье.
Там — недослушать и сказанным пренебречь.

*Боб
мой дядя
самых честных правил
лет в десять
не в шутку занемог
кажется корью
В больнице была только одна книга
Евгений Онегин
1934
всю разрисовал фиолетовыми чернилами
кое-где даже трудно читать
особенно сноску
«Ананас — особый фрукт
из тропических стран
(стран, где нет зимы)».*

проза сложение в строчку
поэзия умножение в столбик
критика деление без остатка

ИКОС 3

Радуйся, вынимая из книги волосок, пролежавший в ней так долго, что успел посесть;

Радуйся, получая письмо, отправляя ответ, представляя его полет над землей — прямой, параллельной судьбе, кратчайшим путем от сердца А к сердцу Б, а переписку — эоловой арфой;

Радуйся посылке из Америки, лет десять не виделись, но все — впору, даже Мише и детям, а прежде, тихоня, дружила со мной почти без взаимности;

Радуйся говорить, радуйся, радуйся говорить, будто только что научилась произносить «р», зря логопед орал на меня так, будто мне не шесть, а тридцать шесть: «Вер-ра! Ты дур-ра!»

КОНДАК 4

Сурдоперевод молитвы —
ласка. Господи, помилуй
щеки, мученицы бритвы,
нос, смешной, ширококрылый!..

Позвонки перебираю,
как монашеские четки.

Галатеей замираю.

Умираю от щекотки.

*а когда
музыкальные Андрюшины пальцы
проникли в мои панталоны
голубые байковые почти до колен
в глазах пожелтело
и
вереща
покатилась на пол*

*но слова «кончать» не знала
и поэтому подумала:
— Если таково желание
каким же будет его осуществление!?*

как в девичестве о любви
теперь думаю о смерти
неужели и она разочарует

ИКОС 4

Радуйся, прерывая поцелуй, чтобы вынуть из рта волосок — чей это? — наш, общий;
Радуйся: любились так сладко, что заныли зубы, и я сказала: *Господи, как хорошо! Как в детстве!* — хотя — чего там хорошего, в детстве;
Радуйся, вспомнив, на что похож вкус мужского соска — на сирень, когда наконец найдешь с пятью лепестками;
Радуйся: ночной мед утром стал воском, слепила из него человечка, смотри, это наш сынок, ну что ты так рассердился?

КОНДАК 5

Прошлое с будущим соединяет память
и разделяют ласка, музыка, боль,
чтобы, затихнув, бедную душу тиранить,
сыпать на раны забытых мотивов соль.
Помню в операционную бодрые сборы,
помню наркоза заоблачный ангельский хор,
помню хирурга (Володя? Юра?), который
ласково нес на руках через весь коридор...

*приник к устам
и вырывает
вырывает
вырывает
грешный зуб
и его пот
капает мне на лицо:
— Ну что, поэтесса,
какие муки страшной,
физические
или духовные?
— У-о-ы-еее!*

прошлое не прошло
будущего не будет
все останется так как есть

ИКОС 5

*Радуйся, урезанная сосца твоя, аки два крина чистоты,
в жертву Господа принеся;
Радуйся, яко от язвы твоя вместо крове млеко истече;
Радуйся, яко на раскаленное железо положена была еси.
Радуйтесь, Веро, Надеждо и Любы, купно с Софиею, ма-
терию вашею премудрою.*

КОНДАК 6

Память в пальцах помять,
как прибрежную глину,
и вылепить пальцы — пять
пальцев, внимательных, длинных.
Это твоя рука,
мой ваятель прилежный.
Это моя река
с нежной глиной прибрежной.

влюбилась
заключила с мужем пари:
бери меня три часа
без перерыва
Упадешь —
мне бесцензурные сутки
Попрошу пощады —
тебе
Не упал
Не попросила
— Дополнительное время?
— Нет!
Ничья —
по 12 часов на брата
Помчалась
Открыл до звонка —
на стук сердца
Оказался импотентом
Слушали Реквием Моцарта
Прекрасное исполнение

позавтракала в будущем
поужинаю в прошлом
обедаю в одиночестве

ИКОС 6

Радуйся, выходявшая замуж девять раз, все девять — очень удачно;
Радуйся, из любви к мужу изменяющая ему только с его тезками;
Радуйся, красящая ногти на ногах, чтобы написать любовнику;
Радуйся: этот волдырь — не сифилис, — мозоль, натерла новыми джинсами.

КОНДАК 7

Линялого неба прорехи
латает и штопает свет.
Конечно, спасение в смехе.
А значит, спасения нет.
Над чем, в самом деле, смеяться,
в измене себя не вина? —
Над жалким кривляньем паяца,
который жалеет меня,
который себя не жалеет,
стараясь меня рассмешить,
который кудахчет и блеет,
чтоб мне захотелось жить?

*пошли на рыбалку
пришли на берег
а черви?
ничего, сейчас накопаем
чем?
перочинным ножом
копаем
вдруг
нож утыкается
во что-то твердое
железное
копаем
копаем
выкопали лопату
без черенка*

заснула со строкой во рту
проснулась нету проглотила
потом весь день болел живот

ИКОС 7

Радуйся поцелую такой крепости, что зуб мудрости раскрошился, и глотай его осколки, чтобы поцелуй продлился как можно более вечно;

Радуйся, то и дело теряющая дар речи настолько, что невозможно объясниться с продавщицей овощного отдела, ну и черт с ней, с этой морковкой;

Радуйся, внезапно увидев ясно, как во сне, свое надгробие: каменные солнечные часы, главное, выверить наклон по Полярной, чтобы время было точным;

Радуйся, что еще можешь радоваться, радуйся, что радоваться больше не можешь, радуйся из вежливости, радуйся по глупости, радуйся назло, радуйся, мать твою Софью!..

КОНДАК 8

Вся печаль. Печаль в себе.

Абсолютная печаль.

Не о сущих во гробех,
но о том, что их не жаль.

У нее певучий взгляд
добровольной немоты.

У нее для всех утрат
приготовлены кресты.

У нее для всех побед
приготовлены ноли.

О, сотри последний след,
грусть печалью утоли!

*поставила варить макароны
накрыла крышкой
открываю
а там спички плавают*

*выловила
поставила
накрыла крышкой
открываю
а там коробок плавает
разозлилась
вывалила все это на фиг в унитаз
унитаз засорился*

палач покончил с собой
живой пример
искусства для искусства

ИКОС 8

Радуйся, обладающая умом, острым, как аппендицит, чему свидетельство — это сравнение;
Радуйся, в приступе меланхолии рвущая себе волосы на ногах с таким неистовством, что начинают болеть пальцы, как после игры на гитаре;
Радуйся, читающая Пушкина в приемной стоматолога: необъятное объятно — можно же прочесть всего Пушкина, совершенство совершаемо — можно же вылечить все зубы;
Радуйся, за всю зиму ни разу не вставшая на коньки, за всю весну ни разу не катавшаяся на велосипеде, за все лето не взявшая в руки весла, но ведь будет еще осень!

КОНДАК 9

Не электричка — дом...
Почему же сад за окном
убегает назад, и сзади
остается стоять в засаде

непрошедшего времени? Там
я хожу за собой по пятам,
наступая себе на пятки.
Ритуал называется прятки.
Буду по лбу себя стучать:
палы-выры отец и мать!
Буду об пол лбом, виновато:
палы-выры, Лиза и Ната!
И — помилуй нас и спаси —
палы-выры на небеси!
И, моею рукою, Ирод,
по щекам:
за себя
палы-выры.

*только эвакуировались
мама заболела
посинела
глаза белые
бабушка — за врачом
ночью в чужом городе
врача нашла
но долго не могла
найти свой дом
а мама улыбнулась
и прохрипела
«Мамичка, не п'ачь!»
В этом месте
бабушкиного рассказа
каждый раз
плачу*

триединство формы и содержания
содержание форма и
и что же останется на трубе

ИКОС 9

Радуйся, собирающая улики высшего присутствия: неопровержимые — в рифму, сомнительные — в дневник, заведомо сфабрикованные — почтой;

Радуйся, покупающая куриные ноги — четыре ноги, все четыре — левые и такие одинокие, будто у них никогда не было курицы;

Радуйся, пишущая *я тебя люблю* левой ногой так долго и мучительно, что потом весь день было больно ходить;

Радуйся: вот уже и дневник пошел в ход, неужели больше нечем топить, нечем кормить птицу-Нагай, как только своей плотью, в сомнительном этом полете — кстати, о птичках:

ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА ЛЮБВИ

а) Ты полон пустот.

Тебе кажется, что другой
может их восполнить.

(Жар-птица. Чужое перо.)

Тебе кажется, что ты можешь не выжить.

б) Ты переполнен полнотой.

Тебе кажется, что тебя
хватит на всех и вся.

(Феникс. Бесконечное рождение.)

Тебе кажется, что ты бессмертен.

в) Ты укомплектован.

Тебе кажется, что нельзя помочь —
только понять и пожалеть.

(Сирин и Алконост. Песнь утешенья.)

Тебе кажется, что ты живешь.

г) Ты уже не боишься пустот.

Ты готов отрывать от себя.

(Птица-Нагай. Летит,
если кормишь ее собой.)
Ты живешь, только когда умираешь.
Вернее, тебе так кажется.

КОНДАК 10

Больно? Давай поглажу.
Щиплет? Давай подую.
Страшно? Стою на страже.
Бьет? Подставляю другую.
Мучает? Рада стараться,
рада кудахтать над нею.
Сквозь меня продираться
ей было больнее.

*«как мы играли с Катей
страшно сказать в чеве мы играли
в крест
ну вешали себя на крест
штоишь поделаешь
игра такая
а потом после креста
мачеха била меня хлесткой
и еще было много наказаний
мачеха била меня сумкой по голове
и другие даже
я была пачифидцой
а Катя мачехой
вот так мы поиграли»*

сокращение дроби
числитель в утробе
знаменатель во гробе

Радуйся, заплетающая косы младшей, а она причитает фольклорно, как будто идти не в школу, а под венец с нелюбимым;
Радуйся, встречающая на остановке старшую, потому что за ней все время ходит грузин — *один и тот же?* — *нет, разный;*

Радуйся, шляющаяся по квартире, бубнящая *Лизаучиуроки* *Лизаучиуроки*, вдруг — металлический голос: *Я в туалете. Оставьте ваше сообщение после звукового сигнала.*

Радуйся, бьющая дочь по голове «Школой игры на фортепиано» Николаева, кричащая: *У меня ничего нет кроме музыки и тебя как ты смеешь не любить музыку!* и наши слезы на клавишах, и мой сурок со мною;

Радуйся: радость не остывает, печаль не тает, кровь — озеро, озеро — *замкнутая река*, как написала Лиза в контрольной по природоведению.

КОНДАК 11

Записывать только то, что можно прочесть деревьям.

(Раньше думала — детям, бабушке, иностранцам, знающим по-русски три слова, десятиклассникам-рейверам, сутулым и косолапым носителям роликов в ранцах, стареющей почтальонше — «Что же он вам не пишет?», глухому бывшему мужу, не носящему слухового аппарата, ну и конечно, маме, ну и конечно, Мише!..)

Теперь знаю — деревьям. Больше никому не надо.

Я:

— *А-а-а!*

Коза на другом берегу:

— *Ме-е-е!*

*Я, еще вокальной:
— А-а-а-а!
Коза:
— Ме-е-е-е!
Я:
— Ме-е-е-е!
А коза не отвечает...*

кукушка пыталась петь соловьем
хотя бы скворцом но дала петуха
пауза пауза ку-ку

ИКОС 11

Радуйся, кузнечик *Bradiporus dasypus*, для защиты выбрасывающий из отверстий, находящихся по бокам тела, струи собственной крови;

Радуйся, светляк *Lampyridae*, чьи личинки, и яйца, и самцы, и самки светятся так ярко, что при свете четырех жуков можно читать;

Радуйся, поденка *Ephemera*, — твои ротовые органы редуцированы, твой пищевод наполнен воздухом, твоя жизнь — полет и спаривание, длящиеся несколько минут, а личинки живут в воде до четырех лет, питаясь планктоном;

Радуйся, падура водная *Padura aquatica*, — твое тело благодаря негнущейся поверхности не может утонуть, но может быть перенесено ветром в отдаленные страны, поэтому большая часть родственных видов являются космополитами;

Термиты *Isoptera* — общественные насекомые, разделенные на касты с точно установленными функциями особей: *царица* и *царь* знакомятся при роении, находят укрытие, обламывают друг другу крылья и спариваются;

рабочие сразу же начинают строить термитник и вместе с тем кормят *царя* и *царицу* пищей, смоченной своей слюной, а экскременты всех членов коллектива вновь и вновь пожираются *рабочими* или *солдатами* — слепыми особями, защищающими термитник от муравьев, отличающимися твердой хитинизированной головой, заполненной сильной мускулатурой для работы жвалами. Термитник так прочен, что его трудно разрушить даже металлическим орудием. Радуйтесь, термиты.

КОНДАК 12

Анатомический театр теней —
зимний солнечный день.
Ближе к закату память длинней.
И темень — общая тень,
общая память тех, кто ушел
на запад, кто видел свет
вечерний, тех, кому хорошо
там, где нас нет.

*молилась
Господи
какими словами молиться
о снисхождении слова?
и тут позвонил Шевелев
из «Общей газеты»
— Слушай
прочти мне «Царю небесный»
по слогам
для сверки*

правдиво по содержанию
истинно по форме
лживо по существу

ИКОС 12

Радуйся, слушая пианиста, чье исполнение Мессиаана так бесплотно, будто он читает ноты глазами, перебирая четки клавиш;

Радуйся, не знающая иностранных языков, но умеющая читать ноты, значит, и я двуязычна, и мой язык раздвоен, как камертон;

Радуйся, что живешь после Освенцима, но не после Моцарта с Бахом;

Радуйся: придет старость, и все остальное уйдет, и я уйду, как в монастырь, в библиотеку, и все перечту: и блаженного Августина, и Анну Франк, и Корнея Чуковского, и Апулея, и «Женитьбу Фигаро».

КОНДАК 13

Я — это голос, или голос — это я,
а я лишь полость, в коей бьется ектинья
и аллилуйя, прерываемые лишь
для поцелуя? Сей последний не продлишь
педалью, трелью, эхом, нимбами фермат,
он акварелен, легковерен, виноват,
последний сей... И снова голос наголо.

И — соловей, кляня святое ремесло.

*в метро
пьяный старик
— хочешь почитаю стихи?
и — Полтава
почти вся
с чувством с толком*

*не замечая остановок
— еще!..
— иди на хер, дура
все равно ты ничего не понимаешь
цыплячье дерьмо иерусалимское
И заснул
на моем плече*

в прошлом я бессмертна
в будущем я в прошлом
в прошлом я бессмертна

В настоящих акафистах далее читаются тринадцатый кондак три раза, первый икос и первый кондак, но в нашем случае без этого вполне можно обойтись и сразу перейти к молитве.

МОЛИТВА

.....
.....
.....

ПОСЛЕ МОЛИТВЫ

Любовью и страхом утрая
молитвенное усердьё,
из кубиков с буквами строю
безжизненное бессмертьё.
Идущий дорогой прямою
скорее дойдет до точки.
Я жизнь представляю струною,
а все ее заморочки —
струны колебаниями, в коих
причина рождения звука.

Любая книга — Октоих.
Любая наука — наука
любви. И — da saro al fine,
а если по-русски — сначала
до слова *конец* — середины
того, что уже отзвучало.

ЧЕТВЕРТЫЙ СОН

I

ПОПУТНЫЕ ПЕСНИ
(двенадцать вокализов)

1

ой растенья насажденья
в первородном саду
метастазы наслажденья
по всему животу
восхождение наважденье
ой держи упаду
клеток перерожденье
в полную пустоту

2

Падая жертвой любовной картечи
на дно воздушной ямы блаженства,
теряю постылый дар речи,
обретаю заветный дар жеста,
поднимаю веки прозревшей кожи,
чешуей очей библейски одета.
Для чего же выпытывать так тревожно:
Скажи, как ты? Скажи, где ты?

3

Где-где?
 На звезде,
 у тебя на бороде,
 на простыночном холсте
 в подвенечной наготе,
 далее
 —
 везде.

4

Супружеское ложе,
 супружеская лужа,
 чья, тот в ней и лежи.
 — Да оба хороши.

5

и стал свет
                                 внутри живота
 и закрыла глаза
                                 боясь ослепить
 и закрыла лицо
                                 как Моисей
 и увидел ты
                                 что мне хорошо

6

Тебе ничего не стоит на миллионы частей раздробиться.
 Мне нужен месяц, чтобы снести одно яйцо.
 Ты ищешь себя, примеряя разные лица.
 Я меняю кремы, чтобы не изменилось мое лицо.

Меня любили многие и любить меня тебя научили.
Я любила многих и научилась любить одного.
Короче, акмэ. Но все мои слабости остаются в силе.
Золотое сечение. Но времени остается всего ничего.

7

Мы увидим небо с овчинку,
догадаемся, чья папаха.
Мы узнаем свою начинку
на разделочных досках страха.
Мы поймем: оправдаться нечем.
Мы заглянем в глаза воловьи
тихих ангелов междуречья,
грустных демонов послесловья.
Послелюбья нежнейшие нети!
И периною гробовую,
чтобы нас не увидели дети,
мы укроемся с головою.

8

Спим в земле под одним одеялом,
обнимаем друг друга во сне.
Через тело твое протекала
та вода, что запрудой во мне.
И, засыпая все глубже и слаще,
вижу: вздувается мой живот.
Радуйся, рядом со мною спящий, —
я понесла от грунтовых вод
плод несветающей брачной ночи,
нерукопашной любви залог.
Признайся, кого ты больше хочешь:
елочку или белый грибок?

9

Пахари паха,
 оратаи рта,
 рыцари страха,
 упрёка, стыда,
 вкладчики, пайщики
 средней руки,
 мальчики с пальчиками... —
 Мужики.

10

но не измерить вам сколько ни мерьте
 место впадения смерти в бессмертье

11

С наклоном, почти без отрыва,
 смакуя изгибы и связки,
 разборчиво, кругло, красиво...
 Сэнсей каллиграфии ласки
 внимателен и осторожен,
 усерден, печален, всезнающ...
 Он помнит: описки на коже
 потом ни за что не исправишь.

12

нежней не бывает —
 а он все нежнее
 сильнее не бывает —
 а он все сильнее

грустней не бывает —
а он все грустнее
нужней не бывает —
а он все не с нею

II

*

гром картавит
ветер шепелявит
дождь сюсюкает
я говорю чисто

*

Зеркало по природе правдиво,
поэтому оно легковерно,
поэтому ничего не стоит
ввести его в заблужденье:
поворот головы, пары прядок
размещение, прищур и улыбка,
и уже верещит, простофиля:
— *Всех милее, румяней, белее!..*

*

Чело от волос до век
до нижних: се человек.
А ниже, от век до плеч,
им овладевает речь.
А ниже, от плеч до пупка,
им овладевает тоска.
А там, от пупка до колен,
томление, глина, тлен,
конец и начало всего.
А ниже нет ничего.

*

Смотрел на меня врасос
и поцеловал — в нос.

*

Буду писать тебе письма,
в которых не будет ни слова
кокетства, игры, бравады,
лести, неправды, фальши,
жалобы, наглости, злобы,
умствования, юродства...
Буду писать тебе письма,
в которых не будет ни слова.

*

Слово, слово, что там в начале?
Раскладушка, на которой меня зачали
по пьяни, по неопытности, по распределению,
по любви, по кайфу, по моему хотению...

*

Девушка, как вас зовут? — и, как дура,
ответствую: *Ве-е-ера...*
Потому что ложь — подобие звукового
языкового барьера,
за которым уходишь в отрыв
от собственного звука,
а это — наимучительнейшая разлука.

*

Неверующая бабуля
меня назвала Верой.
Бабуля умела верить,
а веровать не умела,
я — верую, но не верю.
Ну разве тебе трудно
меня называть не Верой,
а Веркой или Верушей?

*

Юность в любой мороз без шапки.
Старость в любую жару в платке.
Юность — чтобы не надавали по шапке,
чтобы не оказаться в дурацком колпаке,
чтобы ветер по головке гладил,
чтобы не испортить модный прикид,
чтобы все эти тети и дяди
догадались, что им грозит,
чтобы не падала на пол подъезда —
кто же целуется на ветру?
Вы что, не могли найти другого места?
Старость в платке в любую жару...

*

я моложе молодежи
молодежи я моложе
я и кожей и рожей
моложавей молодежи
(Дочкин школьный проездной.
Оборотной стороной.)

*

морщины вокруг рта
взяли рот в скобки
морщины в уголках глаз
взяли глаза в кавычки
морщины поперек лба
написанное на лбу перечеркнули
морщины поперек горла
подвечная седина

*

— Что-то в глаз попало?
— Твоя ресница.
— Чем же ее вымыть?
— Твоими слезами.
— Чем же вытереть слезы?
— Твоей щекою.
— Как же мы друг без друга?
— Как друг без друга.

*

телефонные кнопки
похожи на четки
Господи помилуй
занято

*

Твоя холодность — как грелка аппендициту.
Твоя страстность — как холециститу лед.
Твое сердце, даже когда разбито,
как старый будильник, как старый политик, врет.

Увы! Моржовый не вышибит журавлиным
клином (увы!) осиновым все сошлось
на тебе, создание с ногами из красной глины,
руками, губами, глазами из красной глины..
Улетаю: когда журавлино, когда тополино.
Остасься: раскинуты руки, ноги врозь.

*

Мораль есть нравственность б/у,
весьма поношенное платье.
Я видела ее в гробу,
она меня — в твоих объятьях.

*

Сладострастие — бес плотности,
бес стыдливости, бес платности,
бес ответственности, бес халатности,
бес полезности, бес полетности,
сладострастие — бес тактности,
бес тактильности, бес ударности,
бес предельности, бес инакости,
бесхарактерный бес данности.

*

Так полно
чувствую твою плоть
во мне,
что вовсе не
чувствую твою плоть
на мне.

Или ты
весь во мне,
вещь-во-мне?
Или ты
весь вовне
и кажешься мне?

*

Не петли шелковы с балкона
любовь, но под землю ход,
гражданской объект обороны,
землянка, окоп, ДЗОТ,
ступеньки из скользкой глины,
огарок свечи, рука
мужчины и путь длинный
сквозь землю за облака.

ПЛАЧ — КОНСПЕКТ

клен — сосна
челн — волна
тон — струна
он — она
трон — страна
стон — война
сон — она
он — одна
ни клена
ни сна
ни челна

*

В нашей с тобой ссоре
я на твоей стороне.
Нелепо мое *sorry*
и *больше не буду* — вдвойне,
но лепо твое горе,
и горькой покажется мне
победа разгромная вскоре
в нашей с тобой войне.

*

Любовь — вертолет:
взлетаешь без разбега,
приземляешься, где захочешь,
далеко не улетишь.

Любовь — велосипед:
изобретаешь заново,
крутишь педали,
далеко не укажишь.

Любовь — картошка:
выбросишь в окошко —
далеко улетит,
далеко-далеко укатится...

*

После тел остаются полости
в пустоте, как в помпейской лаве.
Продвигаясь от смертной пошлости
к чистоплотной посмертной славе,

в тех местах, где когда-то маялась,
вижу, если глаза опущены,
столп воздушный. Впустую каялась —
ничегошеньки не отпущено.

*

Послали друг друга на фиг
и снова встретились там
и послали друг друга на фиг
и шли туда по пятам
друг за другом и встретились снова
и послали и за руку шли
и в обнимку. Да что там на фиг —
я с тобой хоть на край земли!

*

Плоть прозрачна, как мармелад,
если смотреть на свет.
Плоть прозрачна, но вязнет взгляд
в плоти, сводя на нет
плоти прозрачность, но вязнет свет,
встречая плоть на пути.
То ли ни света, ни плоти нет,
то ли — свет во плоти.

*

Яблоки ем от Я
до И — и кожу, и кости,
и битый гнилой бочок,
и волосатую попку.
Жизнь, съешь меня так же —
не оставляй огрызка!

*

Тела лишусь, как молочного зуба.
Дети положат его в гробок.
Так я их выпавшие зубы
на память складывала в коробок.
А потом коробок терялся,
и никто его не мог
отыскать. Впрочем, и не пытался:
зачем он нужен,
желтый зубок,
пустой коробок?

*

Мгновение в полете — мотылек.
Лови, лови! В ладонях шевеленье
щекотно. А раскроешь — там листок,
еще не желтый, но уже осенний.
Тогда клади его между листов
не Песни Песней — Бытия, Левита.
А завтра не нашелся — был таков.
Видать, вернулось в стадо мотыльков
мгновение, что было мной убито.

*

Когда я царь, мне кажется — слов
гораздо меньше, чем смыслов.
Когда я червь, мне кажется — слов
гораздо больше, чем смыслов.
Когда я раб, мне кажется — слов
так же мало, как смыслов.
Когда я бог, мне кажется — слов
Адам еще не придумал.

*

Точное слово всегда приговор,
даже если оно о любви.
Блестит как нож, хрустит как затвор,
воздух вспарывает до крови,
правду-матку — как пьяный хирург
(бабушкин аборт в сорок втором...)
Приблизительное слово — близкий друг.
Ну давай, за тебя, чтобы у тебя все было хорошо.

*

Заставлять слушать свои стихи
стыдней, чем просить в долг,
стыдней, чем просить оставить долги.
Поэт человеку — волк,
отсюда — размеры глаз и ушей,
зубов, когтей и стихов...
Люди, гоните поэта взашей,
он не возвращает долгов.

*

Зорю бьют. Избита в кровь заря,
и в штыки ее встречают ели.
Птицы освистали звонаря
и осипших певчих перепели.
С веток мрак стекает на траву
и за воротник, и за ворота.
И стою, как дура, и реву,
словно я вот-вот предам кого-то,
словно это я и только я
солнцу позволяю закатиться,
словно эта тьма — вина моя,
и она не скоро мне простится.

ПЕРВЫЙ РЕКВИЕМ

1

Небытие определяет сознание.
Танатология — наука наук.
Одностороннее осязание:
прикосновение теплых рук
к негнушным, чтобы вложить послание
и пропеть, кому передать...
Небытие определяет сознание.
Но не дает себя осознать.

2

Печаль сорокоуста и стоглаза:
стоглазо плачет, в сорок уст поет
и пропускает след воздухолаза,
сквозь слезы не следит его полет,
и запоздало спохватившись: где он?
поет и плачет, что потерял след,
и по привычке называет дедом
того, кто сорок дней уже не дед.

3

Надкусив эту смерть, как плод
с пресловутого древа,
потеряла свой рай, и вот
я бездомна, как Ева.
Я не в курсе блужданий души
в пространствах Иного,
но меня ты, как чести, лишил
бессмертья земного.
Я-то думала тридцать лет
и три года,
будто смерти в меня нет
хода...

4

Завещание — план прожитой жизни.
 Над своим гробом не хочу слышать
 си-минорный прелюд Рахманинова, *allegretto*
 из Седьмой Бетховена, ничего из любимого
 Чайковского. Хочу: А-dur-ный фортепианный
 Моцарта, *adagietto* из Пятой Малера
 и Девятую Брукнера, часть третью.
 А впрочем, можешь завести, что хочешь:
 кто плачет, тот и заказывает музыку.

5

Ворона кроила утро
 на лоскутное одеяло,
 а сновиденье премудро
 сшивало его, расшивало
 орнаментами, письменами,
 язык которых заумен..
 Приснилось, что ты с нами.
 Что ты не знаешь, что умер.

*

- а) дающее жизнь
не может не быть живым
- б) берущее жизнь
не может не убивать
- в) дающее жизнь
этой жизнью живет
- г) простите меня
- д) простите меня

*

отличить живое от мертвого
отделить живое от мертвого
оградить живое от мертвого
защитить живое от мертвого
А оживить мертвое?
Не знаю.
Пока не могу.

*

Использованный презерватив
на ветке березы
в лютый мороз.
Генофонд.

*

Могла ли Биче, словно Дант, творить,
как желтый одуванчик у забора?
Я научила женщин говорить.
Когда б вы знали, из какого сора.

*

Оцененный = уцененный.
И только недооцененный
поэт вполне оценен.
А значит, и он уценен.

*

Одиночество в квадрате окна,
одиночество в кубе комнаты,
когда хочешь остаться одна
и серьезно обдумать, какого ты
черта лысого, хрена, рожна
к этой местности взглядом прикована,
будто это — чужая страна,
а родная — о, как далеко она!..

*

Не просто из тишины —
из недопустимости речи,
из чувства, что речи нужны
затем, чтобы чувства калечить,
из муки, что слово — не меч
разящий, но выстрел картечью,
из страха, что всякая речь —
симптом недержания речи, —
высовывается строка,
как яблоко из червяка.

*

Так, не так, не в такт, тактичней, так-то!
Я вам мэтр, а не метроном.
На четыре четверти с затактом
осеняю свой оркестр крестом.
Так — макушки темные с амвона,
так детишкам на ночь крестят лбы,
чтоб пространство было благосклонно,
чтобы время просто было бы.

*

Всю зиму ждала весны,
и вот снег начал таять,
и так его стало жалко!
Как в день развода — поедем
к тебе, последний раз!..
Подумала так и легла
на снег,
чтобы таять вместе.

*

вижу сырую землю
и хочется играть в ножички
вижу сухой асфальт
и хочется играть в классики
вижу проточную лужу
и хочется пускать кораблики
вижу горячую скамейку
и хочется играть в любовь

*

Лежу в грязи, смотрю на небо,
грязь оставляя за спиной,
и думаю: ужели не бо-
годанна глина подо мной?
Иль не по божьему веленью
из грязи сделаны князья?
И на живот без сожаленья
переворачиваюсь я.

*

Та Камасутру знала назубок
и диктовала дневнику свиданья,
и требовала паспорта в залог,
и облагала данью обладанья,
а эта — смотрит, покрывая все
лицо нездешним ангельским загаром...
И как прикажешь называть ее?
Ужели тем же прозвищем вульгарным?

*

Любовь — тенор альтино.
Ты понял меня, скотина?

*

Любить без рук глупее, чем есть без рук.
Любить без ног глупее, чем бегать в мешках.
И все же Венера бывает только без рук,
в пеленке каменной на неразъемных ногах.
Руки мои онемели до самых плеч.
Ноги забыли думать про ать-два-ать-
два. Мне осталась речь. Мне осталось речь
Люблю — и в священном ужасе камнем стать.

*

Брови домиком: живи в нем сколько хочешь.
Для тебя мне жалости не жалко.
То, что ты жилетку мне промочишь,
даже хорошо, а то мне жарко
жить на неостывшем пепелище.
Больше нам помочь друг другу нечем,
ибо слова, что мы оба ищем,
нету в лексиконе человечьем.

*

Отпала от пола,
отпела о поле,
припала к поле
твоего долгополого,
не мужского, не женского
облачения,
испытав не блаженство, но
облегчение.

*

День ангела. Нелетная погода.
День мученицы, аки день танкиста,
любимый праздник нашего народа.
Как в танке, глухо в поднебесье мглистом,
а выше — тишина глухонемая,
слепые звезды... Милостивый Боже,
Ты знаешь, я прекрасно понимаю
тех, кто в Тебя уверовать не может!..

*

Когда
то, что во мне,
больше меня,
оно во мне
помещается без труда,
когда
то, что во мне,
меньше меня,
меня

штормит и бросает
туда-сюда,
когда
то, что во мне,
мне равно,
я ему не равна,
когда оно
покидает меня,
и кажется — навсегда,
оно
все равно
во мне,
да?

*

О жизни будущего века —
на языке веков минувших...
О паюсная абевега
столетий, плавником блеснувших,
о путь от берега до берега
как от порога до порога!..
О жизни будущего века
я знаю много меньше. Много.

*

Наш!
Твое, Твое, Твоя.
Наш нам.
Нам наши, мы нашим.
Нас, нас
от лукавого.

III ПИСЬМО ПО ПАМЯТИ

1

Я, Павлова Верка,
сексуальная контрреволюционерка,
ухожу в половое подполье,
идеже буду, вольно же и невольно,
пересказывать Песнь Песней
для детей.
И выйдет Муха-Цокотуха.
Позолочено твое брюхо,
возлюбленный мой!

2

— Спой мне Песнь Песней
— Но я не знаю слов
— Тогда спой нотами
— Но я не знаю нот
— Тогда на ля-ля-ля
— Но я забыл мотив
— Тогда мое ухо
приложи к своему уху
и то что услышишь спой

3

Ухо прижав к уху,
слышу: шумит море.
И чувствую, что тону.

4

Как отыскать того, кто всегда со мной,
 как отличить от бесчисленных двойников,
 если его тень — за моей спиной,
 если его свет — из моих зрачков?
 Без оглядки — лопатки, пятки — за ним бежать,
 мимо стражи скользить сновидением, не дыша...
 Дщери иерусалимские, как дышать,
 если его тело — моя душа?

5

Всех весен ароматы —
     на ланиты...
 К чему такая трата,
     Суламита?

6

жены твои и наложницы
 расчесывают мне волосы

жены твои и наложницы
 серебром оплетают мне волосы

жены твои и наложницы
 безбожно дерут мне волосы

у старшей в руках ножницы
 у младшей в руках гладиолусы

А мы убегали за дом
 и там играли в роддом:
 ходили вперед животом,
 проводили острым стеклом
 по зябнущему животу
 бело-розовую черту,
 говорили: тебе решать, —
 если выживет мать,
 тогда ребенок умрет,
 или — наоборот,
 короче, из двух одно,
 и третьего не дано.
 Дано. Акушеру-вралю
 по уху залеплю
 и гордо покину потом
 ваш идиотский роддом.
 Это теперь. А тогда
 купалась в блаженстве стыда,
 прикрывала рукой живот:
 пусть ребенок живет.

Суламифь родила Изольду,
 Изольда родила Мелизанду,
 Мелизанда родила Карменситу,
 Карменсита родила Мата Хари,
 Мата Хари родила Клару Цеткин,
 Клара Цеткин родила непорочно
 сорок тысяч однойцевых братьев,
 от которых родил абортарий
 полногрудых моих одноклассниц
 Сапунихину, Емелину, Хапкову.

9

Мы не рабы,
рабыни мы.

10

толстые волосы
тонкие руки
талиа
как у Пушкина
как у Евпраксии Вульф
щиколотки
как у меня

11

ни за что не вычерпать
из варенья ос
никому не вычислить
поголовье роз
из стихов не вычитать
что в них удалось
никогда не вычесать
ветер из волос
пепел из волос

12

Тем, что отказались от свиданий,
заслужили право на свиданье.
Тем, что отказались от объятий,
заслужили право на объятья.

Тем, что отказались от соитий,
заслужили право на соитье.
Приходи, любимый, завтра утром,
чтобы разом этих прав лишиться.

13

Тело село
тело ело
на будильник поглядело
и вскочило
и вспотело
чистое белье надело
и помчалось
и летело
и едва-едва успело
кофе-чаю не хотело
под гитару сишло пело
и любило
чье-то тело
грустно, нежно и несмело

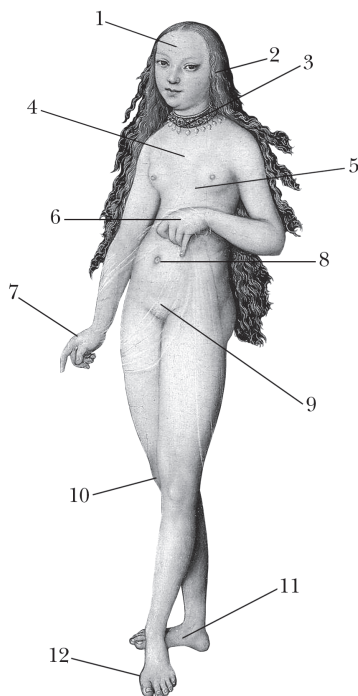
14

Понять свою архитектуру,
на коже вычертить чертеж
и выяснить: губа не дура,
рука не дура, грудь не дура,
натура — та совсем не дура,
коль скоро в ногу с ней идешь.

Понять себя как партитуру
и выяснить: не хватит кож.

15. ОРГАНЫ ПРЕДЧУВСТВИЙ

1. Орган ложных предчувствий. 2. Орган предвидения. 3. Орган неясных предчувствий. 4. Орган предчувствия чувства. 5. Орган предчувствия мысли. 6. Орган сбывшихся предчувствий. 7. Орган сочувствия. 8. Орган страха за близких. 9. Орган предчувствия конца. 10. Орган предчувствия боли. 11. Орган органичности. 12. Орган ограниченности.

16

Если всем существом вдохнешь,
 выдоха хватит на *Отче наш*.
 Если всего себя отдаешь,
 всего себя ни за что не отдашь.
 Если каждой клеткой поешь,
 ты — зам. поэта, его и.о.
 Если все это вполне поймешь,
 то уже не споешь ничего.

17

Что прекрасней
 твоих плеч? —
 Твои предплечья.
 Твоих предплечий? —
 Твои ладони.
 Твоих ладоней? —
 Твои пальцы.
 Твоих пальцев? —
 Твои пальцы,
 сжимающие
 мои пальцы,
 ладони,
 предплечья..
Положи меня как печать.
 На каждый твой палец кончать.

18

Легла.
 Обняла.
 Никак не могла понять,
 чего же я больше хочу:

спать или спать?
Потом не могла понять,
что же это такое —
я сплю?
Или мы спим?
Или то и другое?

19

жужжащий, звенящий, стрекочущий хор
растравленных лаской пор. До сих пор.

20

— Какие ступни ледяные!
— А у тебя — лубяные!
И грел ледяные шершавыми.
И гладила ледяными шершавые.
— Какие у тебя нежные!
— Какие у тебя горячие!

21

В неэвклидовом пространстве гениталий
мы с тобою по-пластунски пролетали
над землею, состоящей из италий
и парижей, на гудящие педали
нажимали и парижи покидали,
тычась в незапатентованные дали,
где домашние драконы обитали
и от демонов девицы залетали...
В неэвклидовом пространстве гениталий
друг ко другу мы дорогу скоротали.

22

Растерялась, тело
наизнанку надела:
швами наружу,
атласной подкладкой наружу.
Буду бита.

Шишками, синяками
наружу.

23

Прижать не к груди — к грудям...
Ну вот я и стала бабой.
Отдать тебе жизнь могла бы
и, может, еще отдам.
Как жалко, что ты давно
забытого сна бестелесней.
Как жалко, что Песни Песней
дуэтом допеть не дано.

24

Отныне что ни пенье — отпеванье,
что ни успенье, то неуспеванье
допеть дуэтом. Остается — хором,
рыдания подавляя ля минором.
А ты молчишь. Твое молчанье сольно.
Тебе не больно. Курица довольна.

25

Что-то припомнится, если опомниться
Бог приведет в мирозданье ином?
Хроника, ставшая личной бессонницей.
Миф, обернувшийся собственным сном.

Там, в ожидании самого главного,
вся в чешуе нераскрывшихся глаз,
слушаю, как в исполнение Дуганова
ребро ломает себе Китоврас.

26

Есть ли жизнь на Марсе? —
спрашивает Бах.
Есть ли музыка на Марсе? —
спрашивает Моцарт.
Есть ли Моцарт на Марсе? —
спрашивает Шопен.
Есть ли Россия на Марсе? —
спрашивает Глинка.
Есть ли любовь на Марсе? —
спрашивает Шуберт у Шумана.
Есть ли голубиная почта,
доставляющая приглашения на свадьбу,
написанные на нотной бумаге,
ничего не подозревающим невестам, на
Марсе? —
спрашивает Шуман.
Есть ли неземная любовь на Марсе? —
спрашивает Чайковский.
Есть ли грот Венеры на Марсе? —
спрашивает Вагнер.
Есть ли юмор на Марсе? —
спрашивает Моцарт.
Есть ли смерть на Марсе? —
спрашивает Брамс
и зажимает уши,
чтобы не слышать ответа.
Есть ли смерть в Венеции на Марсе? —

Малер, выключая телевизор.
Марксизм-ленинизм — на Марсе? —
Шостакович.
Секс — на Марсе? —
Скрябин, шевеля усами.
Есть ли смысл в этом тексте,
придуманном вместе с любимой подругой
Наташкой Котылевой у нее на кухне
за бутылкой кагора, на Марсе? —
не спрашиваю я.

27

Дедушка пел в церковном хоре
дискантом *Со святыми упокой*.
Дедушка пел в другом хоре
тенором *Там вдали за рекой*.
Дедушка с девочкой пели дуэтом
у реки *Там вдали за рекой*.
Лирическим сопрано соло спето
дедушке *Со святыми упокой*.

28

Стрекоза штрихует воздух
сикось-накось, кое-как.
Водомерка мерит воду,
чтоб скроить с искрою фрак.
Паучок висит корячась.
Залетела мошка в глаз.
Скоро я совсем растрачу
детства золотой запас.

29

Тридцать лет
и три года
учиться держать голову
и уронить ее на плечо
креста

30

В крови — сахар.
В кости — соль.
Крой, знахарь,
мою боль.

Кроши мельче,
сотри в прах
нечеловеческий
мой страх.

Глаза у страха
на пол-лица.
Дитя праха,
я вся в отца.

Отец условен,
красив, как черт,
и благосклонен
затем, что мертв.

31

Прочту эпопею — запомню одну фразу
и ту не точно, так что это не в счет.
Только ветер раскроет всю книгу сразу.
Только пламя разом ее прочтет.
Только песок поймет, что она нелепа.

Только речка примет ее до дна.
Я посыпаю голову книжным пеплом,
чтобы не так бросалась в глаза седина.

32

Биография — это гибрид
биологии и географии.
И саднит у меня, и болит
одно место на самой окраине,
где в обнимку и плачем, и спим,
неразлучные вечность без малого,
различая Иерусалим
сквозь контактные линзы Измайлова.

33

Пишешь меня в профиль.
Я тебя — со спины.
Оба пишем с натуры,
не открывая глаз.
Что у меня вышло? —
Посмертная маска затылка.
Что у тебя? — Мой
автопортрет во сне.

34

Еще не время договаривать,
коль скоро можно говорить
и сказанное разбазаривать,
и чистотой своей сорить.
Один пиши, а два на ум пошло,
а три — смотри! — с ума сошло...
Кивала, улыбалась, слушала
сквозь непрозрачное стекло.

35

Всем телом
 каждым кровавым тельцем
 красным или белым
 иначе сказать всем сердцем
 всем сердцем
 путая свое и чужое
 горе или детство
 иначе сказать всей душою
 всей душою
 выпрямиться под прицелом
 звездного конвоя
 иначе сказать всем телом

36

Старики окликают меня:
 — Девочка!
 Мужчины окликают меня:
 — Девушка!
 Женщины окликают меня:
 — Женщина!
 Дети окликают меня:
 — Мама!
 Оборачиваюсь... Нет, не меня.

37

Ходила по своим следам.
 Старалась наступать след в след.
 Слоилось небо, как слюда,
 почти не пропуская свет.
 И вышла в лес. Выходят так
 из лесу, вечность проплутав.

И след исчез. И то был знак,
что будет свет. Что путь мой прав.

38

Голос. Почерк. Походка.
И, может быть, запах волос.
Все.
Воскрешайте.

39

Стрекозиная личинка
на прибрежном камыше.
Стрекозлиная личина,
маска из папье-маше
под названием Бедный Йорик.
Прошуршу по камышу,
с разрешенья дяди Бори
стрекозу расшелушу.
Будет мокрой, как котенок,
и фасеточно слепой.
Буду рада, как ребенок,
и серьезна, как святой.

40

между
биографией и автобиографией
между
географией и библиографией
между
порнографией и агниографией
между
эпитафией и флюорографией

И увидел Бог,
 что это хорошо.
 И увидел Адам,
 что это отлично.
 И увидела Ева,
 что это
 удовлетворительно.

I V

*

О ласках, расточаемых во сне
 невольно, безыскусно, анонимно,
 младенчески беспомощно: оне
 проделки не амура — херувима,
 ночного заместителя души,
 в приемной Юнга сонником шуршащей...
 Прижмись плотнее, горячей дыши
 в затылок безучастный zde лежащей.

*

Остроумие — скудоумие,
 сфокусированное лупой.
 Юмор умер. Клоуны умерли,
 жизнь отдавшие шутке глупой.
 Бедный Йорик, ну что ты лыбишься
 опустевшей личинкой личика?
 Разве дуриком в люди выбьешься?
 Перешутишь разве могильщика?

*

Каждым словом дает слово
и обещает его держать
поэт. И слово его сурово,
словно подпись или печать.
Он держит слово, как балерина
точку, крутя тридцать два фуэте...
Не верь поэтам, пишущим длинно,
для рифмы ставящим *и т.д.*!

*

Все половые признаки вторичны,
все жгутики твои, мои реснички.
Пути окольные, речи околичны,
тычинки-пестики, бочки-затычки.
Яйцо вторично, курица тем паче.
Хочешь — кудахтай, хочешь — кукарекай.
Хочу. Кудахчу. Не хочу, но плачу,
придасток, полуфабрикат, калека.

*

Училась писать ручкой с открытым пером:
пишешь, как будто катаешься на фигурных коньках:
фонарик, ласточка, подсечка, перекидной мостик,
сугроб, слезы на варежке и промокашке
поверх записки: *Уважаемая Ирина Александровна!*
Не ставьте мне, пожалуйста, 4 —
я больше не буду!
Поставила. Буду.
Ручки с закрытым пером
долго оставались на полулегальном положении.
И шариковые, как шариковые,
покончили с чистописанием.

*

Принимая удар как награду,
принимая награду как груз,
я ищу предпоследнюю правду,
потому что последней боюсь.
Только тают последние силы,
только не с чем сверить ответ.
Вот у Рильке была Россия.
У меня и этого нет.

*

Нет, мне тело не мало — велико.
Мне до тела моего далеко.
Тело, тело, как ты терпишь меня?
Все, что сделано, такая фигня
по сравнению с расщепленьем белка,
по сравнению с ХТК ДНК!

*

В учебнике под натюрмортом —
цветы, плоды, семена...
Всему живому на мертвом
языке даны имена
не ради удобства сыска,
но веря: любой цветок
из сердца брата Франциска
урок латыни извлек.

*

Во взгляде грустная бодрость,
а в голосе бодрая грусть.
Отыгран безумный возраст

прелюдий с листа наизусть.
Откуда ты, тихая сила,
отчаянная простота?
Я все, что учила, забыла.
Но лучше читаю с листа.

*

ехала к тебе
писала стихи о тебе
когда дописала поняла
что еду не в ту сторону

*

Стихи не протез памяти,
они — фантомная боль.
Но ты не калека с паперти,
ты — голых голый король,
разлюбленными коронованный,
бегущий от них по рукам,
их ласками татуированный..
Рот — поцелуев шрам.

*

Подмышки пахнут липой,
чернилами — сирень.
Когда бы мы могли бы
любовиться целый день
подробно и упруго
и к вечеру раз пять
друг друга друг на друга,
как пленных, обменять!..

*

Любовь — простое число, поскольку она
делится только на себя и на единицу.
На себя разделится — остаешься одна.
На единицу разделится — возгордится.
Я не о той, которая долготерпит
и милосердствует, и не ищет ответа —
я о той, которая испепелит
изнутри: торфяные пожары
под Москвой олимпийским летом.

*

Там, где копошились мурашки,
старчески желтеют веснушки:
может быть, мурашек какашки,
может быть, судьбы завитушки,
может быть, разметка работы
разложения, тленья, распада,
может быть, небрежные ноты
лебединой той серенады...

*

Молоком одуванчиков было подписано коммюнике,
по которому мне разрешалось часами плескаться в реке,
выползая на сушу под вечер
почти разучившись дышать,
но не смыв ни с колен, ни с ладоней
подковки мышиных лошадок,
омеги чужих алфавитов,
значки глазниковой таблицы,
старенья пигментные пятна —
одуванчиковую печать.

*

сквозь сон
любой звонок
кажется междугородным

— Его нет.

я перезвоню тебе
если усну

*

Вдохновенье: печальный взгляд
раскорячившейся собаки.
Как трехлетние говорят
по-японски: *каки* и *саки*.
Аве, чистописание сак,
золотой период анальный!
И собакины *каки*, как
иероглифы книги сакральной.

*

но и белокрылая морская свинья,
но и бешеный огурец обыкновенный,
и агава, чье соцветье-струя
на двенадцать метров хлещет из вены,
стрекозы, ебущиеся на лету,
светлячки тропические, при свете
коих можно читать, кенгуру, какаду...
Не только дева, орел и ветер.

*

Смысл жизни младше жизни
лет на тридцать — тридцать пять.
Полагается полжизни

ничего не понимать.
А потом понять так много
за каких-нибудь полдня,
что понадобится Богу
вечность — выслушать меня.

*

Тело приросло к земле,
как плацента к матке.
...пеленали на столе,
расправляли складки,
уносили на крыле,
колыбель качали...
Тело приросло к земле,
как душа к печали.

*

Кто антипод пророка? —
Футбольный комментатор.
Кто антипод поэта? —
Поэтов эпигон.
Кто антипод любовника? —
Неправда, не вибратор, —
он сам, когда разлюбишь.
Но разве ж это он?

*

Елены Шварц костлявы пескари.
Светланы Кековой пластины хека —
январский мрамор. На исходе века
нас мало, нас, быть может, трое. Три

дороги, карты, грации, сестры,
колдуньи, мойры, буквы, ипостаси...
А когда папа возвращался с рыбалки,
одну плотвичку я пускала в тазик —
из сострадания, не для игры.

*

внутренний голос
не повышает голоса
повышая голос
и внемлешь
прозябанию лозы волоса
каждый волос
своим ощущая
волос округлые луковки
чувствуя кожей
как мурашки
бегут по бумаге буковки
в мир Божий

*

а) язык без костей;
б) костлявый язык;
в) костью в горле;
г) скормленный псам.

Но приживется ли жало?

*

Свеченье, пенье, ароматы —
любовный лексикон поляны,
чьи ароматы не примяты,

чьи соловьи благоуханны,
чьи светлячки — не звезды, — выше
берите — в оркестровой яме
фонарики на пультах. Тише! —
Вступление к эпиталяме...

*

О бессмертии: оно —
бесконечный день рождения.
Не из гроздьев — из цветенья
приготовлено вино.
Звезды — свечи в пироге.
Дую-дую — не задую.
Каждый новый гость в руке
розу держит золотую.
За уставленным столом
больше избранных, чем званных.
Что это в тарелке? — Манна.
А в кастрюльке? — Суп с котом.

6 июня 1999 года

*

Прядется, прядется, прядется
корявыми пальцами нить.
Придется, придется, придется
родителей похоронить.
Эй, вечность, ты все еще в детской
иль перебралась на вокзал?
Везет Тебе, царь Иудейский! —
Ты этого страха не знал...

*

Одноголосная fuga: разлука.

.....
.....
.....

*

Глен Гульд играет Баха
и гулит, аки голубь.
Вот-вот проклянет птаха
во льду небесном прорубь.

Маэстро перлюстраций,
почтмейстер голубиный,
зачем же так стараться?
Хотя бы нотку мимо!

Ответил: гули-гули,
какая ахинея!
Задумался: могу ли
сыграть еще точнее?

*

Лоб обреют — пойдешь отдавать свою,
лобок обреют — пойдешь отдавать чужую
жизнь. Родина-матка, тебе пою,
а сама партизански с тобой воюю,
ибо знаю: сыну обреют лоб.
Ибо знаю: дочке лобок обреют.
Чайной ложкой лоно твоё скреб
Ирод. Роди Ирода. И Назорея.

*

Стоит ли говорить о том,
что я думаю сложноподчиненными предложениями,
уснащая их деепричастными оборотами
и риторическими вопросами
и даже расставляя знаки препинания
большим пальцем правой ноги?

*

...с омонимом косы
на худеньком плече...
Посмотрит на часы,
заговорит по-че-
ловечески, но с
акцентом прибалти...

Посмотрит на часы
и скажет
— Без пяти.

*

фермата
заката

*

Накипью на связках
(пение — кипенье) —
двести слов славянских...
Несидально пенье
(пение — терпенье),
в нотах — яти, еры...
Пение — спасенье.
Связки — орган веры.

*

Продольные и поперечные губы...
Которые больше тебе любы,
флейтист, отдыхающий после полудня?
О летние, дачные, жаркие плутни
в домике из дверей и окон
с гусями и петухами под боком,
и, знаешь, у каждого есть имя,
чтоб лично лакомиться ими...

*

Сопротивленье матерьялу бесполезно.
Но не безвредно.
Вот почему рука опять в карман полезла
за словом медным,
достала пуговицу, семечку, монету
и горстку праха
и в руку ангелу насыпала все это.
И тот заплакал.

*

Плодоношение тех, с кем вместе
цвели, — чистейшая улада.
Нет места зависти и лести,
коль скоро каждая награда —
залог достоинства и чести,
и доблести всего отряда...
Спасибо, Танька, за известье,
спасибо, Ленка, за известье,
Наташка, Юрка, Любка, Серега, другая Наташка,
Инна, Ираида... — за известье,
что все как надо.

*

Автоответчик.
— Я люблю вас! —
не дожидаясь сигнала...

*

Песня без слов — рыба.
Рыбью песню без слов
подтекстовать могли бы
трое: а) рыболов,
б)ловец человеков,
в) червяк на крючке...
Эпитафия веку —
песня рыбы в садке.

*

Кожа летней дачной выпечки
белой зимней откровенней
сразу вся встает на цыпочки,
торопя прикосновенье, —
и с нелепою поспешностью
от детей по-детски прячем
приступы телячьей нежности,
взвизги радости собачьей...

*

Учусь не бояться тебя пережить,
тем паче — переумереть.
Когда мы не сможем с тобой говорить,
я буду тебе петь

о том, что тебя невозможно забыть,
оставшись, тем паче — уйдя,
о том, что не так уж и сложно — плыть
против течения дождя.

ТРИ ПТИЦЫ

1

предпочитая славе славку,
последнюю не отличала
от прочих воробьиных

2

разбужена петухом,
никак не могу вспомнить,
кого предала во сне

3

ласточка — слюной, я — строкой,
т.е. той же самой слюной —
ласточкиной

*

Ангел из тех, что подглядывают, как дети
за отцом, зачем-то седлающим мать, —
палы-выры, хитрый, но глупый свидетель!
Свет гаси в туалете и быстро спать!
— Не гони его — он замерз в эмпирее,
он испуган тем, что видел в пути.
Лучше давай его под одеялом согреем.
Подвигайся. В середку его пусти.

*

Подумай: *Лета*, напиши: *Россия*.
В стране, где все заранее старо,
не Мнемозина, нет, — криптомнезия
заставить может взяться за перо
с улыбкой сладострастно-вороватой,
с надеждою на то, что, может быть,
одну великолепную цитату
неточностями можно оживить.

*

Там, далеко-далеко,
Матушка Наоборот
грудь старикам дает,
и наполняет рот
черное молоко,
за диоптрии слез
(около минус шести)
прячет глаза: *Прости!*
и зажимает нос,
чтобы отнять от груди.

*

грелся на солнце
слушал птицу
слизывал дождь
и только в полете
лист увидел дерево
и понял
чем
был

*

Чистая лирика,
лирика как таковая —
лирика Ивика,
птичая, хоровая.
Трудно ли Ивику
днем и ночью бессонной
птиц крикливых
кифарой склонять к унисону?
Трудно ли птицам
клювами удлинёнными
с плоской страницы
склеивать ноты соленые?

*

не касаться
чтобы иметь под рукой
отказаться
чтобы с собой унести
изменяться
чтобы остаться такой
как в семнадцать
до тридцати шести
заблудиться
на всенародной тропе
разводиться
предоставляя ночлег
нарядиться
чтобы растаять в толпе
раствориться
чтобы остаться навек

*

Черное с утра примерять,
пару блузок переменить...
Сколько ни учись умирать,
не научишься хоронить.
Сколько ни учись горевать,
не научишься говорить:
Примите мои соболезнованья, — и кивать,
если станут благодарить.

*

Писаешь стоя, будто слушаешь гимн.
Отливаешь, будто из бронзы отлит.
Если не можешь быть, помогай другим.
Просто слушай, что у кого болит.
Везет! Тебе не надо прятаться в лес,
достаточно повернуться ко всем спиной.
Жизнь — прививка. Роддомовская. КДС.
Оспа. Ты замечал, что оспинки на правом плече
у всех одинаковые? —
Будто мечены все печатью одной.

*

От всего того, что в телевизоре делается,
ничего не делается мне,
потому что ни одного политического деятеля
ни разу не видела во сне.
Нет, раз, в эротическом, Ельцина.
Он был ничего, вполне.

*

Страница моя, странница:
впускают с черного хода,
слушают с благоговением,
сажают обедать со слугами.

*

Обналичить обликом,
раскавычить голосом,
посидеть за столиком,
оплаченным Соросом,
целоваться с критиком,
чокаться с великими,
но остаться призраком,
тенью Эвридикиной,
до недоумения:
видели? не видели?
Так: стихотворение —
чек на предъявителя.

*

Возраст замечаешь,
если перестаешь
ему соответствовать:
или обгоняешь,
или отстаешь.
А если соответствовать —
возраста нет.
Только год
и день рождения.
Сколько мне лет?

Долгий подсчет.
В столбик.
Сложение.

*

1906—1996.
Вычитанье из меньшего большего.
В ответе — отрицательная величина.
Смирно! На мертвый-живой
рассчитайся!..
Из прошлого — прошлого.
Боб, суетливо снимающий с дедушкиного
пиджака ордена.

*

Нежность не жнет, не сеет,
духом святым сыта.
Что же она умеет?
Только снимать с креста.
Тут не нужна сила —
тело его легко
настолько, что грудь заныла,
будто пришло молоко.

*

Язык — это раненый немец,
подобранный дедушкой Федей,
лепечущий без умолку:
то ли прося пощады,
то ли творя молитву,
то ли военную тайну
выдавая...

— И что с ним стало,
дед, а дед?
Помолчал, ответил:
— Нихт ферштейн!
И опять умер.

*

Жизнь моя, все ли выжито,
что на живую прожито,
все ли до капли выжато,
выстрадано досыта,
или пускаться заново
вброд по живой жиже
прошлого — злого, бездарного, —
чтобы насквозь выжить?

*

Выпьем воды летейской на брудершафт,
я из твоих, а ты из моих ладоней,
и осмотримся, как изменился ландшафт.
Изменился. Стал еще монотонней.
И пойдем по трупам забытых дней,
освещенные тусклым отблеском славы...
Если дух действительно плоти сильней,
как же ему не совестно мучить слабых?

*

Читатели... Хор солистов,
сражение белькантистов
за право дать бенефис.
В этом хоре один хорист —
автор. Но он не поет —
он только открывает рот.

V СУРДОПЕРЕВОД

Нащупывала в сумке ручку, а вытащила трубочку для мыльных пузырей. Но стихи все равно записала.

Творю вкрутую. Живу всмятку.

Жвачка мысли... По вечерам болят скулы.

Называл: «Самая красивая женщина на свете», потому что забыл, как меня зовут.

Поняла, что занятие любовью — пустое занятие. И заниматься любовью стало еще слаще.

Мертва? — На один зуб.

— **ера**. Атмосфера, афера, баядера, Венера, вера, Вера, галера, гетера, карьера, мадера, мегера, мера, пантера, пещера, портьера, премьеры, сфера, сера, фанера, химера, холера, Церера, эра. (*Словарь рифм.*)

По мне выбросить яблочный огрызок — все равно что выплюнуть семя любимого. По мне врать — все равно что играть на пианино грязными руками.

Минуты, в которые чувствуешь на себе, что вселенная расширяется.

Мандельштам: «Поэзия — это уверенность в своей правоте». Бродский: «Поэзия — это школа неуверенности». Не уверена. Ни в том, ни в другом.

Ложась спать в трусах:

— А в раю у Евы были месячные?

— Не-е-ет! — в ужасе вскричал Поздныев.

Ребенку, который ушибся: «Все пройдет!», как будто в этом есть что-то утешительное.

— Мам, сколько будет 95 умножить на 60?

— Лиз, я в отключке. Если бы не это, я, возможно, и смогла бы сосчитать...

— И сколько бы у тебя получилось?

Комаров приговариваю к смерти: не за то, что больно кусают, — за то, что фальшиво жужжат.

Раньше был звательный падеж. Раньше было двойственное число. Раньше проще было позвать. И отозваться.

Стихи надо писать — как изменять мужу: быстро, тайком, в неучтенное, выпавшее из режима время. И возвращаться домой как ни в чем не бывало.

Если любовь болит, значит, она больна: то ли не долготерпит и не милосердствует, то ли завидует, превозносится, гордится, бесчинствует, ищет своего и раздражается, то ли радуется неправде и не сорадуется истине, то ли не все покрывает, не всему верит, не надеется и не все переносит.

Насколько же сложное проще простого!

Гости ушли. Гоню венником клоч разноцветных волос.

Акварель (Сережа в Желябово): смачивал лист в реке, набирал воду из реки, писал реку, смывал в реке написанное, купался.

Недержание содержания.

— До конца дней не буду краситься — а в морге все равно покрасят!

— А ты напиши в завещании, чтобы не красили.

— Зачем? Пусть красят. Хоть раз в жизни побуду красивой.

Настоящее. Настоявшееся. Настающее. Изменяюсь по временам.

Лиза:

— А эти спички мы оставим на всякий пожарный случай.

Наскремали по карманам мелочь на дорогу, когда раздался звонок в дверь:

— Социологический опрос. Будете ли вы вкладывать деньги в акции?

SOSреализм

Когда болеешь, даже обкусывать пальцы не вкусно. И — можно ли обкусывать пальцы постом?

Время, как простая гамма, состоит из больших и малых секунд.

Чтобы овладеть голосом, нужно позволить голосу овладеть тобой. И в последнюю секунду овладеть им. И опять отдаться. И научиться проделывать все это с частотой звуковых колебаний.

...у поручня в коридоре спального вагона, как у балетного станка. Прямее спинку! — Подъезжаем.

Дача, озеро, Лиза:

— Это только у берега она грязненькая, а дальше — тепленькая.

Тетушка завещала Ане рояль. Аня наняла грузовик с грузчиками. Но рояль не пролез ни в дверь, ни в окно.

А прошлое-то неисчерпаемо! Может, это и есть бессмертие? Может, бессмертие — в прошлом?

Выбрать на поверхности реки предмет и вести его взглядом, не срываясь, не проскакивая, не опережая реку. Вот так и читать надо: со скоростью строки.

— Але, Вера? Это слава.

— Слава?..

Оказалось — сокамерник Ш., очень разговорчивый. Его задержали «за отправление естественных потребностей в метро» и досрочно выпустили за примерное поведение.

Легла с недописанными стихами во рту — и не могла целоваться.

Лиза, зубря:

— То, как Пушкин запоздалый
к нам в окошко постучит.

Матрешка: Пушкин, внутри — Байрон, внутри — Державин... А в самом нутри, неделимой косточкой, — опять Пушкин.

Простота — осложнение: воспаление легких после легкой простуды.

Отец, занудно:

— В десять лет Давид уже убил Голиафа!

Дочь, в ужасе:

— Он что, убил его в день рождения?

Вдохновение — это когда я себе верю.

Несмотря ни на что — даже на то, что смотреть в общем-то не на что.

Авторский вечер. У каждого зрителя наушник (такие раздают на иностранных спектаклях). Тишина. Стишки на ушко. Через некоторое время на сцене появляется автор, молчит (стишки продолжают звучать — запись), садится за пианино, играет. Стишки в наушниках постепенно сменяются музыкой. Тогда автор закрывает пианино и читает один-единственный стишок. Тут-то и выясняется, что голос в наушниках ему не принадлежал.

О Гагарине: гагара — нелетающая птица.

Две мечты-номер-один: увидеть Землю из космоса и принадлежать всю жизнь одному мужчине. Неужели не сбудутся?

Синдром интервью: понятна ли я? Интересна ли я? И сразу становишься понятной. И неинтересной.

Чтобы выходить стишок, пошла в магазин. Заплатила, взяла сдачу. Прихожу домой — стишок есть, а продуктов нет.

В стекляшке подсунули просроченную курицу — синюю, скользкую, смердящую настолько, что захотелось ее похоронить.

Гуляли с Ленкой, увидели на лотке «Камасутру», открыли, открылось: «Как избавиться от посетителя».

Вместо ПОЧЕМУ думаю WHY. Why? — Потому что похоже на ОЙ.

Море. Плыву по солнечной дорожке. Рядом плывет Наташа:

— Ты тоже плывешь по солнечной дорожке?

— Ба! А ведь солнечная дорожка у каждого своя!

— Лиз, а ты бы хотела быть мальчиком?

— Нет. Хотя, если бы дней было в два раза больше, то я хотела бы три дня быть девочкой, три — мальчиком.

— А в воскресенье?

— А в воскресенье я дома.

Переводить с русского на русский, чтобы наконец понять, который из них родной.

— Что тебе привезти из Парижа?

— Карту звездного неба.

Лакрифаги, мелкие бабочки из семейства огневок, совок и пядениц, питающиеся слезами буйволов, оленей и диких свиней.

Слава, слава, слава, сла... В осла.

Нет ничего готового: в организм поступает «свой» и «чужой» белок, но расщепляются и тот, и другой.

БЛАГИМ МАТОМ (кричать, орать). *Прост.* Громким, неприятным, душераздирающим голосом. *Собств. русск.* С XVIII в. или ранее. Б л а г о й (*устар.*) — сильный, м а т (*устар.*) — голос. Школьный фразеологический словарь.

Вонючий бомж в метро.

— Ты смог бы его поцеловать?

— Смог бы, но не хочу.

— А я хотела бы, но не могу.

А что видят во сне слепорожденные? Может быть, музыку?

— Мам, а мне «Марш деревянных солдатиков» на экзамене играть в образе или без ошибок?

Загадка, у Даля: «Сверху пушисто, снизу остро, всу-нешь — сухо, вынешь — мокро». Перо.

Век живи, век учи, с дураком померешь.

Как отношусь к тем, кто не понимает моих стихов? — С пониманием.

Но, чем дальше, тем ясней единственным цензором и критиком видится пьяный Матвейч на кухне, в деревне, приоткрывающий глаза после каждого сказанного мной стихотворенья:

— Хуйня. Дальше.

V I

*

И долго буду тем любезна,
что на краю гудящей бездны
я подтыкала одеяла
и милость к спящим призывала.

*

Вношу в науку свою лепту —
вывожу из ада черновика
свои записи литературного диалекта
вечно умирающего языка
и прячу их от слепой кухарки,
рубящей мясо тупым топором.
Рай — чистовик без единой помарки,
чистописание открытым пером.

*

Когда разверзлись тайны пола,
за пять минут меня разрушив,
все стало безвоздушно полым
внутри, а главное, снаружи.
И, выбравшись из-под завала,
лепя ошибку на ошибке,
чем только я не затыкала
пробоины в своей обшивке!..
И отрывали плоть от плоти,
и увязали в красной глине
ярко накрашенные ногти
дежурной гинекологини...

*

Наташе

Я ли не тема? Ты ли не рема?
По КПЗ терема
бродит, как тень, лунатичка-царевна,
ищет заветное дерево.
Клади трубку, гаси свет и,
кстати, прими к сведенью:
с этих корявых высохших веток
все яблоки съедены.
Кладет. Гасит. Ложится. Спит и
видит, что ей не выспаться,
пока я под яблоней сплю, убита,
обнявшись с убийцею.

*

Дочь — бесконечная мать.
Мать — бесконечная дочь.
И не пытайся понять.
Но попытайся помочь
матери — дочь доносить,
глупую, старую дочь,
дочери — мать выносить
в ночь. В бесконечную ночь.

*

Нет, никогда о себе — в третьем лице,
чтобы никто не узнал, как боюсь оказаться
четвертым лишним лицом в тупом конце
памяти перед последней из инкассаций!
Кто в ПСС читает последний том?

Автору как не стыдиться последнего тома
перед встречей с первым первым лицом,
единосущным третьему и второму?

*

Стихосложение невозможно.
Займемся стиховычитанием
и вычтем первую строку:

.....
И птицей жареной восстанем
из пепла. И кукареку.

*

19.00 — 20.00.
Таймер считает: час — год,
век — час. Чем острее боль,
тем быстрее пройдет,
потому что время — голый король.
Постыдился хотя бы своих седин!
23.59 — 0.00.
0.00. 0.01.

*

удобряю небо молитвами
удобряю землю могилами
и боями кровопролитными
с двойниками кувшиннорылыми
удобряю чужих песнями
а своих половинкой яблока
и за это двери отверзи ми
покаяния
я не я пока

*

Тексты на картонках подземных попрошаек
написаны одним почерком.
То ли они друг другу подражают,
то ли головы морочат нам,
заражая аутоэротической жалостью,
и, слезы лия луковые,
выводишь: ПОДАЙТЕ РУКУ, ПОЖАЛУЙСТА!
большими печатными буквами.

*

только у венер палеолита
ничего не может быть отбито

*

Поэзия — музей
закопанных богов,
слоновых их костей,
бараньих их рогов,
в которые дудю,
дудею и дужу,
когда молюсь дождю,
когда огню служу.

*

Пяти лет научилась плавать,
пяти с половиной встала на коньки,
еще не зная, что река — память,
забвение — замерзание реки,
и стала в том и другом асом,
и, право, игра стоила свеч:
могу переплыть Лету брассом,
на чешских фигурках Коцит пересечь.

*

Стихи на случай и стихи
на всякий случай, и на случай,
для всякой твари неминуемый,
и остальные пустяки:
молочный зубик в коробке,
поблекший локон в целлофане, —
в одном укроются кармане,
в одной раскроются руке.

*

Не оставляла пьяных лежать в сугробе —
поднимала или звонила 03,
чтобы Ты не оставил меня во гробе.
Поднимала и говорила: смотри,
я хорошая, я заслужила прощенье
за того блюющего песни козла
у пруда в прощенное воскресенье,
труп которого Анька наутро нашла.

*

Лечишь себя болезнью,
с ней беседуешь вслух,
чтобы стала телесней
душа и бездушней дух.
Поешь детские песни,
теща мнимых гостей.
Лечишь своей болезнью
нас, нерадивых детей,
мне, вечнозеленой,
приказывая: матерей!

именем закона
сохранения матерей.

*

Если так стыдно подавать,
насколько стыдней просить?
Если так трудно умирать,
насколько трудней воскресить?
Нищенка, от молитвы твоей
откупаюсь рублем.
Какая разница, что стыдней,
если обе умрем?

ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

Слово. Слово. Слово. Слово.
Слово в слово. Словом. К слову.
Слово за слово. За словом
слово. На слово. Ни слова.

*

Эгоизм —
попытка превратить
местоимение Я
в неологизм.
Коммунизм —
попытка превратить
местоимение Я
в анахронизм.
Идиотизм —
попытка совместить
эти попытки.
Кто попытается?
— Я.

*

Легкий улиткин храм
влажный волочит след
по голубым лопухам...
Вера — экзоскелет.

*

Капели ручкоплескания.
(Спектакль в детском саду.)
Весенняя тяжкая мания —
у марта на поводу
без цели бежать на улицу
(качели в чужом дворе),
от яркого света жмуриться
и кланяться детворе.

КАК МЫ ПРОВЕДЕМ
ЛЕТО В ДЕРЕВНЕ
(план)

Читать вслух.
Целоваться устно.
Считать лопух
мужем капусты.
Лежать под сенью лопуха.
Вопросом задаваться:
имеются ли у петуха
яйца?

СТАНСЫ ПОСТОМ

1

Завербована вербой
в соучастницы чуда,

потихоньку от неба
поцелую Иуду.

2

Скоро, добрые люди,
мы заплатим за праздник
соучастия в чуде
соучастием в казни.

3

Йог, юродивый, дервиш,
всем творящим товарищ,
с Богом в веришь — не веришь
не играй — проиграешь.

*

В юности любовь близорука.
В старости любовь дальнозорка.
В зрелости слепа как слепень.
*(«У слепней глаза занимают почти всю поверхность
головы, так что кажется, будто глаз нет совсем, отсю-
да и название этих насекомых». Детская энциклопедия)*
Девушка не видит старуху
в зеркале, не знает позора
длинную отбрасывать тень
на плетень. Где плетка, там сплетня.
Стихоплетка для флагелляций.
Стул у слухового окна
*(«Слух в кровле, слуховое окно, хотя тут нечего
слушать». Словарь Даля),*
за которым вьется трехлетний
ангел с «Кодаком» — папарацци.
Птичка, хочешь хлебушка? — На.

*

Песня летучей рыбы на суше —
мелкой плотвички, которую сушим
на веревке, рядом с плавками, чтобы
получилось что-то наподобие воблы,
но она ссыхается до полуисчезновения...
Кто не понял: это — определение
поэзии.

*

Детство:
— Мам, дашь поносить твой батник?
Юность:
— Пап, дашь поносить твой свитер?
Зрелость:
— Дочь, дашь поносить твои джинсы?
Старость:
— Смерть, дашь доносить эти обновки?

*

Сердце бьется об острые ребра храма.
Напрягает молитва парус лица.
Божья Мама, помилуй мою маму.
Сыне Божий, спаси моего отца.

Мама не нас растила — монокристаллы.
Папа — процент извлечения меди из руд.
А когда ни сил, ни работы не стало,
стала старость наградой за доблестный труд.

То кино — японское, про Нараяму, —
я не хочу смотреть его до конца!
Божья Мама, помилуй мою маму.
Сыне Божий, спаси моего отца.

*

спаси Бо
Спас ибо

ДВА КАНОНА

1

Репейник от рукавицы
отрываю другой рукавицей.
Мгновенье остановиться
не может. Но может продлиться.

2

Любовь — бесконечный канон.
Любой бесконечный канон
на деле, конечно, конечен.
В пределе, конечно же, вечен.

ВЕСЕННЯЯ КОЛЛЕКЦИЯ

- 1) Возле школы
два солдатики в камуфляже
сидя на корточках
большими топорами
рубят слежавшийся снег.
- 2) Велосипедист на снегу
похож на первую любовь
или на одноногого лыжника.
- 3) Божья коровка
на прошлогоднем окурке.

*

Чем угощаешь? Кормом для рыб,
разведенным мужским молоком.

Чем развлекаешь? Музыкой сфер
в исполнение летучих мышей.
Как провожаешь? По холодку,
заплативши таксисту вперед.
Как вспоминаешь? Так, будто я
умерла восемнадцать лет.

*

Ляжем в землю — станем земляками.
Канем в небо — станем двойниками.
Как узнаем, я ли, ты ли это? —
Как во сне — по липовым приметам.
Снился Моцарт с внешностью Н. К-ва.
Мы вдвоем в кафешке пили пиво.
Трогал под столом мои колени
и вдруг сказал:
— *Я тоже хотел бы стареть.*
— Почему тоже?!
но ответа не расслышала, потому что проснулась
в противоположном направлении.

*

Защищаешь меня грудью.
Прикрываю тебя со спины.
Дружно, как по команде,
переворачиваемся на другой бок.

*

Божья коровка,
лети на небеси,
хлеба насущного
нам принеси,
черного и белого.
Но избави нас от горелого.

Наташе Павловой
от Веры Десятовой
с любовью

VII
ИНТИМНЫЙ ДНЕВНИК
ОТЛИЧНИЦЫ

*Муза! Я помню сестер твоих, помню все девять
славных имен. Но смогу ли назвать, Мнемозина,
двадцать фамилий моих одноклассников, первый
«В»? И зажмурилась, с памятью в жмурки играя,
и догоняла, хватала в охапку, на ощупь
личность идентифицировала, и, со смехом:
Ружин! Корижский! Емелина! Филина! Штерен-
гариц! Сапунихина! Барина! После каждой
милой фамилии мне веселей становилось,
будто заложники у террористов отбиты,
будто ребенок украденный чудом найден:
Зайцева! Нинка Хаткова! Конунов! Красавин!
Рудик — сиречь Рудаков! Никого не забыла,
строю по росту — равняйся! смирно! направо! —
с левой ноги увожу со спортивной площадки,
долго — Луканина! долго — Левицкая! Тихо —
мирова! до поворота веду их глазами,
слезы глотая... Покойный Камовников Миша.
Двойрин. Орлов. Ермаков. Дубовицкий. Потатов.*

1-Й КЛАСС

Олег Ермаков написал: «Я ЯБЕТ ЮЛБЮЛ». И я ответила:
«И Я». Пускай решает сам, как я написала: как надо или
задом наперед.

*

Писали родину с заглавной,
писали Бога со строчной,
ведомы Ольгой Николавной
с Ириной Александровной.
Вотще мы Родине молились
и втуне получили пять.
Все правила переменились.
Бог знает, как теперь писать.

2-Й КЛАСС

вместо СОЮЗПЕЧАТЬ
прочитала СОЮЗПЕЧАЛЬ
и засмеялась
вместо ФОРМА ОПЛАТЫ ЛЮБАЯ
прочитала ФОРМА ОПЛАТЫ ЛЮБОВЬ
и прищурилась

*

У Конунова выпал зуб прямо на уроке, во время годовой контрольной по математике. Конунов завернул зуб в промокашку и подарил мне. На промокашке он написал: «Любовь до гроба».

*

Выпадаем из детства,
как молочные зубы
у доски, на контрольной,
за обедом в гостях,
а куда его деть-то? —
проглотить вместе с супом,
вместе с кровью, которой
пара ложек — пустяк.

*

У нас шайка. Название придумала я: «Шайка им. Тома Сойера». Шеф шайки Андрей Корижский, кличка Том Сойер. Правая рука шефа я, кличка Червонец. Левая рука шефа Олег Понфиленко, кличка Понфиль. Остальные рядовые. В шайке только мальчики, женщин мы не принимаем.

*

Боишься забыть — записывай.
Боишься записывать — помни.
Боишься помнить — записывай.
Записываю. Боюсь.

*

Вот что мы придумали: приделали к моей форточке колокольчик и провели от него леску к рябине. Члены шайки трясут рябину, я слышу звон, выпрыгиваю в окно, и мы идем на дело.

Но Барина с Зайцевой нас выследили. Они пытались залезть на рябину, чтобы сорвать леску. Куда там! Тогда они привязали к палке перочинный нож и перерезали леску. Мы натянули новую, но они снова явились со своей палкой и срезали колокольчик. Ну погодите! Мы уже сделали план местности и обозначили на нем путь Зайцевой и Бариновой в школу и из школы.

А лазить по деревьям совсем просто. Главное спрыгнуть раньше, чем упасть.

*

Солнце тучу то надевало, то снимало.
Я свитер то надевала, то снимала.
Он надевался то наизнанку, то налицо.

Он надвигался темною тучею на лицо,
и хотелось
долго-долго сидеть вот так, без лица.
И сиделось.

*

Андрей Корижский и Андрей Рудаков такие бабники! Они подошли ко мне на перемене и говорят в один голос:

— Вера! Мы с Андреем тебя любим!

Пришлось объявить им бойкот. Корижскому хоть бы что, а Рудаков решил повеситься. Он привязал веревку к рябине возле нашего подъезда, обмотал вокруг шеи и простоял так до вечера. Но я его не простила.

*

Лежу, просторна и дика,
а рядышком лежит река,
а на глазах лежит рука,
а по руке ползут облака.
Да будет так века — пока
не проголодаюсь.

3-Й КЛАСС

Детство, ты действо, где нет не заглавных ролей,
нет королей,
есть демократия трав, насекомых, зверья.
Пьеса — моя.
Певчий кузнечик, дурак, ты ползешь только вверх —
творческий грех!
Травы тебе соразмерны, а мачтовый ствол?
Ну-ка, пошел!

Певчих кузнечиков клирос на ветках сосны.
Плоть тишины —
их вдохновенно-тюремное «Динь-дили-динь» —
местный Аминь.

*

Мы с Понфилом пилили телефонный кабель, потому что у нас кончилась цветная проволока, чтобы плести ручки и браслеты. Понфиль работал ножовкой, а я стояла на шухере, прижимая ногой кабель. Понфиль допилит, взял меня за низ ноги и сказал: «Ножку!» Я хотела обидеться. Но когда я посмотрела на свою ногу в новом красном лакированном ботинке, я увидела, что Понфиль прав, моя нога — ножка.

*

если нога растет
старые туфли жмут
новые натирают
если душа растет
вспоминанья жмут
новости натирают

*

Иду из музыкалки, а Юрка крадется следом, прячась в тени домов. Стою на остановке. Юрка прячется в кустах. Подходит троллейбус, сажусь. А Юрка то высунется из-за кустов, то спрячется, то высунется, то спрячется. Троллейбус тронулся. Смотрю — Юрка бежит за троллейбусом по проезжей части! Целую остановку пробежал, не отстал. А когда троллейбус остановился, все равно в него не сел. Что ж, так и запишем: Юрка Бершидский за мной бегаёт.

*

Когда растешь телом,
все вокруг уменьшается,
когда растешь духом,
вместе с тобой растет
все. И то, что казалось
мелочью, детской шалостью,
давит большой жалостью,
тяжкой виной гнетет.

P.S. От жалости до шалости —
один Ш.
Дружочек мой, ну как же ты
смешно грустишь!

*

Мы играли на берегу. Из дома отдыха «Красный стан»
пришел дедушкин приятель, старый, лет сорока, и совершенно лысый. Он стал ко мне приставать: «Какая хорошая девочка!» И вдруг ни с того ни с сего поцеловал меня в щеку! Я бросилась к реке и умыла лицо. Баба Роза сказала: «Вера, как тебе не стыдно?» Мне??

*

В те времена деревья были выше,
и речка разливалась как река.
В войну играли грозы. Свысока
почти библейский дождь летел на крышу
палатки, из которой выбегал
отец в трусах и сапогах с лопатой,
при свете молний обводной канал
с ожесточением рыл, и, словно латы,
сверкали капли на его плечах.

В палатке при моргающих свечах
праматерь Роза карты раздавала.
Палатку, словно парус, раздувало,
ревела буря и камыш шумел,
мы засыпали...

*

Братец мой Сереженька очень развит для своих лет. Сегодня мы с Танькой заставляли его писать на крышечку от можайского молока с расстояния 1,5 м, и он попадал! А вчера он встал с горшка и говорит:

— Я накакал букву И!

Посмотрели — и правда: И.

Я его похвалила, а Танька сказала:

— Это каждый дурак сможет! Ты вот попробуй Ж накачай. Или Ц.

Серж обиделся и долго бил ее палкой.

*

Положена Солнцем на обе лопатки,
на обе босые чумазы пятки,
на обе напрягшиеся ягодицы,
на обе ладони, на обе страницы
тетради, восторг поражения для —
на оба твоих полушарья, Земля.

4-Й КЛАСС

В дневнике литературу мы сокращали лит-ра,
и нам не приходила в голову рифма пол-литра.
А математику мы сокращали мат-ка:
матка и matka, не сладко, не гадко — гладко.
И не знали мальчишки, выводившие лит-ра,
который из них загнется от лишнего литра.

И не знали девочки, выводившие мат-ка,
которой из них будет пропорота matka.

*

Филина с Емелиной строят из себя таких мальчишниц! Целыми уроками они гадают «на мальчика», на ЛУНУ и СОЛНЦЕ. ЛУНА значит: Л — любит, У — уважает, Н — ненавидит, А — Абажает (двоечник, наверное). СОЛНЦЕ значит: С — снишься, О — Обожает (а этот — отличник, если только он не обАжает), Л — любит, Н — ненавидит, Ц — целует (а то я не знаю, кто меня целует! — Никто меня не целует), Е.

Филина с Емелиной уже на всех мальчиков из нашего класса перегадали, и из параллельных, и из старших. Я тоже один раз погадала, для смеху. На Камошу. На ЛУНУ. Абажает. На СОЛНЦЕ не рискнула.

*

Солнце мне говорит:
— Какие у тебя густые ресницы!
Ветер мне говорит:
— Какие у тебя тонкие волосы!
Дождь мне говорит:
— Какие у тебя горячие щеки!
— Я люблю тебя. Это правда.
Кто это? Кто это говорит?

*

Прихожу на озеро, а там мама с папой купаются голышом. Папа стал выходить на берег, а мама как заорет: «Толя, что ты делаешь! Вера же смотрит!» И зачем так орать? Во-первых, я не смотрю. А во-вторых, что я, голых мужиков не видела? Видела: Давида в музее им. Пушкина. Правда, у него было отбито переднее место.

*

Аполлон с топором — это папа. Мой папа красивый.
И ложится костями сухостой перед папиной силой.
В два обхвата моих, а повален в крапиву, распилен,
отнесен на плече и расколот красивым и сильным.
Отче тридцатилетний, поджарый, пружинистый, летний!
Что история? В тусклую бронзу одетая сплетня.
Дровосек белозубый беззлобно ругает генсека.
Я похожа на папу, на бронзового дровосека
заостренностью черт и не женскою плеч широтою.
Я берусь за топор, выясняю, чего же я стою.
Разлетаются, пахнут арбузом хрустящие щепки...
Будем жить, Анатольевна!
Род наш не знатный, но цепкий.

5-Й КЛАСС

Здесь нет ничего теле-.
Я дальше, чем далеко —
на даче, на детских качелях.
О лето, тело и Ко,
о Ко облаков и бликов,
и курочек ряб, мастериц
вечерних насестов, залитых
желтком золотых яиц!..

*

Похоже, наших мальчишек очень волнует вопрос, кто в классе уже носит лифчик. Они проверяют это так: подкрадываются сзади, проводят ребром ладони между лопаток и убегают. Вчера Милехин «проверил» Богачеву (как будто ее второй номер не виден невооруженным глазом!). Богачева произвольно развернулась, и Милехин отлетел к стенке.

Так вот: сидим мы сегодня на классном часу, входит тетенька и говорит жалобным голосом:

— Кто здесь Богачева?

Светка встала, а тетенька продолжает, еще жалобней:

— Ты вчера стукнула Гришу Милехина, и у него сотрясение мозга!

*

Листья под березой...
Как будто мальчишки
сотням капустниц
оборвали крылья.

*

Сегодня я сделала ужасное открытие: левая грудь у меня растет, а правая нет. Решилась сказать об этом маме. Мама очень испугалась, и мы пошли в поликлинику к хирургу. Хирург, как назло, оказался мужчиной. Он велел раздеться до трусов и только потом спросил, в чем дело. Мама сказала, а он как захохочет! Вернее, он улыбнулся, а потом прочел лекцию о том, что организм развивается неравномерно и что живая природа не знает симметрии. И на прощание сказал: «Все будет хорошо, Амазонка!»

При чем тут Амазонка?

*

Видеть не могу, как глядят
на кусок, поднося ко рту,
примериваясь откусить...
Не смотри
на меня
так.

*

У меня уже растут, а у Таньки нет. И я, как и подобает любящей старшей сестре, все время над ней измываюсь. А именно: показываю их, когда мы переодеваем купальники, когда ложимся спать и вообще при всяком удобном случае. И спрашиваю: «Красиво?» Она отвечает: «Красиво». «Красиво?» «Красиво». «Красиво?» «Красиво». «Красиво?» И вдруг она ни с того ни с сего как завопит: «Не красиво!», заплакала и убежала.

Не правда, красиво. Даже баба Роза сказала, когда меня мыла: «Вера! У тебя красивая грудь!»

*

Голос бесплотный, прибывшая воздухом весть — «Голос Америки». Значит, Америка есть. Нежный нездешний акцент — основной аргумент вести небесной. А может, Америки нет? Глушат Америку, трактором страшным рыча. Я срисовала с газеты портрет богача: звездный цилиндр и круглый, как глобус, живот. Звать его Мистером. Он в небоскребе живет. Август. В районе Персея густой звездопад, краснознаменно озвученный хором цикад — вот колыбельная песня. Почти до утра ей подпевают надтреснутый голос костра и «Голос Америки».

6-Й КЛАСС

Все было цветным, кроме телевизора. Покупка «Рубина» совпала с концом детства.

Ох, ностальгия по юности, муза по вызову,
нести спасения от твоего фарисейства! —
От фотокарточных домиков для сгинувших,
от колыбельных маршей в раю черно-белом,
где ничего не стоит, на шею кинувшись,
аннигилировать с ангельским антителом.

*

Почему, когда я в ванной смотрю на себя в зеркало, мне так стыдно? Как будто я за кем-то подглядываю в замочную скважину. Разве это не мое тело? Почему я краснею, глядя на свою собственную грудь? А ниже живота и посмотреть боюсь? Мне эта комедия надоела, я взяла маленькое зеркало и смело все рассмотрела. Какое уродство!

*

Утенок был гадок и гадко-прегадко одет,
с худыми ногами и длинной тонкой косою.
Лишенный особых царевно-лебяжьих примет,
он громко, нахально, прилюдно гнушался собою.
Открылось утенку, что все поголовно скоты,
что радости нет и, наверное, больше не будет.
И страх темноты перевешивал страх высоты.
И больно чесались невылупившиеся груди.

*

Луканина заявила:

— Если он дотронется до моей руки, я умру!

И знаешь, кто этот счастливчик? — Штирлиц. Я хочу сказать, Тихонов.

Похоже, Лукашка обречена на бессмертие!

*

Я Вас люблю, Валерий Саблин,
мой политрук, Твой замполит.
От Ваших отвожу глаза — блин,
как под лопаткою болит! —
К дождю. Присяги не касаться.
Шмидт многодетен. Лгу и лгу —
при Вас! В семье не без красавца.
И пуля, как звезда во лбу.

*

Приснился такой страшный сон! Я стою на дне овра-
га, а наверху — как бы лебедь, сделанный из земли,
страшный, огромный. Он смотрит на меня, тянет шею,
нависает, вот-вот упадет. Но вот что самое страшное: я
почему-то знаю, что он — еще лебеденок.

*

Спала, а потом досыпала
песок в часы досыпала,
и столько его насыпала,
что доверху их засыпала,
и струйка в часах иссякала,
и сыпался на одеяло
песок, и часы засыпало,
и меня с головой засыпало...

*

Вчера вечером, как всегда, ходили по бетонному забору
вокруг школы. Прошли несколько кругов, если можно
так выразиться о квадратном заборе. Мама уже два раза

звала меня домой. И тут я упала. И как упала! Верхом на забор со всего размаху. В глазах потемнело, пошла кровь. «Ничего, до свадьбы заживет!» — сказала Зайцева. Она тоже так падала. И Сапунихина. До сих пор больно.

*

Боль, ты — единственное доказательство
того, что у меня есть тело.
И ты убедила меня.
Уймись же.
Все равно я никогда не поверю,
что, кроме тела,
у меня ничего нет.

*

Сегодня маме вздумалось лепить из глины. И знаешь что? — Меня. И знаешь как? — Голую.

Она усадила меня на диван, боком, ноги согнутые, и стала лепить барельеф. Было стыдно, холодно и одновременно тепло: снаружи холодно, а внутри тепло. Она работала пальцами и стеклом. Я чувствовала, как она прикасается к глине, как будто она дотрагивалась до меня: щекотно, но как-то грустно щекотно. Я ловила ее взгляд, чтобы понять, нравлюсь я ей или нет, и не могла понять. Но барельеф вышел очень красивый: все такое плавное, тонкое — загляденье! Неужели я такая?

*

Священный ужас, с которым в одиннадцать лет кричишь, глотая слезы: «Мама, ты дура!»,
потому что лучше нее никого нет,
а ее не будет. Все прочее — литература.

7-Й КЛАСС

Влюблялись друг в друга по кругу,
по росту, по списку в журнале,
отбив у подруги подругу,
доверие класса теряли,
кричали на пьяного папу
и хлебом кидались в столовой,
и только ленивый не лапал
под лестницей Нинку Хапкову.

*

На геометрии Филина и Емелина громко рассуждали, что у кого красивое в обратном смысле. У Зайцевой, заключили они, красивые рыбы глаза, у Володиной красивый нос пуговицей, а у Десятовой все красивое. Услышав это, Зайцева побагровела: «Да у Десятовой нос во-о-о!»

Неправда, не во, а 2 см. Мы с Наташей Котылевой измерили линейкой. У меня 2 см, у Наташи — 2 см 1 мм. Всю кожу под носом линейкой исцарапали. Но так как результаты все время получались разные, мы решили воспользоваться штангенциркулем. Так что это самые точные данные.

Кстати, вот и другие мои габариты: рост — 162, вес — 42, как выяснилось в поликлинике на диспансеризации; полуобхват талии (ПТ) — 29, полуобхват бедер (ПБ) — 39, как выяснилось на труде, когда мы шили ночную рубашку.

*

На сон грядущий подружке
песенку я спою:

на солнышке на раскладушке
ангелы спят в раю.
Они бы и рады в тенечке,
но там повсеместно свет.
Они бы радехоньки — ночью,
да только ее там нет.
А здесь темноты сколько хочешь —
ложишься во тьме и встаешь...
Ну что же ты не подходишь
к телефону — опять ревешь?

*

Мама отвела меня в парикмахерскую «Салон». Косу отрезали одним движением ножниц: чик — и готово. Вместе с лентой. Теперь она лежит в целлофановом пакете, лохматая, страшная, чужая. И я в зеркале — чужая. Но уложенная и красивая. В классе все решили стричься под меня. В музыкалке Поль Миронович погладил меня по волосам и сказал: «Как шелк!» А Клепов сказал: «Совсем другой человек!», увязался меня провожать и в темном переулке («Верочка, ты упадешь!») даже попытался схватить под руку! Еле-еле от него отделалась.

*

Трехголосная fuga: коса.
Волос долог. Арс лонга. А вита?
О, как туго плету голоса!
Расплету — будут мелко завиты.
Расплету, распушу по плечам,
простынею спеленута косо,
парикмахерам-палачам
отдавая девичьи косы.

*

Поздно вечером шла из музыкалки по глухому переулку: справа забор детского сада, слева кусты. И вот из этих кустов вылезает мужик, черный, безобразный, идет на меня и рычит: «Не чешется?» Я бежать, он за мной. Бегу и не знаю: это мое сердце стучит или его копыта? Гнался до самого крыльца, но не догнал. Слава богу и Серафиме Дмитриевне, я бегаю лучше всех в классе. А тут, наверно, вообще побила все мировые рекорды.

Больше я по этому переулку не хожу. Хожу в обход, где светлее. Но все равно страшно. Приходится для храбрости громко петь строевые песни. Так что полдороги я иду, печатая шаг, но потом все равно не выдерживаю и срываюсь на бег.

*

Приап приходит раньше, чем Эрот.
Войдет в вагон. Ширинку расстегнет.
Достанет. Поиграет. Уберет.
Кругом народ. Но это не спасет.
Глухая духота. Горючий пот.
Не глядя. Глаз не отрывая от.
Девичество. Четырнадцатый год.
Лица не помню. Только черный рот.

*

У меня начались. И не кончаются уже целую неделю. Ужас! На физ-ре сижу на скамейке освобожденных. «Мне нельзя». Серафима косится с недоверием. Камоша ухмыляется. Вчера не выдержала, разревелась: «Это никогда не кончится!» «Кончится», — сказала мама. Могла бы, между прочим, и по головке погладить!

Но самое ужасное — выбрасывать прокладки. Помойное ведро на кухне. Но путь к нему вечно преграждает папаша: сидит, курит, часами не сдвинется с места! А пронести мимо него прокладку, даже завернутую в газету, выше моих сил. И потом: папа будет выносить ведро, увидит... Стала прятать их в старый портфель, чтобы потом потихоньку выбросить. За неделю портфель почти наполнился. А сегодня смотрю — он пустой! Кто это сделал? Мама? Бабушка? Папа??

*

Задали на дом задачу,
а задачника нет:
сочиняй наудачу
и вопрос, и ответ.
Прямо как в анекдоте
про сумасшедший дом:
если вы доплывете,
мы вам воду нальем.

8-Й КЛАСС

Через А пиши ЧА-ЩА.
Скрябин умер от прыща.
Через И пиши ЖИ-ШИ.
Не чеши свои прыщиши.

*

Когда мы с Рагуськой ехали из музыкалки и в ожидании троллейбуса кувыркались на перилах остановки, к нам подошла незнакомая старушка и без всяких предисловий рассказала вот что: «Я тоже занималась спортом. Брусья-

ми. В 1942 году я собралась замуж. И вот мы легли в постель — и ничего не получилось: у меня патология, надо делать операцию. А ему надо ехать в командировку. И он сказал: без меня на операцию не ходи. И уехал. А я пошла на тренировку и сделала неудачный соскок. Она и лопнула. Тренер меня поднял — полная ладонь крови. Я ему говорю: дайте мне справку, как это случилось, — для жениха. И знаете, чем это кончилось? Я вышла замуж за другого!»

*

Четки из молочных зубов —
помолиться о стариках.
Страху не осилить любовь.
Но любви осилить ли страх
за беззубых?
Выпал в саду
и дремучим страхом пророс...
Я беде навстречу иду.
Я не знаю, хватит ли слез.

*

Танька Куинджи дала мне почитать книжку «Японская классическая проза», и я за три дня прочитала ее всю, до последнего слова (и последнее слово тоже). Даже примечания. В примечаниях было подчеркнуто карандашом одно место. Вот это место: «Девы-небожители перед кончиной якобы проходят пять стадий («пять увяданий»), каждая из которых, как предвестник грядущей смерти, постепенно изменяет их облик. Сперва становятся грязными их одежды, затем увядают цветы в венке, украшающем голову, из-под мышек начинает струиться пот, тело

испускает зловоние, и, наконец, наступает смерть». Интересно, кто это подчеркнул? И зачем?

Но все равно моей самой любимой книгой всех времен и народов остается «Дневник» Анны Франк.

*

Вместо ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ на панихиде
ДЕВИЧЬЯ ПАМЯТЬ пойте и вопиите.
ДЕВИЧЬЯ ПАМЯТЬ — и напрочь грехи забыты,
бесы повержены, страшные двери закрыты,
белые лепестки устилают паперть...
О, сотвори, сотвори мне девичью память!

*

Перед экзаменом все дико тряслись. Кто-то вспомнил примету: надо друг друга ругать. Я сказала Ване:

— Ваня, обругай меня, пожалуйста!

И он мне такое сказал, что мне ничего не оставалось, кроме как вклепить ему оглушительную пощечину. У него даже слезы покатились. Но он их вытер, пожал мне руку и сказал:

— Молодец, Червонец! Теперь я тебя еще больше уважаю!

*

Свежесломанный голос,
словно вешняя ветка,
источающий сок...
Честно с фальшью боролась,
но срастаются редко
голос и голосок —
редко, больно и долго.

Аппарат не отлажен —
трижды дашь петуха,
воя раненым волком...
Что ж! В подростковой лаже
нет большого греха.

9-Й КЛАСС

и божеймой
и ятебялюблю
сжимать губами
как портной булавки
ныряльщик трубку
а ворона сыр

*

Вчера я была влюблена в Рудакова, сегодня я влюблена в Камовникова. Интересно: я полюбила Камовникова потому, что разлюбила Рудакова, или разлюбила Рудакова потому, что полюбила Камовникова? Сколько себя помню, я все время влюблена, без просвета. Как хорошо сказал Блок: «Только влюбленный достоин звания человека!» Это он о нас, о пятнадцатилетних. Хотя, если верить «Школьному этимологическому словарю», пятнадцатилетний — не человек. Там написано: «ЧЕЛОВЕК буквально — «Член рода или семьи, исполненный силы, совершеннолетний». Червонец, ты не человек! Ты — народ, потому что для этого достаточно народиться. А слово «ребенок» происходит от слова «раб». Как же стать из раба человеком — влюбиться? Допустим. Но вот Адам. Он не был ребенком, сразу человеком, а влюбился, и его выгнали из рая. (Так меня физик выгоняет из класса за то, что я знаю физику лучше, чем он.) Представляешь, как было трудно Адаму и Еве воспитывать своих детей —

они же понятия не имели, что такое детство! А дети понятия не имели, что такое рай.

Тут я почувствовала себя такой умной, что решила повоспитывать младшего братика и прочла ему эту записку. Серж глубоко задумался, а потом сказал:

— Есть еще одно существо, которое никогда не было ребенком. Это чудовище Франкенштейна. Хотя... — Он задумался еще глубже. — Нет. Оно было ребенком. Ведь все его части когда-то были детьми.

*

У первых людей не было матери.
У последних людей не будет отца.
Адам, каково это — жить без матери?
Дочь моя, каково — без отца?
Робинзонада райского острова...
Отсюда большая земля не видна.
Зачем же в глотке наслаждения острого
волною морскою горчит вина?

*

А папаша-то поэт! Правда, он сочинил всего одно стихотворение, зато повторяет его каждый день. Вот оно:

После десяти
Домой не приходи!

Для большей выразительности декламация завершается шлепком по заднице (или это — аплодисменты?). Сегодня он немножко не рассчитал силу. Я пошла в ванную, смотрю — папина пятерня на всю попу, вернее, по меткому выражению Сержа, одну попоविно. Каждый пальчик виден. Ох уж мне эти вологодские нравы! Боюсь, я замуж выйду, а он будет продолжать меня шлепать!

*

Суну руки в карманы брюк,
чтобы чувствовать твердость бедер,
и нарочно сделаю крюк,
чтоб подольше ладонями рук
ощущать принадлежность к породе
прямоходящих. Прямо хожу,
центр тяжести перемещая
с дивной легкостью, на ходу
все написанное на роду
ощущая.

*

Мыли парты в кабинете физики. Ну и начиталась же я!
Самое интересное: чем грязнее слово, тем труднее его
смыть. Трешь, трешь, уже всю краску сотрешь, до дере-
вяшки, а «слову» хоть бы хны. Только из синего стано-
вится фиолетовым, как татуировка. А пальцы от хлорки
становятся бледными, сморщенными, как у старухи, и
ужасно невкусными.

*

Аве тебе, матерок,
легкий, как ветерок,
как латынь прелата,
налитой и крылатый,
как mots парижских заплатки
на русском аристократки,
как чистой ночнушки хруст —
матерок из девичьих уст...

10-Й КЛАСС

Я уже совсем большая,
мне уже совсем все можно:
посещать любые фильмы,
покупать любые вина
и вступать в любые браки,
и влезать в любые драки,
и за все перед народом
уголовно отвечать.
Пожалейте меня, люди, —
не управиться с правами!
Пожалейте меня, люди,
запретите что-нибудь!

*

Она мечтает стать женой гения и поэтому влюбляется во всяких идиотов. Она танцует, только когда никого нет дома, а если ей хочется петь, она включает пылесос, чтобы не слышать своего голоса. Она ходит в очень коротких юбках потому, что ей кажется, что у нее ужасные ноги. Еще ей кажется, что все смеются ей в спину, поэтому она два раза ходила в школу в картонной маске свиньи. Она не может просто идти по улице — сразу припускает бегом. Она взбегают по лестницам через две ступеньки, а когда спускается, всегда падает, не было еще случая, чтобы не упала. Она боится контролеров и поэтому в метро вместо проездного показывает эскимо на палочке, половинку эскимо на палочке и даже просто — палочку, но ее еще ни разу не остановили. Она вслух разговаривает сама с собой в общественном транспорте, а в магазине не может выговорить «Вы забыли дать мне сдачу». Она так обкусывает кожу вокруг пальцев, что потом несколько дней больно играть на пианино. Ты, конечно, уже догадалась, о ком я?

*

Господи, дай списать,
якоже я давала
всем, даже нахалу
Камоше!.. «Десятова, пять!» —
скажет Марьпетра, журнал
захлопывая со злобой,
прекрасно зная (еще бы!),
кто у кого списал.

*

Поль Миронович уехал в Америку. Навсегда. Попрощались у зоопарка. Шел дождь. Поль Миронович взял меня двумя руками за капюшон, посмотрел прямо в зрачки долгим, каким-то нечеловеческим взглядом, а потом притянул к себе и прижался сжатыми губами к моим, тоже сжатым, да так крепко, что зубам стало больно. Оттолкнул и бросился бежать. Больше я его не видела. Больше я его не увижу.

*

По-моему, ты умер. Но мне никто не ответит,
какого числа я осталась одна на свете.
Не упадет с ресниц надлежащая влага
на тело твое, укрытое звездным флагом,
учитель печали и музыки! Ты меня бросил
на Пресне, весной — моей, твоей — осенью.
Я не вскрывала шестнадцатилетние вены,
покуда бродил ты транзитом по улочкам Вены,
первый учитель, поцеловавший в губы!
Ты уже прибыл, я тоже иду на убыль.
Мы допоем встречу, которой не было,
там, по ту сторону звездного неба.

ВЫПУСКНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ

Смерть — знак равенства — я минус любовь.
Я — знак равенства — смерть плюс любовь.
Любовь — знак равенства — я минус смерть.
Марья Петровна, правильно?
Можно стереть?

*

«Здравствуйте, дорогой Поль Миронович! Ваше письмо не получила, поэтому спешу отправить ответ. Разница между нами во времени составляет теперь не 32 года, а всего лишь 8 часов, и это оправдывает фамильярность моего тона. У меня сейчас утро, у вас — ночь, и я хочу рассказать вам сказочку на ночь под названием «Спящая красавица»: Жила-спала красавица, стеклянный гроб и все дела. И увидел ее престарелый принц. Поцеловал и убежал, испугался. Она просыпается — никого, лес дремучий. И пошла она его искать. А какой он, не помнит. Только — вкус поцелуя. Стало быть, для опознания надо целоваться. И вот она искала-целовала, искала-целовала... Боюсь, что моя сказочка вас уже усыпила. До свиданья, дорогой Поль Миронович. Ваша Вера Десятова. Главпочтамт».

*Мы выросли наперегонки.
Мы на время бегали по кругу.
Мальчик, инуровавший мне коньки
(переделай, это слишком туго!),
первым откатал свои круги.
Врали про плеврит. Нет, политура.
...и так накатаешься,
что, придя, не можешь снять коньки —
сядешь на пол и сидишь, как дура.*

СЛОВАРЬ ИМЕН, ПОНЯТИЙ И СОКРАЩЕНИЙ

Абевега — «алфавит, буква, азбука» (*словарь Даля*).

Агиография — житийная литература.

Анька, Аня — Родионова А.С., рус. сов. киноактриса и драматург.

Белокрылая морская свинья — вид дельфина.

Бешеный огурец обыкновенный — *Ecballium elaterium*, дикорастущее растение семейства тыквенных.

Боб — Никольский Б.Ф., дядя Павловой В.А., умеющий ловить летучих мышей.

Б/у — бывший в употреблении.

Вульф Евпраксия — «Кстати о талии: на днях я мерялся поясом с Евпраксией, и тальи наши нашлись одинаковы. След. из двух одно: или я имею талью 15-летней девушки, или она талью 25-летнего мужчины». (*Из письма Пушкина А.С. Пушкину Л.С., ноябрь 1824 г.*)

Глен Гульд — Glenn Gould (1932—82), канад. пианист, органист, композитор.

Десятова — девичья фамилия Павловой В.А. Ба! Да ведь ДЕСЯТОВА — анаграмма слова ДЕТСТВО! Правда, с двумя лишними буквами — А и Я.

ДЗОТ — долговременная земляная огневая точка.

ДНК — дезоксирибонуклеиновая кислота.

Дуганов — Дуганов Р.В., рус. сов. литературовед.

Ельцин — Ельцин Б.Н., первый президент РФ.

Желябово — поселок в Вологодской обл., родина Десятова А.М. (*см. Матвейч*).

Измайлово — район Москвы, в котором прошла вся жизнь Павловой В.А.

Камоша — Камовников Миша, мальчик, шнуровавший мне коньки.

Канон — муз. полифонич. форма, основанная на технике последовательно проводимой имитации, при к-рой мелодия в каждом имитирующем голосе вступает до того, как она закончилась в др. голосе. Разновидность К. — бесконечный К., возвращающийся к своему началу.

КДС — коклюш, дифтерит, скарлатина.

Китоврас — персонаж визант. и др.-русск. лит-ры, получеловек-полуконь.

КПЗ — камера предварительного заключения.

Криптомнезия — «скрытое воспоминание» (*греч.*).

Марьпетра — Мария Петровна, учительница математики Павловой В.А.

Матвейч — Десятов А.М., доктор технических наук, отец Павловой В.А.

Палы-выры — от палочки-выручалочки. Так надо говорить во время игры в прятки, когда кого-нибудь застукаешь.

Поздняев — Поздняев М.К., рус. сов. поэт, журналист, муж Павловой В.А.

Поль Миронович — Двойрин П.М., рус. сов. композитор. В конце 70-х годов эмигрировал в США.

ПСС — полное собрание сочинений.

Саблин Валерий — капитан ВМФ, расстрелянный за антикоммунистический мятеж, поднятый на боевом корабле в брежневскую эпоху.

Сереза — Десятов С.А., архитектор и дизайнер, брат Павловой В.А.

Сорос — Soros George, амер. бизнесмен, миллиардер, меценат.

Тенор-альтино — мужской альтовый голос.

Фермата (*итал.* fermata — *остановка*) — увеличение длительности звуков или пауз, не входящее в метрический счет. Обозначается так: (ЗНАЧОК)

ХТК — «Хорошо темперированный клавир» Баха.

Чешские фигурки — коньки для фигурного катания фирмы «Botas» (*Чехия*).

Экзоскелет — внешний скелет у беспозвоночных: кораллов, моллюсков, членистоногих (ракообразных, паукообразных и насекомых). Э. защищает организм от внешних воздействий и служит опорой телу. Недостатками Э. являются громоздкость и жесткость, ограничивающая рост тела хозяина и вызывающая необходимость линьки, во время которой старый э. сбрасывается, а под ним открывается новый, мягкий и растяжимый, что позволяет животному быстро расти, но делает его легкой добычей хищников. Кроме того, построение нового Э. требует очень много энергии. Всех этих недостатков лишен внутренний скелет — эндоскелет... (*Откуда это? См. криптомнезия*).

ВЕЗДЕСЬ

I
В Е З Д Е

*

Женскую долю воспой, тонконогая девочка, муза.
Я же в ответ воспою вечное девство твоё.

*

Я родилась.
Акушерка сказала:
— Девочка!
Я умру.
Акушерка скажет:
— Старуха!
Первое слово дороже второго.
— Девочка! —
Сказала акушерка
и добавила:
И такая хорошая!

*

Не обсохло на губах у Бога
Богородицыно молоко.

Огненная млечная дорога,
о, как ты уведишь далеко! —
В то моё двенадцатое лето
на краю вселенной и земли.
...называла звёзды Альфа, Бета,
списывала в столбик возраст света,
добавляла от себя ноли.

*

Курс органической химии от простого к сложному.
Курс неорганической химии от сложного к простому.
Курс покупки. Курс продажи. Плюс госпошлина —
процент, взимаемый с нестерпимой предсмертной истомы.
И — разложение по полочкам таблицы Менделеева.
Как я любила в детстве слова *дейтерий*, *третий*,
из пластилина лепила атомы, свято верила,
что электрон — это крохотный шарик, снующий
по круговой орбите.

*

Мокрой тряпкой с доски стереть
солнце, домик, забор, мирозданье.
На сегодня задана смерть.
Кто готов? Кто сделал задание?
Не хочу. Не могу. Не пойду.
Серый мел по щекам размазан.
В Гефсиманском детском саду
тихий час. Не уснувший наказан.

*

Всё так сложносочинённо.
Всё так сложноподчинённо.

Всё так сложнобессоюзно.
Всё так просто.
Всё так грустно.

*

Три учителя музыки у меня было:
первый эмигрировал (прилагается план виллы),
второй сел, будучи педиком и педофилом,
третьего заседание кафедры свело в могилу.
Три предмета с ними я проходила:
сиротство, непримиримость, бессилие (зачёркнуто)
композицию, сольфеджио, анализ.
Знание — сила.

*

В школе в учителей влюблялась.
В институте учителей хоронила.
Вот и вся разница
между средним и высшим образованием.

*

Учитель, неживой, полуистлевший,
зовёт к доске — не школьной, гробовой.
Смотрю ему в глазницы... Это ж пеша!
С последней парты раздаётся вой,
но что мне до него — пою как птичка
произведения Пахмутовой.
Какое счастье! — Пеша. Не химичка.
Не физкультурник, грубый, злой, тупой.

*

В юности сам не знаешь, над чем смеёшься.
В старости сам не знаешь, о чём плачешь.
В зрелости — знаешь. И почти не смеёшься.
И почти не плачешь. Почти не плачешь.
Над чем смеёшься? Над тем, который смеялся.
О чём плачешь? О том, который оплачет
того, кто без всякой причины до рвоты смеялся,
того, кто почти не плачет. Не плачет. Не плачет.

*

девочка больше женщина чем старуха
женщина больше старуха чем девочка
старуха больше девочка чем женщина
девушка их неустойчивое равновесие

*

Открыв, не закрывает.
Выдвинув, не задвигает.
Уронив, не поднимает.
Включив, не выключает.
Спит, укрывшись с головой.

*

Думала, ударяется *плёва*,
и рифмовала с *клёво*.
Оказалось, надо ударять
плё ва и с *плевать* рифмовать.

*

...поплевав на ладони по-плотницы,
избегая в любви сухомятки,

полагая конец бесплотности
и лишая загадку разгадки —
да была ли она, разгадка-то?
Пробивается пух лебяжий
под крылом лебедёнка гадкого.
Лебедь будет ещё гаже.

*

Причалил к безлюдному берегу.
Ножом открывал мидию.
Открыл меня, как Америку,
считая, что прибыл в Индию,
что тут Камасутра сторукая,
ночное домашнее видео...
И с плохо скрываемой скукою
из мидии ножик выдернул.

*

Была невинна, стала кругом виновата
в одну минуту, даже ещё быстрее.
Но — в чём? Мы не разбудили моего спящего
на соседней кровати младшего брата,
и папа, уходя на работу, не заметил в прихожей ботинки
Андрея,
и мама, вернувшись с работы, не удивилась,
почему я сама простыню постирала,
с которой так и не отстирались проклятые пятна.
— Надо было холодной водой, — и больше ничего не сказала.
Кругом виновата. По уши. Безвозвратно.

*

Даже паденье молочного зуба
кровопролитнее грехопаденья.

Даже из пальца, порезав осокой,
высосешь больше. Пятно — с две копейки.
Что же ты машешь запятнанной тряпкой,
носишься с нею, как с флагом японским, —
разве так трудно досталась победа?
Разве ты больше меня не боишься?

*

Вот он, мой первый мужчина,
растерянный, обнажённый,
сделанный богом из глины,
из глины необожжённой.
Не бог мужчин обжигает —
мужчин обжигают жены,
а бог, он жёнам мешает —
мужчина необожжённый
угодней богу. Но жёны
огонь в печи разжигают,
суют мужчин обнажённых
в печь и дотла обжигают.

*

Первопроходец, воткнувший в меня свой флаг
(в трёх местах окровавленная простыня),
чем ты гордился, двадцатилетний дурак?
Знал бы ты, сколько раз открывали меня
после! (Флагов — что твой олимпийский парад...)
Прости. На то и любовь, чтоб не помнить зла.
Невинен опыт. И необитаем ад:
вулканы, гейзеры, лава, огонь, зола.

*

плакали и косу расплетали
из косыньки осы вылетали
обладательницы гибких талий
из чёренькой пчёлы вылетали
вы ле та ли та ли у ле та ли
расплели и с плачем расчесали
заря просыпается красна ли
невеста красавица честна ли

*

Как ухитрится молодость всё делать старым! —
За день снашивать туфли, рвать колготки,
не надев их ни разу, проливать на рукопись кофе,
не звонить матери, выходить за любовников замуж...

*

Невестой.
Подружкой невесты.
Свадебной генеральшей.
Что дальше?

*

Ева была влюблена
в Создателя, а не в Адама.
Вот в чём её драма.
Вот в чём её вина.

*

Вьёшь из меня верёвки,
вяжешь удавки из них.
Фу, какая дешёвка!

Ключья верёвок гнилых
на шее. Полуживы,
а прожили — четверть? Треть?
Тяну из тебя жилы —
отличная выйдет плоть.

*

пупок на пупок
ты не одинок
око за око
ты одинока

*

Ангел отличается от человека
отсутствием родинок, шерсти, пупка.
Разве он может понять человека,
разбившего бутылочку сцеженного молока,
а больше нечем кормить человека,
который криком надрывает пупок,
приводя этим в бешенство человека,
который, став отцом, стать папой почему-то не смог.

*

Кто засыпает в хлеву?
Кого нянчит звезда?
Тот, кто пасёт наяву
ангельские стада.
Кто, постоялец волов,
чмокая, грудь сосёт?
Тот, кто пасёт пастухов.
Тот, кто звёзды пасёт.

Кто не спускает глаз
с ласковой морды осла?
Тот, кто от смерти спас
Ту, что Его родила.

МОЛЕНИЕ О РАЗВЯЗАВШЕМ

Господи, пронеси
мимо чашу сию!
Накося, закуси.
Дай-ка, себе налью.
Дай-ка, твою допью.
Вскую?..
Свершилось.
Спать.
Ныне же будешь в раю.
— Хватит рыдать, твою мать!

*

Он превращает воду в вино.
Она вино превращает в воду,
чтобы он не надрался. Оно
превращается, но через пень-колоду,
скорей ему подчиняясь, чем ей.
Посмотрел бы ты на себя, человече!
Она всё трезвее. Он всё хмельней.
Оно всё крепче.

*

Что пройдёт, то будет мыло —
мексиканский сериал.
Знаешь, я уже забыла,
как меня ты убивал.

Или я тебя — не помнишь? —
кто кого, разбив кулак,
по лицу, вот так, наотмашь,
и ногами — так! так! так!

*

Надрезал вены. Брызгал кровью.
Прикладывал мои прокладки.
Просил прощенья. Звал любовью
простые страсти спортплощадки —
и добивался результата.
Сильнее. Дальше. Дольше. Выше.
И только судьи виноваты,
что ничего у нас не вышло.

*

Её походка странно неуверенна.
Её движенья осторожны странно.
Она ещё не знает, что беременна.
Оно ещё не знает, что желанно.
Они ещё не знают, что не встретятся,
что не ко времени, что не по средствам,
что в гинекологическое зеркальце
ему придётся скоро посмотреться.

*

не воплотившись
словом остался
сын
недородившись
смертию смерть
попрал

не задышавший
спит у меня
во сне
груди не знавший
грудь изнутри
сосёт

*

Три
горя,
три огнедышащих горя.
Первое горе
сожгло волоски на лоне,
второе сожгло волосы,
третье — ресницы.
И лоно закрылось.
И слёзы, вскипев, пересохли.
И все с облегченьем вздохнули:
доказано —
ведьма.

*

поспи со мной =
пободраствуйте со мной
но спали
но оделся и ушёл

*

Ахать и охать
на пахоте похоти,
младость угрохать
на радости походя,

чтобы опомниться,
в зеркало глядя,
шлюхой-надомницей,
скупщицей краденого...

*

С педофилом в кустах сюсюкала,
с фетишистом мылась в чулках,
лесбиянка меня баюкала
на своих волосатых руках,
с педерастом постриглась наголо,
мазохиста секла до крови,
с импотентом в обнимку плакала
по любви, по любви, по любви.

*

Э. говорил, что не любит.
Но любил.
Ю. говорил, что любит.
Но не любил.
Оба мне изменяли.
Я говорила *люблю* обоим.
Но никого не любила.

*

Дневник отвечает на вопрос *где*.
Стишок отвечает на вопрос *куда*.
Письмо отвечает на вопрос *кому*.
Я стишку, дневнику, письму
отвечаю: *да*. Когда? — Всегда,
в радости и в беде.

*

Замужняя дама, ведя дневник, не может не лгать.
Влюблённая дева, ведя дневник, не может не лгать.
Кто же может? — Блядь, кормящая мать,
одинокая старуха, если бы не ослепла и могла писать.

*

обдираю пятки — больно ходить
обгрызаю пальцы — больно писать
кусаю губы — больно любить
срываю голос — больно дышать

*

Слово, единственное, как электронный адрес:
ошибся буквой — не дождёшься письма.
Всё прочее — литература: игра в «Тетрис»,
ловкость сердца, бодибилдинг ума.

*

Звук опаздывает.
Свет опаздывает.
Лишь вездесущий точен.
Поэтому точность — дерзость.

*

На четвереньках четверостишья
ползти к подъезду, кланя грязизищу,
как пьяный папа 8 марта...
Совсем не нужно. Но очень надо.
Как годовалый с кровати на пол.
Как богомолец. Как пьяный папа.

Как дева раком исчадью ада.
Совсем не нужно. Но надо. Надо.

*

Живорождённые нежны
и ничего не могут сами...
А сильные стихи страшны,
как новорожденный с зубами.

*

Рождённое мёртвым гораздо мертвей
того, что плакало и дышало
хотя бы минуту. Строка, успе
выдохнуть: *Смерть, где твоё жало?* —
и та замешкается, жужжа,
давая время расправить крылья
тому, что мы называем «душа»,
тому, что луч называет пылью.

*

Контрольно стреляю глазками —
и с вешалки падают пóльта.
Страдаю по Станиславскому.
Радуюсь по Мейерхольду.
Разве может быть высказано
в отечестве сладкого дыма,
как простота изысканна,
как нежность непобедима!

*

Покамест мои строки
обеспечены красотой,

они — строки — не строги.
Мужик, не стой под строкой!
Когда же уйдёт, не прощаясь,
укрыв меня паранджой,
в них — ни в одной — не раскаюсь.
Господь, не стой над душой.

*

Да святится имя Твое.
Да приидет отчество Твое.
Господи, да что же это я?
Да будет воля твоя.

*

защити моих защитников
от обидчиков моих
защити моих обидчиков
от обидчиков моих
защити моих обидчиков
от защитников моих
защити моих защитников
от защитников моих
ибо они беззащитны
как мы с Тобой

*

о здравии тех
кто со мной не здоровается
о спасении тех
кто меня соблазняет

чтоб с чистой совестью
с ними здороваться
чтоб с лёгким сердцем
им уступать

*

Падалица. Падаль.
Каша-размазня.
Может быть, не надо
воскрешать меня?
Кой-кого просила,
что греха таить,
чтобы дал мне силы
больше не просить,
но просила больше:
Дай быть собой.
Но вскрикивала: *Боже!*
вместо *нет* и *ой*.

*

Этот крест мне велик:
слишком длинны рукава,
слишком высок воротник,
правда слишком права.
Ради цветистых осанн
чувство рассудку лжёт.
Уксус течёт по усам,
не попадая в рот, —
слишком длинно копьё,
жажда слишком сильна.
Отче, сомненье моё
дай мне выпеть до дна!

*

Стоматология без боли.
Шампунь без слёз.
Покой без воли.
Земля без нас.
Любовь без блядства.
Познание без святотатства.

*

под взглядом слепца
устыдилась своей красоты
под взглядом глухого
руладою поперхнулась
под взглядом глупца
испугалась своей правоты
под взглядом спящего
вздрагнула и проснулась

*

против течения крови
страсть на нерест идёт
против течения речи
слово ломает весло
против течения мысли
снов паруса скользят
я плыву по-собачьи
против течения слёз

СЕКСТИНА

Ты пламя, порождающее влагу,
Ты влага, разжигающая пламя,

Ты тяжесть, возносящая на небо
Сочувствием сочащееся тело,
Душа, пульсирующая под кожей,
И кожа, осязающая душу.

Что выбираешь — кожу или душу,
И что вбираешь — душу или влагу,
Круговращающуюся под кожей,
Пресуществляемую сердцем в пламя,
Которое одушевляет тело
И озаряет утреннее небо?

Ты знаешь, как я знаю это небо,
Сперва удочеряющее душу,
Потом усыновляющее тело, —
Увы, не выпаришь густую влагу,
Увы, подземное сырое пламя
Полакомится лягушачьей кожей!

Под кожей век, полупрозрачной кожей,
Мой планетарий — маленькое небо:
Желаний звездопад, сверхновых пламя,
Лактация галактики, чью душу —
Скорей молозиво, чем млеко, — влагу
Живительную впитывает тело.

Небесным станет ли земное тело,
И если станет, что же станет с кожей,
С мурашками и родинками, влагу,
Как пашня дождь, захлёбываясь, небо
Всосёт ли, две души в едину душу
Сплотит ли, сплавит ли тугое пламя?

Начало мира — брызнувшее пламя,
Его конец — пылающее тело,
Как глину, обжигающее душу
В залог того, что небо станет кожей,

Что нежностью измученное небо
Прольёт на землю огненную влагу.

Живая влага, медленное пламя,
Родное тело, мыслящее кожей
О небе, оплодотворившем душу.

*

Пуп —
шрам.

*

бли-
зо-
рук
зве-
здо-
чёт
ро-
ди-
нок

*

Любовь! Внутривенно, подкожно,
в пылу азарта спортивного,
догадку, что жить невозможно,
доказывай от противного!

*

днём
изнанку
неба
ночью

его
лицо
вечером
землю
в профиль
утром
затылок
твой

*

Доверие: вера до веры,
до слов, до обетов, до клятв,
до розовых рук лицемера,
творящего мёртвый обряд.
Доверие: ветхие двери,
чесночная честность ночей
и дева, поющая зверю,
и зверь на коленях пред ней.

*

Что испытаю, отселяясь отсель,
сама себе визави? —
Нежность, с которой застилаю постель
после ночи любви,
с которой волосы и волосы
отряхиваю с простыни,
с которой в конце последней строки
меня помяни.

*

Бабушка — 35-й.
Мама — 35-й.

Я — 35-й.
Наташа — 39-й.
Лиза — 39-й.
Кажется, я завершаю
эпоху маленьких ножек.

*

маленькое очарует
мелкое разочарует
большое не разочарует
великое не очарует

*

Если восхищение собой
есть предвосхищение себя,
если отвращение к себе —
форма восхищения собой,
если удаление себя —
форма приближения к себе, —
если это так, то это так
справедливо, просто, хорошо!

*

Список спонсоров спермой:
порядковый номер, имя.
Кровь породнила с первым.
Сукровица — с остальными.
Верность — с тобой, мой верный.
И верности труд многолетний
сделал последнего первым,
первого — предпоследним.

*

Бибабо на твоём ую,
попляшу, а потом спою,
что люблю, что уже не бобо,
что я счастлива быть бибабо.

*

Мышонок и лягушка, и зверушка
неведома блаженны: им досталась
душа без психики, психея без психушки,
сон без подушки, без бессонниц старость.
А тут, что хочешь делай ли, не делай —
зарядку, макияж, карьеру, ужин, —
проснёшься рано утром старой девой
с двумя детьми и мирно спящим мужем.

*

Нет, не морковь. И не редиска —
союз души с душой родной.
Нет, не пиписка — переписка,
гнездо, скреплённое слюной,
украденной у поцелуя.
Как сладок он, почтовый клей!
Всем поцелуям предпочту я
письмо, гнездо любви моей.

*

написала
люблю тебя
но слова соединились
как-то преднамеренно
как будто одно
заранее

проглотило таблетку
а другое
долго
натягивало презерватив

*

Параллельные любви пересекаются —
прямоты ли не хватает, параллельности ли?
Двое каются, а третьему икается.
И все трое обязательно встречаются
у ларька, и, заикаясь, объясняются,
и сплетаются рогами, и брыкаются,
убиваются... Приходит, раздевается.
— Это ты?
— Нет. На диване мне отдельно стели.

*

Повторенье — мать забвенья
и ученья мачеха.
Загляделась на мгновенье
девочка на мальчика.
У него большие руки —
ой, молодо-дрочено!
У неё живот упругий
и взрослые дочери.

*

Красногубый злодей,
длиннорукий тать,
реки крови моей
повернувший вспять, —
будь что будет. Владей,
если сможешь взять.

Отвечает: простите, мне очень жаль.
Я не муж. Я — зять.

*

Математика, мать-и-мачеха,
вычитанье из девочки мальчика,
разность — женщина. Проверяем,
снова мальчика прибавляем,
получаем мужчину. И это
подтверждает правильность ответа.

*

На пьедестале почёта
всегда занимаешь чьё-то.

*

Запуганная славословиями,
затравленная панегириками,
запутанная послесловиями,
теориями обезжиренная,
забитая интерпретациями,
цитированьем обездоленная,
подумала: не оказаться бы мне
Верой Павловой!

*

Стоит ли радоваться, когда называют звездой?
Людей во вселенной гораздо меньше, чем звёзд,
и они сложнее. Для звезды огромная честь
стать песчинкой на карте, земное имя носить.

*

в двадцать
ебаться

в тридцать
любиться

что буду делать в сорок?

буду бодриться
трудиться
гордиться
вот, полон табель пятёрок!

надеяться
что в пятьдесят
простят

*

Настоящая женщина — та, у которой
лучшими любовниками были мужья:
второй лучше первого, третий — второго...
Ты догадался, о ком это я?

*

Рабынь божественных оковы,
червеобразные цари...
Железный занавес алькова
уже ржавеет изнутри,
словами испещрён снаружи
на Х и П, и Е, и Ё...
Жена да убоится мужа
ещё сильнее, чем он её.

*

куча ножей
а режет только один
куча ручек
а пишет только одна
куча мужчин
люблю одного тебя
может быть
ты наконец заточишь ножи?

*

Теряя молочные зубы,
ты грызёшь пуповину,
я тебе помогаю,
стирая, кроша коренные,
он говорит: дурёхи,
сколько же можно грызться,
шагом марш обниматься!
И лезвием нас разнимает.

*

Любитель в любви — профи.
Профессионал — профан.
Ревность есть верность в профиль.
Стольких любвей ветеран,
знаю о ней не больше,
чем чайки о жизни рыб,
чем дедушка знал о Польше,
в которой чуть не погиб.

*

«Отелло» в театре теней.
Ревность любви длинней.

*

Выражено — понято.
Насмерть, если метко.
Страх сперматозоида
перед яйцеклеткой —
вот источник мужества,
корень героизма,
механизм супружества
и душа фашизма.

*

Из твоего ребра —
вся тебе поперёк.

*

выходила замуж от безвыходности
сходила с ума от безысходности
потому что невозможно вынести
Господи Твоей холодности
шила дело о несовместимости
с ума сводила любящего мужа
потому что невозможно вынести
Господи Твоего равнодушия

*

Лучше всех растворяю кофе.
Лучше всех выношу мусор.
Но вот в чём я настоящий профи:
лучше всех ублажаю музу,
с ней ласкаюсь, и, если просит,
кавалеров ей поставляю,
а когда поматросят и бросят,
чашку кофе ей растворяю.

*

Сдобна, аппетитна,
вся — густой покой,
вышла Афродита
из спермы морской.
Нелегко на суше
креатуре вод.

Глядь — идёт Катюша,
письма бережёт.
Молода, красива,
вся — триумф труда.

Только и спросила,
холодна ль вода.

*

Влюбилась, но не по уши — по пояс.
А выше пояса — сплошная совесть.
Сними ладонь с моей груди, любимый
моей бессовестною половиной!

*

Ровно, к стежку стихок,
будто бы выткано,
штопаю синий чулок
белыми нитками,
пальцы колю иглой,
кровь зализываю,
тяготясь чистотой,
брезгуя близостью.

*

Синяя борода —
пряжа для синих чулок.
Иссиня выбрит. У ног.
Ждёт, что скажу да.
Ждёт, что скажу на.
Самое время прясть.
Артериальна страсть.
Венозна вина.

*

Любовь зла.
Влюбилась в козла.
За козла отвечу.
Отвечаю: Бе-е-е!
Наставляю судьбе
не рога — свечи.

*

Отдал всего себя, кроме сердца,
и взял за это сердце, и только.
На что тебе два сердца, любимый?
Два тела мне на что, бессердечный?

*

Сблизиться семьями.
Вместе ходить в БЗК.
Слизывать семя его
с твоего языка.

*

Как же я сразу не сообразила,
что сатана — кастрат?
Отсюда — блеск, виртуозность, сила
его безупречных рулад.
Сладость его серенад.

*

- 1) Мужской сосок — пустышка.
Кончай реветь, глупышка!
- 2) Пустышка мужского соска.
Неутолима тоска.
- 3) Холодный сосок херувима.
Блаженство неутолимо.

*

Тот, кто меня никогда не видел
с немытою головою,
и Тот, кто меня никогда не видел
с непокрытою головою,
о чём вы спорите, разве не видите,
как полно владеет мною
тот, кто меня стрижёт,
причёсывает,
дарит платки,
а когда выключают горячую воду,
из кружки над тазиком
голову мне моет?

*

Для уточнения термина:
измену Онегину с Греминым,

измену любимому с мужем,
измену высокому с нужным,
внутреннему — с поверхностью
будем называть верностью.

*

Опыт? Какой, блин, опыт!
Как с гусыни вода...
— Тётя Вея, ты ёбот?
— Да, дитя моё, да.
Разве может быть добыт
из-под спуда стыда
хоть какой-нибудь опыт?
— Да, дитя моё, да.

*

Юность подарила мне подруг.
Зрелость подарила мне друзей.
Старость, я тебе их подарю.

*

сперва проиграла в прятки,
не учтя (закачались кусты)
эрогенности зигфридовой лопатки
и ахиллесовой пяты,
потом проиграла в жмурки,
не учтя (зашумели листвой),
что жмурики, вещице каурки,
встают, как лист перед травой

*

Рыдая, переспать с утратай
и за ночь породниться с ней.
К утру утрата станет датой,
днём среди дней,
и будет ревновать, бедняга,
и не без повода, боюсь,
к другой утрате, с коей лягу
и породнюсь.

*

— Это фотография
или кинохроника? —
Мёртвый Маяковский.
Почему-то под одеялом.
— Кинохроника. —
Толпа побежала за гробом,
как армия за полководцем.
Наступление захлебнулось в слезах.

*

Скажешь *Умру* — сойдёшь за пророка.
Если умрёшь, конечно.
Особенно если умрёшь до срока,
страшно умрёшь, кромешно.
Никто не скажет *Он обезумел,*
но верьте ему, верьте!
Он обещал умереть — и умер.
А нам обещал бессмертье.

*

Грех, он жалок, безответен,
две слезы ему цена.
Только смертный грех бессмертен.
Только в истине вина.

*

Думал, что я струшу?
Думал, кишка тонка?
Тело сбросило душу,
как скакун седока,
за вздорность, жестокость, чванливость,
за то, что блядь и ханжа,
за то, что любить разучилась...
С девятого этажа.

*

Что я буду делать там?
Кататься на велосипеде, который угнали.
Перечитывать книжки, которые замотали.
Целоваться с мальчишками, которых отбили.
Возиться с детишками, которых удалили.
Оставленных тут,
когда уснут,
гладить по волосам.

*

Стихи: стихия минус я.
Любовь: стихия плюс.
Харон посмотрит на меня,
и я в него влюблюсь.

А он в меня. Иначе быть
не может, не могло.
И долго будет лодка плыть,
лежать на дне весло.

*

Вот: на земле у меня любимых больше, чем под.
И те, что на, любимы больше, чем те, что под.
Но те, что под, любят больше, чем те, что на.
Отсюда вывод: там я больше не буду одна.

*

все классики — одноклассники
все мёртвые — современники
все частники — соучастники
все пленники — соплеменники

*

Ну и хуй с ней, с языковой средой! —
С остроумьем заголовков газетных,
любомудрием граффити клозетных
и троллейбусных знакомств простотой...
Речь, родная, ты нектар или яд,
в ухо спящему текущий во мраке?
Всюду воют не по-русски собаки.
Всюду звёзды не по-русски молчат.

*

Чище страсть —
страшнее лечь.
Крепче связь —
бессвязней речь.

На хрена
сама с собой
я должна объясняться хореем, к тому же в рифму?
Кровь — волна.
Любовь — прибой.
Речь — прибрежные рифы.

*

Или любовь — это и есть долг?
Или долг — это любовь и есть?
Тех, кого я должна любить, — полк.
Тех, кого люблю, могу перечесть
по пальцам рук, четырёх, моих и твоих,
любимый так, что сильнее нельзя любить...
Скажи, должен ли Чехов любить больных,
или можно вылечить и забыть?

*

Над бессмертным плача,
смертное гублю.
Вот так незадача:
я двоих люблю.
Каждого — смертельно.
Каждому — верна.
Два креста нательных,
а шея — одна.

*

Церковь — пуп беременной земли.
(На сносях он вывернут наружу.)
Не горюй, не сокращай ноли
(два венца — ноль-ноль), — я не нарушу

обещанья умирать с тобой,
смерть твою выкармливая грудью,
искренне считая долг судьбой,
а тебя — её слепым орудьем.

*

Нежность. Точнее — жалость.
Ещё точнее — мука.
Как мы друг к другу жались,
потерявши друг друга!
Ночь — братская могила.
Безымянны солдаты.
Как нас с тобой сроднила
тяжесть нашей утраты!

*

Утешит ли тот, кто заснул в слезах,
того, кто проснувшись плачет?
Утешит. А после заснёт в слезах,
проснувшись, услышит: плачет.
О пытка лаской (*предай, отрекись!*),
невольной неги угрозы!..
Течёт сквозь пальцы любовная слизь
больней и горше, чем слёзы.

*

презираешь женщину за то
что она одета слишком ярко
убиваешь женщину за то
что не можешь сделать ей подарка
проклинаешь женщину за то
что не ты во гроб её положишь

забываешь женщину за то
что никак забыть её не можешь

*

упрощать = прощать,
если честно упрощать

*

Папа! Чайку согрей
и обзови стервой,
и назови Вербой,
и сядь посиди со мной...
Сколько было любвей —
и ни одной первой,
и ни одной верной,
единственной ни одной.

*

пожеланья счастья от несчастных
соболезнованья от счастливых
пламенный привет от безучастных
и венец лавровый от глумливых

*

Жизнерадостней умирай —
от любви, обжорства, смеха.
Если выяснится, что рай —
земных наслаждений эхо,
я не буду удивлена
и, слава творца-гурмана,
чтобы всё оплатить сполна,
червям наложницей стану.

*

Похудею навсегда
(не гербалайф).
Тайны мёртвая вода.
Сна вечный кайф.
Но интим не предлагать.
(Млечный покой.)
Разве что спинку погладь
тёплой строкой.

*

Целую зеркало. Какой
холодный поцелуй! Щекой
размазываю мутный след.
Не любишь? Нет.

*

Вот иду по колено в пыли,
чтобы сделаться горсткой пыли.
Столькие через это прошли,
а дороги не проложили.
Сокращаю синодик забот,
оставляя одну заботу.
Столькие... Почему же проход
не расширился ни на йоту?

*

Не надо смотреть, но смотрю:
на нищего, копающегося в помойке,
на геев, целующихся на скамейке,
на алканавта в окровавленной майке,
на висюльку старика, ждущего струйки, —
не надо смотреть. Но смотрю.

*

зима не зима если не покатаешься на коньках
весна не весна если не покатаешься на велосипеде
лето не лето если не покатаешься на лодке
осень всегда осень

*

Лодка моя — компромисс
гроба и колыбели.
Плыву по теченью вниз,
вёслами еле-еле
течение тороплю,
зная: чуть-чуть осталось,
и старость сядет к рулю,
поставит белый парус.

*

Дети в старость толкают,
а старики не пускают:
яблоками угощают,
девочкой называют,
но одни умирают,
а другие впадают
в детство.

*

притвориться пьяной
чтобы приласкаться
притвориться глупой
чтоб сказать люблю
притвориться старой
чтоб не притворяться
притвориться мёртвой
притворясь что сплю

*

Бессмертие — род бессонницы.
Бессонница — смерти род.
За мной бессмертие гонится.
Если догонит — убьёт.
А не догонит — согреется,
плоть обретёт и кровь,
выключит свет, разденется
и сделает мне любовь.

II ЦЕНА ДЕЛЕНИЯ

I

1

поровну на всех
собаки с петухами
делят тишину

2

люди не могут
смотреть на солнце без слёз
и без улыбки

3

за слезой слеза
накапливают лица
девочки мои

4

любовь болячка
которую так сладко
расковыривать

5

шлёпанцы дождя
зашли слишком далеко
мечты о любви

II

1

со свиданьем
пьёшь из моего пупка
тёплую водку

2

гормональный взрыв
крашу в сиреневый цвет
кустик на лобке

3

дашь попробовать
дегустирую себя
языком язык

4

сняла не глядя
с расчёски гневной волос
и пару седых

5

принцип термоса
стенки души зеркальны
ты не остынешь

6

поселилась смерть
под ногтями на ногах
стригу до крови

7

смотрю в потолок
слёзы на прямой пробор
в окно на косой

III

1

не заживает
кровит мокнет гноится
нелепая смерть

2

причина смерти
рухнувший на голову
карточный домик

3

выбирай сама
какой из моих стишков
станет последним

4

звонок на урок
в запертой летом школе
звонок с урока

5

новый год прощай
в конфетнице осталась
одна карамель

III
З Д Е С Ъ

*

Тонкость + широта = Стив.
И тонкость = широте. Или > оной?
Прости, что, тебя до формулы упростив,
я фамильярна с твоей тайной бездонной.
Впрочем, тайнам до формул дела нет.
Тайны школьную алгебру не изучали.
Как проверить, как подогнать ответ,
деля радости, умножая печали?

*

И ты полон,
и я полна.
Что мы дадим
друг другу?
— Подтверждение
полноты.

*

моё тонкое
в твоих нежных
делается ещё тоньше
моё нежное
в твоих сильных
делается ещё нежнее
моё сильное
в твоих дрожащих
делается ещё послушней
моё бренное
в твоих бренных
делается ещё бессмертней

*

Раз и навсегда:
да.

*

Сверхзвуковое понимание.
Сверхсветовое тепло.
Зачем же так жажду признания,
так жду *рокового слияния*,
что скулы бёдер свело?

*

Ужо тебе, детская склонность
в любовь перемалывать кровь!
Любовь убивает влюблённость
за то, что она не любовь,
и даже улик не скрывает.

Но сослепу, но с бодуна
влюблённость любовь убивает
за то, что любовь — не она.

*

Любимого отпускаю.
Вспомню, кого забыла.
Но никогда не прощу
тех, кого разлюбила.

*

Кончик языка
понимает сладость.
Корень языка
понимает горечь.
Кончиком, слегка:
здравствуй, моя сладость!
Полнотой глотка:
как она сладка,
твоя горечь!

*

Язык ночи состоит из местоимений,
понятия не имеющих, какого они числа
и лица, имеющих не менее трёх мнений,
какого они рода. В начале была
ласка — не важно, в Эдеме или в пещере.
А после было слово — знаешь его?
Конечно, знаешь. В начале было доверие
и это слово вместо имени твоего.

*

Посыльный с корзиной цветов...
Слеза горчайшего горя
в полёте стала счастливой.

*

Любить и тем не менее понять.
Понять и тем не менее любить,
тем более любить, и боль продлить
молить то Божью, то ебёну мать,
и вымолить разлуку. С глаз долой —
и в сердце, от бессмертья излечив,
как тот светляк, сверкавший над волной
и звёзды превращавший в светлячих.

*

Переход через Альпы на ты.
Я совсем не боюсь высоты.
Я совсем не боюсь глубины.
Я боюсь ширины и длины.

*

А в море можно войти и дважды, и трижды
(этим любовь отличается от реки),
визжа и барахтаясь, и удивляясь: ишь ты,
да мы с тобой моряки! (Старики. Дураки.)
Господи, сколько же можно рождаться из пены!
(Несколько раз на дню. Несколько дней.)
Только покажется, будто любовь по колено,
по пояс, по шейку, с головкой окажешься в ней.

*

В городе женщины гораздо красивей мужиков.
В деревне мужчины гораздо красивей, чем бабы.
В горах нет никого красивей стариков.
У моря — детей. Была б моя воля, я бы
жила у моря, учила ходить детей
вдоль полосы прибоя, прибоя, прибоя...
А после, когда ты устанешь от новостей,
я брошу город и в горы уйду с тобою.

*

Виденье будущих стихов:
висячие сады,
цветущих тучных облаков
летучие гряды.
Гляди: а я ведь будь здоров,
в расцвете красоты!
Ещё я наломаю дров.
Ещё поплачешь ты.

*

Закон сохранения любви:
если где-то прибудет любви —
во всей вселенной прибудет.
И этим она пребудет.

*

если бы я принадлежала себе
я принадлежала бы тебе
если бы я принадлежала тебе
я не принадлежала бы себе

если бы я не принадлежала себе
я не принадлежала бы тебе
если бы я не принадлежала тебе
я принадлежала бы себе

*

В подбородок, в кромку подбородка
и под подбородком — много раз...
Вздрагивает золотая лодка
на поверхности закрытых глаз.
Волосы, уключины, ключицы,
волоски, кувшинки, камыши...
Что случилось, что должно случиться,
знаю каждой клеточкой души
и, как ветру, подставляю чуду
плечи и лицо. Иди ко мне
и гребь, а я, как в детстве, буду
спать, клубком свернувшись на корме.

*

Переводчик и разведчик,
дипломат, поэт, рыбак,
счастья своего кузнечик,
как куётся? — Кое-как.
Что куёшь? — Мечи, орала,
кольца, цепи, якоря.
Неужели мало? — Мало.
Неужели зря? — Не зря.

*

Гадала на пальцах ног:
любит, не любит, плюнет...

Вышло, что поцелует.
Поцеловал.
Каждый пальчик.

*

Не как я хочу,
но как ю.

*

Как об асфальт головой алкаши,
яблоки падают с веток.
Падай под яблоню и лежи
рядом со мной напоследок,
яблоко с яблоком, брат и сестра,
спящие после обеда...
Яблок-то, яблок! Четыре ведра.
Придешь? Приеду.

*

Ты меня — как сорок тысяч братьев.
Я тебя — как сводная сестра.

*

Острая радость в начале —
только наркоз, под которым
ангелы в белых бахилах
делают пересадку сердца,
а проснёшься — больно и страшно,
приживётся ли? И не знаешь,
как им пользоваться. И плачешь
на груди у любимого так нежно,
что расходятся швы у обоих.

*

...взаимная до кончиков ногтей.
(Сломал. Отгрызла. Вкусно? Очень вкусно.)
Я не берусь рожать тебе детей.
Я умирать с тобою не берусь, но
когда я говорю: «Ты лучше всех»,
ты верь. Я специалист по этой части.
Ты лучше всех. А я счастливей всех.
Вот, даже волосы начали виться от счастья.

*

облака плывут на спине
мимо зноя вдоль синевы
повернись спиною ко мне
перейди со мною на вы
от меня на запад плыви
затмевая солнечный свет
нет на свете вечной любви
потому что вечности нет

*

Мне с тобой хорошо даже там, где мне плохо.
Мне без тебя плохо даже там, где мне хорошо.
Мне с тобой хорошо даже когда тебе плохо,
когда тебе кажется, что без меня тебе будет хорошо.

*

Убежать с тобой? Рада бы!
Разделить с тобой кров и путь?
Проще распрямить радугу,
Млечный Путь дугою согнуть,

накормить детей песнями,
победить в кавказской войне..
Разлюбить тебя? Если бы!
Проще строить дом на волне.

*

«Ты» моего дневника —
ты. Теплеет рука,
пишущая *Ты*.
Холодеет другая рука,
прикрывающая листы.
Вырывающая листы.

*

Можно, я задам тебе вопрос,
который не должна задавать,
а ты ответишь мне *да*,
даже если это неправда?
— Нет.

*

Американец, открывший во мне
столько америк,
ты бы открыл мне, хотя бы во сне,
где он, твой берег, —
как же мы встретимся? Праздный вопрос! —
В час, на Арбате.
Я состою на две трети из слёз.
Мне их не хватит.

*

каждую слезинку
целовал взасос
старую кретинку
на простынку нёс
слушал без запинки
обладал без поз
гладила по спинке
до метро подвёз

*

Твой кодекс, разлука, суров,
кошмарна твоя расчленёнка!
Кукушка из старых часов
подбросила мне кукушонка.
Растёт не по дням — по часам.
Питается памятью плоти.
А кончится память — ам! —
меня с потрохами проглотит.

*

В подсознании по пояс вязну,
вся насквозь промокшая от слёз,
и воздушный поцелуй взасос
шлю вослед воздушному оргазму —
вот тебе за то, что не могу
целовать ладони и лодыжки,
слёзы утирать твоей подмышкой
там, на том кисельном берегу.

*

Тихо, как на войне.
Лежу на спине, одна,

и чувствую, как во мне
умирают твои семена,
их страх, их желание жить...
Я, кажется, не потяну
столько смертей носить,
вынашивая одну.

*

Крылышкует ангел-связной
орбитой околоземной.
Обсуди, родимый, со мной
международные темы.
Ты народ. Я другой народ.
Но как много у нас между!
Перейдём ли разлуку вброд?
Победим ли верой надежду?

*

Мой голос, для тебя,
продлить тебя не сможет,
но, память углубя,
на два её умножит,
и, шелестя листвою
улады многотомной,
услышу голос твой,
и ласковый, и томный...

*

— Ой!
— Что с тобой?
— Покой.

*

У вечности столько капканов —
придётся ещё нарваться.
У времени столько карманов —
найдётся, где затеряться,
где от бессмертья скрываться.

Во внутреннем, тайном, нагрудном
учила тебя целоваться,
и выяснилось, как трудно
хранить серьёзность, как сладко
рот в рот до упаду смеяться...

Дырявых карманов, подкладок —
найдётся, где потеряться.

*

Ждать, седея и лысея,
как любовью, жить разлукой...
Пёс, узнавший Одиссея,
был на самом деле сукой.
Сукой буду — я узнаю
постаревшего героя.
О, как брошусь, как залаю,
залижу, виляя, воя!..

*

Кожа, осязающая душу:
изнутри — мою, твою — снаружи.

*

Автор прошлого,
бульва

вульгарность
едва ли спишешь
на дионисийство,
но
просить большего —
неблагодарность,
желать меньшего —
самоубийство.

*

брошена
падать
с такой
высоты
так
долго
что
пожалуй
я
успею
научиться
летать

*

Точно, без опоздания —
время, знай своё место! —
прихожу на свиданья.
Это — форма протеста
против краткости оных,
против долгой разлуки...
В чём беда окрылённых? —
Безруки.

*

Часы.
Минутная стрелка —
мужская фигура,
часовая — женская.
Оба обнажённые.
Ты — спиной.
Стоят.

*

Масса Земли больше массы Венеры.
Масса смерти больше массы любви.
Вот и прикидывай, хватит ли нам веры.
Нас похоронят на разных концах Земли,
масса которой больше массы Венеры.
Вот и прикидывай, хватит ли нам любви.

*

Что убивает меня?
То, что меньше меня.
Что воскрешает меня?
То, что больше меня.
Ты больше меня.
Я меньше меня.
Не покидай меня.
Не убивай меня.

*

Близость подчиняется принципу неопределённости —
кто их знает, как отклонятся частицы?
Разлука — теории относительности. При такой удалённости
пространство становится временем. Время проститься.

Провожая, как на войну, как в дальний космос,
как будто свои шрамы к телу не ближе,
как будто мы не сдували мяч-глобус,
как будто тебя во сне никогда не увижу.

*

У музы не может быть мужа,
но могут быть женихи.
Жених очень даже нужен
музе — править стихи,
делиться опытом, силой,
будить интерес, аппетит...
Я тебя у музы отбила.
Боюсь, что она отомстит.

*

объятье одиночество
в кружочек обведёт
соитье одиночество
пунктирно подчеркнёт
а после одиночество
совсем пойдёт вразнос
разлука одиночество
поставит под вопрос

*

Если б знать, с какого языка
переведено твоё *люблю*,
если б отыскать оригинал
и, сличив его со словарём,

убедиться: точен перевод,
переводчик на этот раз не врёт!..

*

Время и вечность не смешиваются,
как масло и вода.
Чьи же это лапки свешиваются
сюда из всегда-дробь-никогда?
Чьи коготки указательные
манят меня: цып-цып-цып?..
Встретимся ли? Обязательно.
В полдень. В созвездии Рыб.

*

Тот, кто дарит больше, чем имеет,
просит больше, чем сумеет взять.
Хочешь, я оглохну, онемею,
научусь готовить и вязать,
свадебные платья шить из рубиц
и ходить по дому только в них?
И за это ты меня полюбишь
и разлюбишь их — тех, остальных.

*

Обкусала ногти по локти.
Обкусала локти по плечи.
Стало легче.

*

Любовь добывается трением
щеки о висок;

любовь проливается семенем
в зыбучий песок;
становится местным временем,
началом времён,
единственным местоимением
для сотен имён.

*

Извлекаю день из сновиденья,
в сновиденье завлекаю день...
По раклебедьщучьему веленью
раздели со мною сновидень!
Как по мерке, по твоей ладони
ягодицы, грудь, колени, весь
облик... Чем подводней, чем придонней
страсть, тем выше рвётся лебедь-песнь.

*

Пропасть между нами
самыми большими словами
заделываю. Бесполезно:
бездна.

*

С кем бессмертие презимую,
буду оттаивать с кем? Но я
не променяю любовь земную
на вечную, на подземную.
Ещё успею — цветами, глиной,
памятью белоглазой... Но
пока мы смертны, тебе, любимый,
ни в чём не будет отказано.

*

Дезинфицирующей вспышкой счастья
убиты возбудители сомнения.
От ревности и страха излечась, я
согреюсь на груди твоей, сомлею,
как в детстве, возвращаясь из гостей, на
руках хмельного юного папаши...
Диагноз: жизнь. Режим: полупостельный-
полубатальный. Доброй ночи павшим.

*

Не жить с тобой, но нежить
(ся). По горизонтали
поняття выше-ниже
сомнительными стали.
Читай слева направо
на цыпочках по цыпкам,
удваивай в октаву
античную улыбку,
усердствуй, первоклашка
с косичками седыми!
Пусть любятсЯ мурашки
(где чьи?) твои с моими.

*

Разрешающая способность ласки —
тысячи, миллионы точек.
Запрещающая: закрой глазки.
Откроешь — на грудь вскочит
какой-то мужик незнакомый
с большими красивыми зубами
и скажет: я твой законный,
твой суженый, твой двуспальный.

*

Милость моя — малость.
В душной воздушной яме
милому улыбалась
маленькими губами,
отражая большими
перипетии улыбки,
пряча за щеку имя
во избежанье ошибки.

*

И смерть далеко, и Нью-Йорк далеко.
И кто же мне даст визу?
Время мало. Пространство велико.
Я тебя не увижу.
Разве что на острове. Ты знаешь, что рай —
остров? Подводные лыжи
уже упакованы. Лечу. Встречай.
Похоже, что смерть ближе.

*

Совокупление — сурдоперевод,
признание в любви глухонемого
слепому. Разве мы не знаем слова
«люблю»? Люблю. Но запечатан рот,
глаза закрыты. Тильной стороной
предплечья — твой младенческий затылок.
Незрячий нежен. Бессловесный пылок.
И знак согласия, дружный, проливной!..

*

Любовь бывает, когда она прибывает.
Когда она убывает, её не бывает.

А если она в равновесии пребывает,
она убывает.

*

Любовь — разновидность наркоза. Местного.
Впрыснут — и на убой.
Полжизни, полпамяти, полцарства небесного
за полчаса с тобой.
В бреду, в электричке, в слезах, на паперти
прошу врача-хитреца:
ломает. Впрысните. Вот: полпамяти,
полжизни, полсмерти, полца...

*

Уверенная нежность педиатра
роддома... Новорожденное чувство
беспомощно. Опасное искусство —
воспитывать его: до послезавтра
дотягивать сегодня еле-еле,
дышать на ю, на мебель натекаться,
как молоком, слезами заливаться,
класть на живот и спать в одной постели
втроём с любовью.

*

Из года в год подсматривая, как
рождается из пены для бритья
твое лицо, и видя в этом знак
безотлагательности бытия,
решаться быть. И быть — такой, сякой...
И в полночь, выключая верхний свет,
привычно щеку находить щекой:
«Колючий». — «Мне пойти побриться?» — «Нет».

*

Апостолпавловская формула любви
вполне срабатывает лишь для разлучённых,
долготерпящих, ибо почта пропадает,
и милосердствующих — не звонящих часто,
и не гордящихся, не ищущих свояси, —
чем тут гордиться, и какие, блин, свояси,
когда полглобуса-, полжизни между нами!
Не раздражающихся, не мыслящих злого,
разве что всех предать и радоваться правде
любви, надеясь, что она всё покрывает,
всё переносит, не боится очной ставки,
коль скоро не перестает уже полгода...

*

Ты у меня — мало в крови, — в кости.
Мало — в каждой клетке, — в межклеточной ткани.
Но иго твоё благо, и счастье нести
твоё лёгкое бремя, моя тайна,
моё оправданье, моё основание быть —
смотреть сквозь слёзы на солнце и улыбаться,
пытаться спрягать по лицам глагол «любить»,
на втором лице единственного числа спотыкаться.

*

похожа на сердце
но больше сердца
в груди
но больше груди
похожа на тело
но больше тела
в душе
но больше души

похожа на счастье
но больше счастья
во мне
но больше меня
моя любовь
на тебя похожа
разительно
не отличить

*

Дама, она же собачка. Она же я.
Она же профессор. Она же его тренажёр.
Звонок. Слюни до пола: твоя! твоя!
Молчок. Слёзы в подушку: позор! позор!
Профессор чешет косматую бороду: «Тэк-с!
Пожизненный опыт меня убеждает в том,
что жажда любви у дамы — условный рефлекс».
Целует ручки. Вылизывает под хвостом.

*

Где уютно, хоть в ресторане...
Господи, помоги
с ним увидеться на расстоянье
выдернутой руки!
Можешь связать, от греха подальше,
руки мне за спиной.
Лишь бы увериться: он — настоящий,
он не выдуман мной.

*

Устно и письменно, в исчерканной тетради и
в метро, юродиво губами шевеля:

противоядие моё, противоадие,
противоблядие моё, любовь моя!
И откликается: дыхание учащается,
знакомый голос говорит над ухом: *Да*,
и кровь, отравленная злобой, очищается
приливом нежности, печали и стыда.

*

Любому знакомо,
понятно даже ежу:
любовь — аксиома.
Но я её докажу.

*

Эх, яблочко, которое всегда
срывалось раньше времени, эх, ябло-
чко-песня, робко спетая с листа
отличницей, чьё девичье озябло
в капроновых, поехавших... Эх, я,
эх, ты, ах, он, ох, блин! Но мало-помалу
оно в чужих ладонях созревало.
Держи — настала очередь твоя.

*

Маслѐнка тоже падает маслом вниз.
Язык камертона язвителен и раздвоен.
Любовь — опасный абсцесс по оси абсцисс,
где в точке Ах — я растеряна, ты расстроен, —
мы спрягаем в трёх лицах один глагол,
вот запряжѐм — и прищучим лебедя раком,
поменяем имя, родину, возраст, пол,
имплантируем жабры и будем дышать двояко.

*

Члены предложения:
сердце и рука.
Головокружение
в области пупка.

*

Dama@sil.net
ждать — не дожждаться Гурова.
Доктор Апчехов, тебе привет
из уголка Дурова
от каштанки по кличке Муму
и её укротительницы.
Dama@um.ru,
если мы не увидимся.

*

Канул. Но напоследок
в знак своей правоты
в ядрах моих клеток
я заменил на *ты*.

Ждёт — не дождётся лоно
сына-богатыря.
Вот бы родить клона,
дословно тебя повторя,
чтобы понять *ab ovo*
до гроба, во всю длину,
смысл одного слова —
все не помяну.

*

В трёх временах единосущен,
в трёх лицах неделим
глагол *любовь*. Как хлеб, насущен,
как смерть, непобедим.
Люблю: отравя дробь отрада,
лекарство дробь болезнь.
Любима: кара дробь награда,
отчаянье дробь песнь.

*

расширяется: люблю!
сжимается: как ты?
сердце
наполняется: люблю!
пустеет: где ты?
грудь
сплетаются: люблю!
обкусанные: с кем ты?
пальцы
увлажняются: люблю!
сужаются: кто ты?
зрачки

*

В лесу посреди тропинки
на его руках
искала счастье — снежинку
о семи лепестках.
Напрасно: все шестипалы.
И — лучше, чем ничего, —
слизала те, что упали
на ресницы его.

*

Поранишь глаз — потечёт кровь,
а слёзы — уже потом.
Посеешь душу — пожнёшь любовь,
и бурю, и бурелом,
и лом, и облом. И померкнет свет,
и кажется: всё, труба, —
отрежешь палец, а крови нет,
как на срезе гриба.

*

Выплакать все ресницы,
ноздри, щёки,
только бы не садиться
за уроки.
Кажется слишком жидкой
панацея.
Чем нежнее ошибка,
тем грубее,
тем вульгарней расплата.
Несомненно,
я сама виновата
в том, что смертна.

*

Линия — размазанная точка.
Точка — та же линия в разрезе.
Точность точечна. Конечна строчка —
много просится, да мало влезет.
Много спросится — гораздо больше,
чем казалось верности и чести.
Бочка в море. В бочке почтальонша.
В сумке телеграмма о приезде.

*

Архипелаг гуляк,
узников праздности,
ласковых доходят
с Острова Радости
радости: солнце, сон.
Умница, пьяница,
жарких снов робинзон —
в руку, под пятницу —
плоть превращает в плот
хитрыми пальцами.
Нет, он не удерёт —
так, покатается...

*

Играю с огнём. Переигрываю.
Выиграю — сгорю.
Иначе не вынести иго Его
и нечем топить зарю.
Подружку розовоперстую
прошу: укрой с головой.
Я трижды была невестою
и тысячу раз — вдовой.

*

Личность? — Личинка.
Бабочка? — Лик.
Слёзы? — Соринка.
Песенка? — Крик.
Боль? — Состраданье.
Нежность? — Вина.
Ты? — Оправданье.
Тайна? — Она.

*

Точка в азбуке Морзе —
четыре точки подряд.
Не помню, в какой позе,
но осведомлённые источники говорят:
четыре раза. Вероятно —
заслуга не велика.
Застилая, разглядываю пятна.
(Гадание.)
Похожи на облака.

*

Лик с лицом сличить,
чтобы уличить
небо в плагиате;
чтобы отучить
на звезду дровичь,
заклЮчить в объятъя;
нежить, приручить,
ждать, переводить
в километры мили;
ослабеть, спросить
быть или не быть
и ответить: *или*.

*

Разлюбить = умереть.
Любить = жить веч-
но всё-таки любопытно,
что там,
после бессмертья?

*

а) Ласкаемый, засыпающий
раньше ласкающего.
Ласкающий, от нежности изнывающий,
боящийся пошевелиться.
И вдруг вспоминающий,
что это уже было,
когда младенец засыпал у груди,
не выпуская соска.

б) Ласкающий, засыпающий
раньше ласкаемого,
просыпающийся под утро,
полный раскаянья
ласкающий спящего, избегая касания,
и вдруг понимающий:
так вот как оно
будет.

*

Мир из твоих рук — из первых рук.
Покой из твоих рук — из первых рук.
Я из твоих рук — из первых рук.
Бах
в исполнении
очень способного,
очень ленивого,
очень красивого мальчика
лет шести.

*

Весь мир — и остров в океане.
Вторую жизнь — и две недели.

Себя — и на ногу цепочку.
Семь радуг за день — и бессмертье.
Всё это — мне? Изнемогаю
от благодарности. Ты знаешь,
любимый, я всю жизнь мечтала
именно о такой цепочке!

*

нежности подкожный слой
ровный как загар нудиста
тихо-тихо чисто-чисто
разговаривать с тобой
на подстрочном языке
эхом эха тенью тени
в солнечном твоём сплетенье
спать как в пляжном гамаке

*

Позолоченная кузнечиками,
отороченная прибором
тишина. Мне бояться нечего
сквозняков, я балкон открою,
как учёный — заветное равенство,
путешественник — новую землю...
Знаешь, Господи, мне тут нравится.
Всё вбираю, вмещаю, приемлю.

СТАРЕТЬ В ТРОПИКАХ

Просыпаться в восемь,
сочинять псалмы...
Как прекрасна осень
там, где нет зимы!

Сказанное сделать
и пересказать.
Спать ложиться в девять.
Перед сном читать
вслух.

*

Сорок сороков сороконожек
плюс 12 радуг (две двойные)
плюс (умножить?) 8 косячков
(3 осталось — что-то с ними случилось?)
минус улетевшее парэо
плюс оно же утром на карнизе:
«Осторожней!» — «Крепче!» — плюс-плюс-плюс-
сплю, как новорожденный сурок,
после завтрака и перед ланчем...
Минус память.
Разделить по-братски
на 2, на себя, на сорок тысяч.
Два в уме. Один в душе.
В ответе:
счастье есть.
Оно — готовность к смерти.

*

Что ты прячешь, сердце, в кулаке?
Что сжимаешь до потери пульса?
Дай полюбоваться. — На, любуйся:
бусина, не помнящая бусы.
Шарик для сражений в бильбоке.
Для чего же ты такой пустяк

так сжимаешь, что не разорвёшься,
но однажды намертво сожмёшься, —
чтобы безучастная гримёрша
скальпелем разжала твой кулак?

*

Строка вертикального взлёта
и сверхзвукового паденья
на грудь, в световые тенёта
солнечного сплетенья —
и ну звенеть, цокотуха,
цикада, кузнечик певчий!..
Прозрение — дело слуха.
И нет ничего легче.

*

Чувство достигло ясности мысли,
мысль оказалась очень простой:
я существую и мыслю, если
вижу тебя, говорю с тобой.
Ой, земляничное говоренье!
Хочешь рецепт? Диктую, пиши:
Каждое слово — прикосновенье
к жаждущей ласки изнанке души.

*

Твоё ЛЮБЛЮ к моему ЛЮБЛЮ
относится, как доллар к рублю,
поскольку я ужасно люблю
писать *Люблю*, говорить «Люблю»,
а ты не любишь.

*

Живи меня. Живи в меня. Вживи
себя в меня, как новый орган чувства,
чѣ назначенье — различенье чуда
и растворенье радости в крови. —
Живи меня, как я тебя. Живи.

*

Пока душа не струсила,
рассудок не ослеп,
питай мои иллюзии,
насущенные, как хлеб!
Пусть будет зренье розовым,
пусть будет тихим дом,
влюблённости молозиво
пусть станет молоком!

*

Я — от тебя сувенир.
Мир — от тебя гостинец.
Ты примерял мир
на левую, на мизинец,
ты угадал — вот,
на правой, на безымянном,
впору, не жмёт, не трёт.
Так, капельку, — Атлантическим океаном.

*

вешняя Лета
нежные пальцы
еду по свету

зайцем-мазайцем
многих счастливей
многих печальней
Лета в разливе
пенье молчанье

*

Ласка — евангелие от руки.
Нежность — отхожий промысел Божий.
Всею прислушивающейся кожей
чую сладость последней строки.
Мне воплощенье, и аз воздам
нежностью. И до последней ночи
ласки нетвёрдый младенческий почерк
буду с тобой разбирать по складам.

*

Музыка. Мужики.
Да просто — стакан чаю.
Радость, твои флажки
дистанцию размечают
через дремучий лес
рождённой в ночной рубашке...
Счастье, твой противовес
пасть не даёт неваляшке.

*

О детский страх потери,
с которым первоклашка
на ленте ключ нательный
под платьем, под рубашкой
нащупывает: вот он!

и к сердцу прижимает,
потому что папа с мамой ушли на работу.
Вернутся ли? Кто знает...

*

Влюблённый рад новизне.
Любящий — неизменности.
Ты пребываешь во мне
в полной неприкосновенности.
Даже когда мы в измене-
моженье от страстных странностей,
ты пребываешь во мне
в целости и сохранности.

*

Еве приземистой, Нефертити
высоковыйной...
Силы бесплотные, помогите
плоти бессильной —
Вере зарёванной, Афродите
мраморнолицей...
Силы бесплотные, подсобите
      довоплотиться!

*

«Наша нежность нас переживёт». —
И к тебе под одеяло — прыг!
Ласка, ты — обратный перевод
слов любви на ангельский язык.
То-то автор будет удивлён.
То-то мы не скроем торжества:
наконец-то найден верный тон.
Вот, дословно целая строфа!

*

Такую любовь погубила,
что, видимо, буду в аду.
Такую взамен отравила,
что в адскую дверь не пройду.
Я столько подушек вспорола
затем, чтобы несколько зим
подземные полости пола
заделывать телом твоим.
Любовь — круговая порука,
проруха на саване дней.
...свистящие полости духа —
божественной плотью твоей.

СТАНСЫ

1.

Ножевую рану —
на живую нитку...
Тенору-тирану
кровью розан вытку.

2.

Ладно, можешь резать,
чтоб не знать, как скоро
прорежется ревность
у тореадора.

3.

Кистенём, кастетом,
битою бутылью...
Только не фальцетом,
милый Эскамильо!

*

По клеточкам ласка рисует
забвенья портрет поясной.
Прикрой прошлое — дует.
Храпи, чтобы знать — ты со мной.
Истрать на объятья излишек
обида, печали, тепла.
Погладь по головкам детишек,
которых не родила.

*

Франческа — Паоло, тела склубя,
чертя орбиту свою:
Ад — это место, где нет тебя.
Стало быть, мы в раю.
Я, примеряющая на себя
число этажей (шесть):
Ад — это место, где нет тебя.
Особенно если ты есть.

*

Сожаленья и желанья
осушив одним глотком,
унесёшь моё дыханье
в безвоздушность, в духов дом,
в мрак слепящий, свет крошечный,
растерявши по пути
запах «Ротманс интернэшнл»
и последнее «Прости».

*

очень люблю смотреть
как ты снимаешь рубашку
и не могу смотреть
как ты снимаешь брюки
как ловко легко романтично
ты снимаешь рубашку
как глупо смешно суетливо
ты снимаешь брюки
хуже этого только
то как ты их надеваешь
печальней этого только
то как тыправляешь
в брюки рубашку

*

Такой свет, что кажется, я — тень,
а свет — материя, тонкая мягкая ткань.
Разве не глупо тратить такой день
на расставанья, клятвы и прочую дрянь?
Свет, он даже не хочет на нас смотреть.
Ему интересней придумывать тень кусту,
ему интересней волосы — цинк, медь,
и то, как искрит, как сверкает слеза на лету.

*

Жить вдвоём — делить время на́ два.
Жить одному — жить дольше вдвое.
Сокращать жизнь любимому — мне это надо?
Пусть он лучше от одиночества воеет,
полон воспоминаний о нашей идиллии,
как, вдвоём, забыв обо всём на свете,

мы по-братски время на два делили
и получали бесконечность в ответе.

*

Могу нежнее, не могу вернее,
могу сильнее, крепче не могу
любить. Могла бы, за кормой Энея
бежала бы, на дальнем берегу,
в краю огромных розовых ракушек
усталого ласкала беглеца,
не вспоминала бы твоих подружек,
не забывала твоего лица.

*

Заснула в слезах. Во сне увидела, что плачу.
Проснулась — вижу: мокрые волосы начали виться.
Любовь — задача повышенной трудности. Эту задачу
решить можно, нужно только однажды решиться
сократить дробь, извлечь корни, упростить выраженья,
убедить себя, поверить себе, что строгость,
безукоризненность и чистота решения
искупают его нечеловеческую жестокость.

*

Следствие лёгкой отечности —
след от виска на плече.
Что я прибавлю к вечности? —
Мягкий знак после ч.
Лоно любому семени —
мама сырая земля.
Что я возьму у времени? —
Окончание я.

*

Стёклышком накрою, закопаю
все свои блестящие таланты.

Мы с тобой потерянного рая
патриоты и репатрианты.

Сделаю из черепа копилку,
закормлю её звенящей медью.

Мы с тобой отличники каникул.
Ну-с, куда на этот раз поедем?

I V

АРБАТСКО - ПОКРОВСКАЯ ЛИНИЯ

СТАНСЫ

1. ЩЕЛКОВСКАЯ

На первый взгляд кажется, что эти автоматы пропускают всякого, у кого есть жетон или карточка. Но это лишь видимость. На самом деле они просвечивают наши внутренности специальным лучом, чтобы задержать генетически чужих. И страшные железные скобы вдруг захлопываются перед сумчатой теткой, которая визжит, окончательно выдавая себя: «Я опустила! Опустила!» А еще чужие выдают себя, сходя с эскалатора: они заранее поднимают ногу и почти перепрыгивают, как со льдины на льдину. А москвичи соскальзывают с эскалатора, как с ледяной горки.

2. ПЕРВОМАЙСКАЯ

Метро — это подкоп. Несколько поколений москвичей рыли его по ночам голыми руками, вынося в карманах землю и крыс, подохших от удушья.

Вообще в Москве все время роют. Под окном вдруг возникает экскаватор (ребенок называет его эскалататором), выкапывает огромную яму, ее обступают люди, заглядывают, нецензурно жестикулируют, уходят, и экскаватор яму закапывает. Зачем? Я знаю ответ: эти люди хотят стать москвичами. А где еще искать в Москве Москву, если не под Москвой?

3. ИЗМАЙЛОВСКАЯ

Наземные участки безобразны, как варикоз на икрах молодой еще, в сущности, женщины.

4. ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПАРК

Собака, входящая в вагон так независимо, с таким достоинством, что язык не поворачивается назвать ее бездомной. Ребенок: «Ты сказала, что поедem под землей. Ну и где же она, земля?» Голубь под сводом, библейски свидетельствующий, что земля близко.

5. СЕМЕНОВСКАЯ

Где встречаемся? У первого вагона — со знакомыми, в центре зала — с чужими, где всегда — с любимыми. Случайные встречи в метро бывают, как правило, приятными: одноклассник, который меня узнал, а я его — только по предъявлении паспорта, учительница музыки, которой пять лет собиралась позвонить, а теперь не реши-

лась подойти, бывшие мужья... В метро, встретившись с любовником, никогда не наткнешься на мужа — и сразу наткнешься на него, выйдя в город, не заметив предостерегающего «Выход в город». Потому что есть Москва и есть город Москва, и мало между ними общего.

6. ЭЛЕКТРОЗАВОДСКАЯ

Московское (города Москва) время: в Измайлове — 10, в Отрадном — 11, в Конькове — полдень. И только в метро все часы мигают в унисон, превращая время в тайный стговор диспетчеров. Поэтому в метро так трудно ждать и так легко догонять.

7. БАУМАНСКАЯ

Еду на свидание, думаю: «Не то! Всё не то!» И двери на станции открываются не с той стороны, в стенку.

8. КУРСКАЯ

Метро — это лекция о психологической топологии пути, о его, пути, дискретности, о темноте как заложнице света, о взаимообусловленности замкнуто-темного и просторно-светлого, об открывании дверей как откровении. Говорят, в Париже двери надо открывать своими руками. Это несколько обедняет философскую мысль.

9. ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Рюдигер, немец, по-английски: «Почему в московском метро линии разных цветов, а вагоны — только зеленые?» А для того же, для чего станции переименовывают: для конспирации.

10. АРБАТСКАЯ

Фотовспышки. Дошлые иностранцы знают, что в метро, где ни снимай, снимешь Москву. А в городе, где ни снимай, обязательно зацепишь какой-нибудь постронний Москве предмет. Даже если снимаешь помойку. Или гостиницу. Или бездомную черепаху. Или москвича крупным планом.

11. СМОЛЕНСКАЯ

Смердящий бомж. Рядом — свободное место. Но надо быть Франциском Ассизским, чтобы сесть рядом. И свято место остается пусто.

— Ты смог бы его поцеловать?

— Смог бы, но не хочу.

— А я хотела бы, но не могу.

Нищие. Ребенок смотрит на них долгим оценивающим взглядом, а потом просит у меня для кого — десятку, для кого — пятёрку. Нищие, как правило, движутся по ходу поезда, крайне редко — против. Однажды я видела столкновение двух противоположно направленных нищих. Они вошли с разных концов вагона. Они остановились. Они молча смотрели друг на друга.

12. ОСТАНОВКА В ТОННЕЛЕ

Сон из тех, что помнишь всю жизнь: эскалатор в час пик превращается в водопад.

Вообще метро снится редко. А когда спишь в метро, ничего не снится. Хотя спят в метро только пьяные. Остальные притворяются. Пьяные же спят честно, всем своим весом приваливаясь ко мне. Я их не бужу. Даже проникаюсь к ним подобием нежности. Пьяных в метро больше, чем в городе. А негров — гораздо, гораздо меньше.

Мне припоминается только одна негритянка. К ней привязался пьяный мужик. Он раскачивался над ней, артикулируя: расселась, обезьяна. А она сидела, старая и страшная, и по ее неподвижному лицу текла непрозрачно-белая, как молоко, слеза.

...и так иногда как-то сразу, обвалью устанешь, что хочется притвориться пьяной, привалиться к соседу и сделать вид, что сплю.

13. КИЕВСКАЯ

«Поезд дальше не идет. Просьба освободить вагоны». Во-первых, идет. А во-вторых, разве это просьба? Это приказ! Потому что дальше — нельзя. Потому что нужно поддерживать иллюзию, что движение возможно только вперед, что оно необратимо. Я туда рискнула только один раз, только с одним мужчиной. И жизнь повернулась на 180 градусов.

14. КИЕВСКИЙ ВОКЗАЛ

А московскую квартиру — сдать. Подруга свою сдавала индусам-коммивояжерам, потом попросила их убраться, а меня — помочь убраться после них. Индусы оставили жуткий бардак и ящик неношенной обуви — всех размеров, фасонов и цветов. Накинулись, как Золушкины сестры, — примеряли, выбирали... И вдруг поняли, что все туфли на одну ногу. Раскидали, прикидывали, спаривали — все на одну. Матерясь, покидали все в ящик и вынесли на помойку. А когда я понесла выбрасывать следующий ящик, с рекламными проспектами, возле контейнера копошился возбужденный бомж — прикидывал, спаривал. Еще через полчаса возле помойки никого не было, а обувь была аккуратно сложена в контейнере.

15. ПОСЕЛОК ВНУКОВО

Если в Москве где-то и есть Москва, то она — в Подмосковье. Там, правда, уже нет кузнечиков, но еще остались воробьи. А в Москве не только воробьев — крапивы нет! А раньше была. Раньше у нас в Измайлове даже кузнечики были. И зелени столько, что из окон нашего первого этажа не было видно дома напротив, а во дворе можно было без помех играть в роддом. Теперь все голо. И видимость такая, что соседи приветственно машут руками, увидев меня в окне. Однако рябина, посаженная папой в честь моего рождения, и береза — в честь Сережиного, чудом сохранились. Сережина береза даже переросла нашу пятиэтажку. Вообще дома должны оставлять деревьям шанс себя перерасти. Жилые дома.

16. ШЕРЕМЕТЬЕВО-2

Вернуться. Войти в сине-зеленый вагон. Плюхнуться на мягкое, покрытое выразительными вмятинами коричневого сиденье. Поподпрыгивать. Поджать под себя ноги.

V

П РА В И Л А

П Р О В Е Д Е Н И Я Л Е Т А

В д в е н а д ц а т и в р е м е н а х

1. КАК ДОТЯНУТЬ ДО ЛЕТА

(Past Continuous)

1.1. Как летчик: горючее кончилось, остается планировать, планировать, планировать, как ты планируешь провести лето?

1.2. Как дождевой червь, наполовину круглый, наполовину плоский, волочащий себя по асфальту под колеса велосипеда.

1.3. Так долго искала, что, найдя, продолжаю искать
Так долго ждала, что, дождавшись, продолжаю ждать
Так долго говорила, что, умолкнув, продолжаю говорить
Так долго жила

1.4. День рождения. Многая лета
= пожеланью дожить до лета
= пожеланью, чтобы этого лета
было много.

1.5. Старый друг лучше новых двух.
Старых два лучше новых четырех.
Старых четыре лучше новых восьми.
Старых восемь лучше новых шестнадцати.
Старых шестнадцать лучше новых тридцати двух.
Старых тридцать два лучше новых шестидесяти четырех.
Старых шестьдесят четыре лучше новых ста двадцати восьми.
Старых сто двадцать восемь лучше новых двухсот
    пятидесяти шести.

Прости.

1.6. Во что играют в сиротском приюте?
В дочки-матери и войнушку.
Во что играем, серьезные люди?
Смотрим «Вести», дышим в подушку,
мастера художественного перевода
долларов в рубли, рублей в литры,
литров — в строки о судьбах народа,
строк — в доллары и молитвы.

1.7. — Ну полный атас! —
Уронила мобильник в унитаз.

Полезла в кладовку за палкой — подбила глаз.
Выловила — погас.
Мать твою, связь!
Так и не добралась
до вас.

1.8. с гнилых мостков
солдатином
бомбочкой
вперед ногами

1.9. против течения крови
то по-собачьи, то кролем
плыть к истоку любви
и захлебнуться в крови

1.10. Прикинуться мертвым, чтобы тебя не тронула смерть.
Прикинуться твердым, чтобы тебя не тронуло тленье.
Прикинуться стертым, чтобы тебя не пытались стереть.
Прикинуться чертом, чтобы не выпачкать оперенья.

2. КАК ПРОВЕСТИ ГРАНЬ МЕЖДУ ЛЕТОМ И НЕЛЕТОМ (Future Perfect)

2.1. *Перечень берез.*

2.1.1. Зимой березы — рифма к слову «морозы».
2.1.2. Весной березы — арестанты на прогулке.
2.1.3. Летом березы — сто один долматинец. И сиамские кошки — сосны.
2.1.4. Осенние березы — ремонт, стены оклеены газетами, страшные заголовки, на полу — обрывки старых обоев, желтые с обеих сторон.

2.2. «Лиза, гулять пойдешь?» весной значит — из дома во двор, летом значит — со двора на улицу, делать из битого кирпича домик для мышки.

2.3. волос голос колос
волосы голоса колосья
косицы пшеницы
птицы

2.4. Тело говорит ДА или НЕТ.
Тело не знает слова НЕ ЗНАЮ.
Не знать — привилегия интеллекта.

2.5. *Перечень ветров.*

2.5.1. Ветер, что тебя принес.

2.5.2. Ветер, что тебя унес.

2.5.3. Ветер, который где-то носит кого-то.

2.5.4. Взвизги стекол. Свет. Сквозняк.

Занавеска на сносях.

Первый выход на улицу без колготок.

2.6. Чем крупнее становишься,
тем труднее размениваться,
тем легче говорить:
— Сдачи не надо.

2.7. «Правила пользования метрополитеном.

На территории метрополитена запрещается:

2.11.5. Передвигаться на мотоциклах, велосипедах, самокатах...

2.11.6. Проходить и находиться на станциях без обуви...

2.11.20. Разводить костры».

2.8. детство № весна

детство = лето

осень < зрелость

зима > старость

весна @ бессмертье

2.9. Граница зимы и весны — велосипедный след на снегу.
Граница весны и лета — велосипедный след у воды.
...антоновка на подоконниках

...звонок Прокопьяча:

— У вас взломали сарай, украли велосипеды.

2.10. больной ребенок

больной старик

слава богу поел

слава богу покакал

дальше разница

больной ребенок

слава богу уснул

больной старик

уснул Господи помилуй

3. КАК ВЕСТИ СЕБЯ ЛЕТОМ, ЧТОБЫ ОНО ПРОДЛИЛОСЬ (Present Continuous)

3.1. Читать все лето одну книгу, толстую, скучную, переводную, почти дочитать.

3.2. Когда мама кричит: «Обедать!», делать вид, что не слышишь, что читаешь книгу, толстую, переводную, отзывать только с третьего раза: «Сейчас, главу дочитаю!»

3.3. После обеда ложиться поспать, стараться уснуть, не уснуть, стараться, долго не брать книгу, скучную, переводную, брать, стараться читать, прислушиваться, не зовет ли мама ужинать, а когда позовет... (См. 3.2.)

3.4. Задачу повышенной трудности «Какое сегодня число?» решать обратным счетом, к примеру: Миша придет пятнадцатого, Миша придет через пять дней, значит, сегодня десятое, но это при условии, что Миша придет, а если нет?

3.5. Все считать: количество шагов до речки, ягод на ветке, колорадских жуков в банке, поцелуев, оргазмов, букв, мух, размазанных по обоям.

3.6. Гадать по ромашке, растущей в пяти шагах — целых пяти, не дойти! — на глазок, в уме отрывая за лепестком лепесток, все время сбиваясь — то бабочка, то кузнечик, то ветер.

3.7. Входить в воду по щиколотку и глубоко задумываться, почему мальки здесь такие большие, а рыбки такие маленькие, чуть ли не меньше мальков.

3.8. Смотреть, как солнце опускается, а свет поднимается по листьям ветел, по траве холма, по лесам вокруг колыбели, по суставам свежепозолоченного креста.

3.9. Следить за луной, идущей по клетчатому окошку, как пешка в ферзи, засыпать на четвертом ходу, на поле h7, просыпаться от яркого солнца на поле h8.

3.10. Писать посреди двора, посреди звездного неба, искать Сириус, не найти, сесть в лужу.

4. ЗАДАНИЕ НА ЛЕТО (Present Indefinite)

4.1. Бросаю ромашку — делаю речку чище.
Пускаю кораблик — делаю речку шире.
Вхожу в воду — делаю речку теплее.
Плыву по течению — ускоряю течение.

4.2. жизнь как ссылка —
ссылка на источник —
на источник света —
света жизни —

4.3. Скромность — сытая гордость.
Гордость — голодная скромность.
Что пожираешь, гордость?
Чем тебя рвет, скромность?

Я искусала пальцы
и рот изнутри до крови.

Я изрыгаю признанья
в любви, бескорыстной и чистой.

4.4. колорадский жучок
на
колорадской жучке
любо-о-овнички
кончите в банке
дуэт
Аиды и Радамеса
!

4.5. «Имаго» — половозрелое состояние у насекомых.
В сущности, имажинизм и акмеизм — одно и то же.

4.6. С кем я могла бы играть в четыре руки?
С Пастернаком — наверняка,
с Цветаевой — вероятно,
с Мандельштамом — едва ли,
с Ахматовой, к сожалению, нет.

4.7. Б.П.
Так виновато целомудрен,
так добросовестно грешишь
и тычешься в колени, в кудри,
как речка в берег и в камыш,
и, выдох поверяя шарфу,
хитер, как мальчик, и пуглив,
баюкаешь больную арфу
на ветках вавилонских ив.

4.8. *Примерный перечень книг для чтения летом.*

4.8.1. «Когда еще звезды так низко росли, И полночь в
бурьян окунало, Пылал и пугался намокший муслин,
Льнул, жался и жаждал финала». (Пастернак, «Степь»)

4.8.2. «На место первоначальной поэзии разума и правды в воображение вторглась чувственная и лживая поэзия; и эта могучая способность, созданная для того, чтобы представлять себе то, что лишено образа, проникать взором в невидимое, стала с тех пор применяться лишь на то, чтобы сделать осязаемое еще более осязаемым, земное еще более земным». (Чаадаев, «Философические письма к даме»)

4.8.3. «Если человек не создан для Бога, почему счастлив он только в Боге? Если человек создан для Бога, почему он так сопротивляется Богу?» (Паскаль, «Мысли»)

4.8.4. «Бог готов ежечасно, но мы не готовы; Бог к нам близок, но мы далеки. Бог внутри, но мы снаружи; Бог в нас дома, но мы гости!» (Экхарт, «Духовные проповеди и рассуждения»)

4.9. Стираю, стираю, стираю: носки, трусы, футболки, полотенца, простыни, грань между городом и деревней, поэзией и прозой... Носки не отстирываются.

4.10. 40 зим и 30 лет
задачу без начала
подгоняла под ответ,
которого не знала.
Но зато жила насквозь
без лишнего юродства.
Не сходилось. Не сошлось.
Не сходится. Сойдется.

5. ВЕЧНОЕ ЛЕТО (Past Perfect)

- 5.1. Лес
- 5.2. Поляна
- 5.3. Девочка
- 5.4. Ева

- 5.5. Адам
- 5.6. Подросток
- 5.7. Полдень
- 5.8. Уж
- 5.9. Земляника
- 5.10.

6. МАЛОЛЕТНЕЕ ЛЕТО (Past Indefinite)

6.1. Танька Никольская (3 г.)
сбежала со склона, побежала по ряске,
пошла ко дну далеко не сразу,
и если бы мы не закричали:
«Таня! Таня тонет!»
успела бы добежать до кувшинки,
сорвать, вернуться на берег,
не замочив сандалий..
Ан нет! В слезах по пояс,
а ниже в тине и в ряске,
стоит, дрожит, завывает:
— Кувшинку-у-у!..

6.2. Было? Было. Каждую былинку,
камышинку и на ней личинку,
лика речки каждую морщинку,
водомерку, лилию, кувшинку,
наизусть — небесную овчинку,
назубок — черничинку, малинку,
поименно — сосенку, осинку,
слово в слово — каждую росинку
помню.
Так помню, что боюсь:
этого места больше нет,
потрачено, как молю, моей памятью.

6.3. Земля пришивается к небу
отделочным швом «елочка».
Земля — шерстяная, плотная,
а небо — тонкая материя,
подкладочная, атласная,
искрящая ночью (синтетика).
И солнце с луной — денежки
в подоле (карман-то с дыркой).

6.4. Малолетним лето велико.
Мерили на два носка, на вырост,
а потом ходили голяком,
босиком. Когда же все сносилось? —
Сапоги, рубашки, свитерки,
игры, песни, книги, разговоры
сношены до дыр. Но — велики.
Впору выбросить. А нам — не впору.

А в Москву приедешь — все мало, парадное, почти
новое, и не в чем идти в музыкальную школу.

6.5. Ваши часики, кузнечики, стоят.
Ваши ходики, кузнечики, не ходят.
Ваши крылья оборвал шестой отряд.
Больше всех старался Кузнецов Володя.
Мы оторванные крылья соберем,
Кузнецова называя идиотом.

Что надкрылье возвышает над крылом? —
То, что пенье возвышает над полетом
и при этом с головою выдает,
идиот, и тот поймет по звуку, где ты...
Соберем и в ряд положим на капот
нашей старой, доброй серенькой «Победы».

6.6. Играем в шахматы. Мухи отдают предпочтенье
пешкам, коням, слонам и фигурам под боем.

Съеденные фигуры их почему-то не интересуют.
А шахматистками интересуются осы.

6.7. Могу купаться,
сколько хочу.
А сколько хочу? —
Сколько могу
и еще минутку,
и еще минутку,
и еще минутку
через не могу.

6.8. Два кулачка:
— В какой руке?
— В правой. Ой! —
Бабочка. Улетает.
— А если бы я сказала в левой? Ой! —
Бабочка. Улетает.

6.9. речка
      течет
лодка
      плывет
папа
      гребет
я
      сплю
свернувшись
      клубком
на корме

6.10. ступни
      ангела
      пахнут
      теплым
      ржаным
      хлебом

7. КАК ВЕСТИ ДНЕВНИК ЛЕТОМ

(Present Perfect)

7.1. Паук, за ночь сплетающий паутину в очке сортира. Каждую ночь.

7.2. *Перечень ос.*

7.2.1. читаешь вслух

оса у губ

над ухом

7.2.2. лет семи

в лесу

наступила на осиное гнездо

бежала жалили

кричала жужжали

бросилась в речку

жалели вынимали жала

если я и москвичка

то по имени той реки

7.2.3. лезут под платье —

знают, мерзавки,

что я без трусов!

7.3. совокупаемся

потом ебемся

потом любимся

потом занимаемся любовью

потом трахаемся

потом бежим на речку

и наши головастики

уплывают вниз по течению

7.4. Вдыхая выдох:

какой он сладкий,

твой углекислый газ!

Глотая слезы:
какой он сладкий,
твой малосольный глаз!
Кусая губы:
какой он сладкий,
горько смеющийся рот!
Не плачь. Не смейся.
Все в порядке.
Сегодня никто не умрет.

7.5. Под ивой гибкой
над той рекой
слежу за рыбкой
одной, другой,
молюсь с улыбкой
за упокой.
Дедушка Федя,
пойдём скорей
в небесной тверди
копать червей.
Первейшей смерти
любовь первей,
аминь. Рыбалка.
Вечерний свет
Плотвичку жалко,
а щуку нет.
Нет, тоже жалко.
Отпустим, дед?

7.6. *Перечень поцелуев.*

7.6.1. П. «малина из-под ливня».

7.6.2. П. «Горячо? А ты из блюбочка!»

7.6.3. П. «Неспящая красавица».

7.6.4. П. в Ю.

7.6.5. П. — ассорти, найди мне с белой начинкой.

7.6.6. П. «Вечная агония мгновенья».
7.6.7. П. «Пожар в аду».
7.6.8. П. «Млекопитаинство».
7.6.9. П. вприкуску, потом внакладку, слишком
сладко? А ты не размешивай.

7.7. Я описываю дом.
Ты описываешь сад.
Мы пишем в окно
по очереди,
почти не просыпаясь.

7.8. Сон
в душную ночь
на раскладушке
под открытым небом
укрывшись от комаров с головой:
Константин Боровой
пишет под мою диктовку
отвлекается пристает целует
— Хочешь, я куплю тебе троллейбус?
— Нет. Лучше трамвай.

7.9. в огороде, на лавке, нагишом, под палящим солн-
цем (русской поэзии?), и папа, проходя мимо, всякий раз
больно бьет меня по заднице: «Бездельница! Лежебока!»

Не бей лежачую — это работа.
Видишь? — Полный пупок пота.
— Пап, купаться пойдём?

7.10. не то бесы
не то комары
и лупишь себя по щекам
в темноте
что есть силы

8. КАК ПРОВОЖАТЬ ЛЕТО (Future Continuous)

8.1. Ритуальные проводы лета:
погребение туалета.

8.2. крапива почти животное
курица почти птица
я почти человек

8.3. Никто — ни я, ни Миша, ни Сережа — не помнил, как делаются бумажные кораблики. Папа сказал, что помнит, но сделать не смог. Сделала Лиза, предварительно прочтя, критикуя и хмыкая, все приговоренные стихотворения. Надрезали сверху, вставили деньрожденьческую свечку и понесли испытывать на пруд. Плывет! С развевающимся языком пламени на мачте, то вспыхивающим, то потухающим на ветру! (Лиза: «Как вдохновение».) Ночью взяли десять корабликов и пошли на речку. Зажгли свечки, закатали штаны, вошли в воду, выпустили. Они вытянулись в линию, но почти не двигались — ни течения, ни ветра. И почти не сгорели — так, немного сверху, вокруг свечек. Которые пошли на дно. А кораблики остались. Тогда мы их собрали, принесли домой, расправили, увидели, что практически все стихи читаются, высушили, сказали «Рукописи не горят» — «Корабли тоже» и сложили книгу. Она могла бы называться «Огонь, вода и медные трубы», если бы уже не называлась «Площадь соловецких юнг». Но о юнгах в ту ночь никто почему-то не вспомнил.

8.4. вступая в тот возраст, в котором Маяковский застрелился, а Пастернак переделал ранние стихи

8.5. Искусство фуги.

Тема: рыбак копает червей

Ракоход: рыбак закапывает червей.

Обращение: рыбака закапывают к червям.
Ракоход обращения: черви копаются в рыбаке.

8.6. Вечерние ласточки, словно рабочие сцены,
привычно приводят в порядок площадку для звезд.
Небушко-небо, твои подарки бесценны —
никак не продашь, не заложишь, непустишь в рост.
И льется на землю бесхозное звездное млеко
от века до века, и тьму вопрошает пиит:
мартышкин труд превращает меня в человека.
Что же в подобие божье меня превратит?

8.7. Перевести облако через небо;
перечитать дождик от корки до корки;
нарисовать пейзажи в оконных рамах;
вызубрить даже то, что задано устно
и, засыпая, духу, звенящему в ухе
«Будь готова!», ответить «Всегда готова!».

8.8. денежку солнца
бросила за горизонт
чтобы вернуться

8.9. и почти до зимы
носить под одеждой
белый купальник
в знак верности лету

8.10. Приеду.
Бегом к пианино.
Сыграю:
— Ну как ты?
Услышу:
— Минорно —
сыро, душно...

Рвану окна:
— Гуляй, воздух!
Услышу:
— Как, уже осень?

9. КАК ПИСАТЬ СОЧИНЕНИЕ
«КАК Я ПРОВЕЛ ЛЕТО»
(Future Indefinite)

- 9.1. загодя
- 9.2. в мае
- 9.3. в начале мая
- 9.4. когда пойдет снег
- 9.5. подражая тополиному пуху
- 9.6. или цветению вишен
- 9.7. даже яблонь
- 9.8. и будет идти целый день
- 9.9. целый день рождения
- 9.10. а мы-то собирались играть в классики!

10. КАК Я ПРОВЕЛА ЛЕТО
(Past Perfect Continuous)

- 10.10. День
- 10.9. рождень-
- 10.8. рождень-
- 10.7. рождень-
- 10.6. рождень-
- 10.5. рождень-
- 10.4. рождень-
- 10.3. рождень-
- 10.2. рождень-
- 10.1. Я.

11. С КЕМ Я ПРОВЕЛА ЛЕТО,
ИЛИ ПЕРЕЧЕНЬ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ
(Present Perfect Continuous)

11.1. *Папа (все лето в командировке).*

Прошлое ревнует к будущему,
как отец к жениху.

Это он-то, все время ворчавший:

— Когда же ты выйдешь замуж!

11.2. *Лиза (забираясь ко мне под одеяло).*

— Мам, у меня есть для тебя хорошая новость.

Сказать, какая? Я счастлива.

11.3. *Бабушка Роза (спит в гамаке).*

Стареть не страшно. Но стареть
быстрее своих грехов
еще страшнее, чем смотреть
на спящих стариков.

11.4. *Наташа (где Наташа?).*

Дочери на пейджер:

— Срочно позвони.

Господу на пейджер:

— Спаси и сохрани.

— Мам, я у Кирилла.

Ну хватит, не кричи.

Значит, получила.

Значит, получил.

11.5. *Мама (собирает колорадского жука, хотя Валерина жена сказала, что он уже не опасен, раз картошка отцвела).*

Не молчи, не прячь зрачков,

не ищи в ботве жучков.

Есть еще вечерний свет

и слова, которых нет.

11.6. *Серезжа (идет к машине).*

Почему так сутулишься?
Боишься стукнуться о притолоку неба?
Споткнуться о порог горизонта?
Не донести до калитки свой атмосферный столб?

11.7. *Мишины старики (папа в больнице, мама не выходит из дома).*

Любить смертных за то, что смертны?
Нет, за то, что бессмертны.
Но как старики сдали за лето,
стали сонливы, инертны,
неразговорчивы, на полуслове
смолкают, сидят неподвижно...
И я со всей своей любовью
чувствую себя лишней.

11.8. *Миша (Миша, Миша, Миша).*

Ментальное монументально
и в то же время моментально,
как фотография на паспорт
в метро.
— А можно вдвоем?
— Нет. Только по одному.
Будете по одному?
— Будем по одному?
— Не будем.

11.9. *Я (маленькая ночная серенада).*

под зонтом,
под кустом,
нагишом...
Хорошо
помочиться
на травку
под дождичком!

11.10. *Данилка (заболел).*

Анечка
младшая дочь молочницы
заходит во двор
ищет Данилку
не находит
стоит
не уходит
качает пустой гамак

11.10. — *bis. Все в сборе (обедаем).*

Анечка
младшая дочь молочницы
заходит во двор
подходит к столу
загадочно улыбается
достает кружевную тряпочку
медленно разворачивает
показывает
в глазах торжество
в тряпочке спящая рыбка

12. ЛЕТА

(Future Perfect Continuous)

опять
забыла
как
называется
эта
река
какая
река
вспомнила
Лопасня

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ПОЦЕЛУЯ

For Steven

*

Нагота, объясни наготу,
кто в ответе и что в ответе?
Только сказанное в темноте
актуально на том свете.
Там, на третьем реки берегу
перед кем-то огненнокрылым
только тем оправдаться смогу,
что тебе в темноте говорила.

*

я сама себе
не ровесница
не наперсница
не соратница
как аукнется
так воскреснется
как полюбит
так обманется
как воскреснется
так откликнется
как получится
так получится

я сама себе
не защитница
не сообщница
не попутчица

*

Изнывая от старанья,
я ваяю, я леплю
изваянья из дыхания
под названием *люблю*.
Ручки, ножки, огуречик.
Не похоже ни хуя.
Видно, назначенье речи —
отречение от нея.

*

Пряча страх за небрежностью,
гнев выдавая за милость,
пытаешь меня нежностью,
чтобы я проговорилась,
где моя смерть скрывается,
как будто и так не ясно:
в твоих настойчивых пальцах,
в твоих надеждах напрасных.

*

Верю тебе так, что если застану
в постели с другой, не поверю своим глазам.
Так вот что такое любовь! — Сотворенье Адама.
И у меня наконец получился Адам.
Если б ещё избавиться от змеиной
ревности, если б ещё не видеть во сне

тех, кто остался бесформенной красной глиной,
недолепленных, неудавшихся мне.

*

Счастье — центр тяжести.
Тут, в крестцовой области.
А с тобою ляжешь — и
станет центром лёгкости.
О, преобразование
любимого облика,
о неодолимое
притяженье облака!..

*

Вероотступница, мученица
раскаянья и стыда,
нянчу за пазухой сердце — птенца,
выпавшего из гнезда.
Кто же о нём позаботится, кто
вырастит? Вот и пою,
чтобы подбросить в чужое гнездо
хищную нежность свою.

*

Настоящее — это настой
из нестоящих вроде вещей,
но стоящих над самой душой,
чтобы вещими сделаться в ней,
став соавторами букваря
немоты, наготы, чистоты..
Настоящее — это сто *я*,
потрясённых единственностью *ты*.

*

Удобряю ресницы снами.
Гуще некуда. Нет длинней.
Я-то знаю, что будет с нами.
Но судьбе всё равно видней —
убаюкает и разбудит,
и подскажет разгадку сна...
Я-то знаю, чего не будет.
Но надеюсь, она не зна...

*

Знаешь, чего тебе не хватало? —
Доли презрения, без которой
женщину на спину не опрокинуть,
чтобы барахталась, как черепаха,
чтобы дошло до бездушной дуры,
что самой не перевернуться.

*

Дидона, блин, Этери
сомнительных кровей!
Нашла себе потерю
и ну носиться с ней.
Все песни кровью в горле.
Все волосы в золе.
Как будто, кроме горя,
нет счастья на земле.

*

Не мысль, не чувство, — ощущение
всего телесного состава,
что новая любовь — прощенье
за то, что сделано со старой,

что сладок поцелуй Иудин,
что он желанен Назорею...
Прощение за то, что будет
позднее сделано и с нею.

*

Промокашкой слёзы вытерла,
нож достала из пенала,
кровью ангела-хранителя
отречение подписала.

*

Слушаю сердце.
Систола говорит *да*.
Диастола *нет*.

*

Тараща слепые вежды,
круша миры на ходу,
по трупам убитых надеждой
любви навстречу иду
сказать ей слова — такие,
что их не осилит рот,
как после анестезии,
которая не берёт.

*

По счёту — почести. По смете —
утраты. Радости — в кредит.
Я — сон, который снится смерти.
Тссс, не буди, пускай поспит.

И ты поспи. Любовью выжат,
младенчески прильни ко мне.
Как тихо спит. Как ровно дышит.
Как улыбается во сне.

*

Покой: молчанья полон рот.
И воля: за любовь награда.
Кто-кто, а смерть меня поймёт.
Кто-кто, а смерть мне будет рада
и благодарна: не обол,
зелёный, кислый, неразменный,
несу, но свадебный подол,
а в нём — все яблоки вселенной.

*

Погаси, мой свет,
свет. Иди сюда.
Чем крошечней *нет*,
тем нежнее *да*.
Я сказала *ты*,
как из-за плеча
вечной темноты,
вечного молча.
Нежность, нелегко
дался твой урок:
не предсмертность, — по-
смертность лучших строк.

*

У любви, как у солнца и радуги
нету профиля — только фас.
Я с моей сокрушительной радости

не спускаю заплаканных глаз.
Я уверена: сроки пробили.
Я готова бессмертьем болеть
и хозяйке бесчисленных профилей
не колеблясь в глаза посмотреть.

*

...покуда певчий кузнечик
скуёт нам пару колечек,
скажи мне пару словечек,
которые порчу лечат
и ангелов человечат...

*

Рождаюсь. Значит, умерла.
Как и когда, убей, не помню.
Кто отливал колокола
и поднимал на колокольню,
кто отпевал любовь мою,
не помню. Кто диктует оды,
не ведаю. Но узнаю
того, кто принимает роды.

*

байковая, кисейная
ебелька колыбельная

ласковая, печальная
ебелька поминальная

муторная, морковная
ебелька нелюбовная

гулкая, властная, тесная
ебелька бестелесная

*

Подозрения выдавать за сон,
чтобы трактовать наоборот,
говорить с любимым в унисон,
чтоб не замечать: любимый врёт,
и, плутая в лабиринтах лжи,
осатаневая от вранья,
спрашивать у спящего: скажи,
кто из нас неверен, ты иль я?

*

Вита нуова, здорово!
Я, как всегда, не готова:
я прижилась во гробе,
пустила корни в утробе,
пригрелась в разношенной шкурке...
Вотще! Огрызки, окурки,
обломки, обмылки, клочья...
О ненасытность волчья!

*

любовь из меня делай
сырьё всегда под рукой
а рядом живут девы
в подолах носят покой
будем с ними помягче
поласковой понежней
может дадут понянчить
даже на несколько дней

*

сначала
кончала

*

Всё резче линии руки,
каракули слепого плуга.
Узнаю ли, как старики
ласкают перед сном друг друга?
Как устоявшийся уклад
расшатанные лечит нервы?
Что, засыпая, говорят?
Боятся ли проснуться первой?

*

Вестибулярный аппарат —
совесть. Иду по канату.
Тетивой натянут канат.
Разлюбленный мой, не надо
любить меня в спину! Итог
едва ли будет двуспальным.
Чем доблестней ты одинок,
тем сладостней быть печальным.

*

январским белым днём
как здорово родной
отшельничать вдвоём
в раковине ушной
о шёпот голос без
почерка без примет
мороз-головорез
здесь потеряет след
до ночи шу-шу-шу
назло календарю
то что сейчас скажу
замертво повторю

*

Жизнь в посудной лавке...
Мы, слоняясь по ней,
знали цену ласке,
знали: она ценней
боли, знали, сколько
в ней процентов земли...
Из сотен осколков
склеить чашку могли.

*

Два кольца. Два конца.
Утро в двуспальном гробе.
Без обручального кольца
мёрзнут руки. Обе.
Вольно, ангельский конвой!
Вечный покой покинут.
Без венца над головой
ноги под утро стынут.

*

Я — царапина
у детства на коленке.
Скоро заживёт.

*

Не знаю, когда ты во мне заживёшь,
когда перестанешь болеть.
Но знаю: это лучше, чем ложь,
правильней, чем смотреть
в глаза крест-накрест, чем засыпать
под колыбельный мат,

чем соглашаться: ты прав, я блядь,
но — тише, девочки спят.

*

Ничьи зубные щётки,
ключи не от чего...
Мучительно нечётки
черты минувшего.
Как жалко, что не жалко,
что прошлое пройдёт!
Пальто давно на свалке,
а пуговица — вот.

*

Двумя руками держусь за палец,
всем нетто-брутто вишу на шее...
Я знаю — ты у меня страдалец.
Я мёртвой хваткой тебя жалею
настолько, что никогда не брошу.
Ломая руки. Целуя ноги.
Народ лукавит: своя-де ноша
не тянет. Тянет. Всю кровь. Все соки.

*

я с отцовским семенем впитала
лёгкую науку умирания
я уже в утробе умирала
о привычка делать всё заранее
с вечера укладывать тетради
просыпаться до звонка будильника
узнавать в лицо разлуку глядя
по спине любовного подельника

*

Нежность больше не делится
на сострадание и страсть.
В цельное легче целиться,
но труднее попасть.
Здравствуй, министр утренних
дел, кофейных кантат
автор! В моём целомудрии
ты один виноват.

*

Нет ученицы старательней —
вроде пора научиться
не материться при матери,
вместе со всеми молиться,
не тяготиться разлукою,
верить далёкому другу
и не писать, как баюкаю
по ночам телефонную трубку...

*

Перед дальней дорогой
приляжем, старина!..
Первых любовей много,
последняя — одна.
Продлись, помедли, лето —
исправительный срок
улады напоследок,
ласки через порог...

*

Нежность — растворение.
Растворим все пять

чувств. Рас-сотворение,
сотворенье вспять.
Мой усердный, смежный мой,
ненасытный мой,
тише, не размешивай,
пусть — само собой...

*

старый добрый приём
чтобы воочью
звёзды увидеть днём
радугу ночью
вечное во плоти
плотное в духе
будущее в пути
родинку в ухе

*

Всё пройдёт, чаянье и отчаяние,
и тогда мы в два пера на пару
меканье, мычанье и рычание
извлечём из слова «мемуары»:
состязаясь в скромности с Горацием,
вскроем тайны, сны перепроверим,
а потом такой финал забацаем,
что и сами не вполне поверим.

*

Объяття — кратчайший путь
от твёрдого знака до мягкого,
от *я* до другого *я*.

*

Песенки, басенки и антраша
милого демона...
Страсть — пуповина, которой душа
к телу приделана,
к сахарным косточкам прикреплена.
Прочно? — Не очень-то...
Скачет, прекрасна, смешна, влюблена,
дочь, безотцовщина.

*

Встретив на улице первый снежок,
вспомнила мятный зубной порошок.
Хватит ли, память, во рту холодка
на три шажка, на четыре стишка?

*

Осенний снег, десант парашютистов
не долетел, запутался в ветвях.
Злорадство. Подозрение: где чисто —
там холодно. Воспоминанья. Страх
за девочек — опять ушли без шапок.
Разведчик, искустель, душелов,
осенний снег по-гумбертовски падок
до девичьих растрёпанных голов.

*

Политкорректность: диалоги —
как из учебника английского...
Слова — такие недотроги,
но так умеют руку стискивать!

Побита телефонной картой
географическая — слышимость,
как будто — за одну партой,
а детство — общая недвижимость.

*

На старом сломанном диване,
на пыльном рваном покрывале
прикладывали рану к ране,
и раны сразу заживали.
Но, воровато озираясь,
стыдясь, не говоря ни слова,
мы друг от друга отрывались,
и раны открывались снова.

*

Уснём спина к спине,
потомки андрогина.
Эй, повернись ко мне,
любимый, половина!
Увы — внезапный сон
сам выбирает позу.
Ужо тебе, Платон! —
Железом, без наркоза...

*

Белым по белому — вышивка сединой —
время отделано. Что тебе вышить, родной? —
Облако, ангела, лебедя, дом над водой?
Тёмного волоса много прочнее седой.

*

Скоро сорок лет
молоточки струны бьют.
Войлок весь в рубцах.

*

Весь день хожу в одном носке,
пирог в духовке забываю.
Огонь в заветном очаге
твоим дыханьем раздуваю
и греюсь. Много долгих дней.
Любовь, а ты не обманула,
что нету ничего важней
под рёбрами печного гула?

*

Горючие слёзы — горючее,
лучшее жидкое топливо.
Душа моя, что ты канючила,
подмывшись слезами, сопли — во? —
Любви? Утешения в старости?
Покоя? Прощенья? Спасения?
Увы мне! — Всего лишь скорости.
Движения. Обновления.

*

Ты всё время рядом,
ты со мной всё время —
двадцать пятым кадром
на экране зренья.
Радужки отрада,
взгляда оперенье,

ты всё время рядом.
Приезжай скорее!

*

Ложится снег на мёртвую траву.
Изнемогает сердце вторить чуду.
Утешься: я тебя переживу.
Не сокрушайся: я тебя забуду.
Всех веселей среди весёлых вдов
в угаре, в опьяненье, в вихре вальса
смущать мужчин, сводить с ума юнцов
я буду. Обещаю. Не печалься.

*

стирала плохо выжала
всю ночь течёт с белья
не знаю как я выжила
и выжила ли я
никак не отмывается
пятно на полспины
любовь с виной тягается
но силы не равны

*

Тебе повезло: ты не видел меня,
когда тебя нет рядом.
Ты бы меня не узнал: ни огня
во взгляде, ни самого взгляда,
ни лица... Фотография на
паспорт, привет из ада,
спящая красавица с бодуна,
рекламная дура с плаката.

*

Два в одном: и дочь, и мать.
Девственна. Беременна.
Жить: саму себя рожать
от мужского семени.
Плакать: то ли не в коня
корм, то ли бескормица.
Чаще зачинай меня,
чтобы мне не кончиться!

*

Как ни цепляйся за палец,
видно, придётся взрослеть.
Там, где кончается память
и начинается смерть,
нежность становится зрячей
и умоляет: живи!
Как в детстве после долгого плача,
всхлипываю после любви.

*

Надежда спит одетой.
Вера спит стоя.
Любовь вообще не спит,
встаёт, одевается: *где ты?*
Сидит в темноте: *кто я?*
Когда он меня простит?

*

Выварю. Пересолю.
Выкипачу. Створюжу.

Я повторяю *люблю*,
чтоб заглушить я *тоже*,
ибо не можем, любя,
знать ничего наверно,
ибо любовь, на себя
принятая, чрезмерна.

*

Столько слёз, ошибок, фраз,
сил, огня,
чтобы твой последний раз
был — в меня,
чтобы после без помех
в райсаду
пополам делить, как грех,
чистоту!..

*

Сквозь кашель и слёзы и смех:
— А вдруг я зачала в лёгких,
и скоро у нас родится
двойня — эльф и сильфида?

*

Между берегом и буюм
по воде летать ползком.
Захлебнуться поцелуем.
Удавиться волоском
нерождённого ребёнка,
бросив тех, что рождены.
Совесь — частая гребёнка.
Берег. Буй. Колтун волны.

*

Думаешь, я ревную? — Ну что ты!
В дальней твоей стороне
должен же быть у тебя хоть кто-то,
чтоб говорить обо мне,
чтобы делить пустые заботы,
чтобы пальто подавать,
чтобы не так бояться... Хоть кто-то,
чтобы меня целовать.

*

Сердце упало, сердце взлетело,
великий могучий язык
рассыпался, как уголовное дело
за недостатком улик,
радость раскинулась тысячью свадеб,
и не осталось следа
от вечного страха, что жизни не хватит,
чтобы сказать тебе *да*.

*

Ласкаю тебя.
Любуюсь своей рукой.
Пальцы прозрачны.

*

засыпать из твоих рук
просыпаться в твои руки
замыкать непорочный круг
еженощной проточной разлуки
ты меня из дремучих пещер
осторожен внимателен знающ

извлекаешь как акушер
и как матери тьме вручаешь

*

Уронив седую голову,
одиночество поётся.
Раздаётся песня поровну.
Половина остаётся.
Помолчи, шарманка, мельница,
механическая птица!
Всё равно уже не верится,
что бессмертье повторится.

*

Оставлены после уроков
доделывать трудный урок.
Ночная учебна тревога
любви — умирания впрок.
Согреемся маленькой верой,
утешимся мыслью простой,
что станет последняя первой
любовь за последней чертой.

*

Бил по лицу ногами,
жёнку, неженку, соню.
Помню себя словами.
В ощущениях — не помню.
Если боль протокольна,
сострадания не надо.
Бей. Словами — не больно
и, возможно, неправда.

*

Было? Да. Хоть и не верится.
Будет? Да. Хоть и не хочется.
Я сама себе наследница.
Я сама себе пророчица.
В каждой строчке — завещание.
На полях — смешная рожица.
Вместо рифмы — обещание,
что наследство приумножится.

*

Как подобает рабе,
цепью прикованной к счастью,
вдох оставляю себе,
выдох тебе возвращаю,
всё оставаясь в долгу.
Бог, я тебя обманула:
я никогда не смогу
выдохнуть то, что вдохнула.

*

Плакать, чтобы округлить
в сторону увеличения
горе, чтобы обобщить
с ним другие огорчения,
чтобы эту всю несущую
разность дивного и злого
уместить в одну слезу,
раз нельзя — в едино слово...

*

К тебе.
Сбивая каблуки.
Ломая вёсла, крылья, лыжи.
Со смертью наперегонки.
Отрыв всё меньше.
Ты всё ближе.

*

Если близость нас не разлучила,
то разлуке не на что надеяться.
Я тебя как песню разучила,
и теперь ты никуда не денешься,
даже если денешься куда-то.
Запою — и лодочка причалила...
А если надоели серенады,
поцелуй — узнаешь вкус молчания.

*

Что в остатке — половина? Треть?
Лето пролетело. Я всё пела.
Или, Господи, велишь мне петь,
чтобы яблоки твои не ела?
Я не ела. Надкусила лишь
нежность, боль, блаженство, горечь, жалость...
Или, Господи, мне петь велишь,
чтобы слаще яблоко казалось?

*

Как же всё-таки клёво,
ново, забыто, смело,

если вначале слово
люблю, а потом тело,
если *люблю* не значит
не плачь, прости, спасибо,
если любящий плачет
лишь от избытка силы!..

*

Танго: мои любовники
с твоими любовницами.
Ишь, какие тоненькие!
Ишь ты, как хорохорятся!
Выгибаются, модницы.
Наседают, прелестники.
Давай тихонько смоемся
целоваться на лестнице...

*

Лаская тебя, ласкаю тех, кого ты ласкал.
Целуя тебя, целую тех, кого ты любил.
Возлюбленный, почему ты так долго меня искал?
Единственный, почему ты так часто меня находил?
У них неразвиты груди и дальнозорки соски.
Они ничего не умеют — ни ласкать, ни любить,
даже присниться толком. Господи, помоги
полюбить любимых тобою, забытых тобой пожалуйть!..

*

Посмертной ревности озноб
и поджелудочное жжение...
Соперница теней и снов
обречена на поражение.

Они — волшебных слов зола,
росы на розах переливы.
Она стара, безумна, зла,
смешна, измучена, плаксива.

*

Что моя она
говорит твоему ему?
Что она верна
и рада ему одному,
что она полна,
что я тебя не пойму
никогда, что она одна
знает, что к чему.

*

В утешенье
сделал мне предложение,
отклонённое
тебе в утешенье.

*

Разве может знать беглец, скиталец,
в темноте курящий до зари,
как мечтает безымянный палец
о колечке с именем внутри?
Не присяги ради лицемерной,
не для подтверждения птичьих прав, —
только для того, чтоб знать наверно,
кто ты: Лоэнгрин? Амур? Калаф?

*

На́ два дома: то в аду, то в раю.
На два мира: то в родном, то в ином.
На две буквы: буква Я, буква Ю.
На два фронта: там отбой, тут подъём.
Что же делать? Не мигая, смотреть,
как срастается вода за кормой,
в ожидании, когда жизнь и смерть
рассчитаются на первый-второй.

*

Пишется слишком длинно:
женщина и мужчина,
но сокращается на
три слога: *муж и жена*.

*

Сердце — кладоискатель
простукивает грудь.
Сердце моё, бога ради,
есть ли там кто-нибудь?
Есть. Под сердцем, в предсердьях,
около сердца и в.
Что же? Остатки бессмертья,
Лиза, Наташа и Стив.

*

В сумрачном краю
шуточных пощёчин
чуткое *люблю*
прячется за *очень*.

Родина стыда —
родина обмана...
Я сказала *да*?
Неужели? Странно...

*

Река. Многострунная ива.
Кузнечики. Влажный гранит.
На нём — полужирным, курсивом:
***Здесь Павлова Вера лежит,
которая, братья-славяне,
сказала о чувствах своих
такими простыми словами,
что, кажется, вовсе без них.***

*

Нежность нежности: нежу спящего.
Мера нежности: не бужу,
непричастная шантажу
вожделенья. Оно навязчиво
и бестактно. Она застенчива
и торжественна. Ей одной
доверяется твой покой,
золотое твоё младенчество.

*

Блаженная, блажная,
взахлёб, без задний ног
любовь. Ещё штрафная?
Уже на посошок?

*

Одиночество. Корень *ночь*.
Но извлечь одиночество с корнем
мне никто не сможет помочь.
Вместе ляжем, отдельно утонем
в утаённом и порознь всплывём,
переглядываясь виновато.
Мне совсем ничего не понятно
в сновиденье прекрасном твоём.

СТАНСЫ

1.

Вот: прочти и сожги.
Впрочем, вспыхнет само
(руки побереги)
каменное письмо.

2.

Из младенческой тьмы
выйдет бывшая мать,
и научимся мы
не калеча ласкать.

3.

Дай мне Бог чистоты
о твоей чистоте
так писать, чтобы ты
мог читать в темноте.

*

Чем потешить невесёлого
брата ласковой сестрице?
Книгой — положить под голову.
Песней — с головой укрыться.
О, как любит^{ся}, как верит^{ся},
как встаёт^{ся} на колени!..
А надежда — просто смертница
в ожиданьи исполненья.

*

Ты царь, живи один.
Но как царице жить —
веретено дровичь?
Из собственных седин
живую нитку прясть
и мёртвую петлю,
как *ю* в конце *люблю*,
вязать, и с ветки — шась?

*

Душа моя, дрожащий лист,
натянута перепонка,
ты всё-таки определись —
повеситься? Родить ребёнка?
И Ты, любитель тропарей
и женщин непростоволосых,
поторопись, решай скорей —
безумие? Сума и посох?

*

Любовь — картошка,
печёная,
только что извлечённая
из золы, и ты
перебрасываешь
её
с ладони на ладонь,
боясь обжечься
больше,
чем уронить.

*

В горле ядовитым яблоком —
неглотаемый комок,
будто другу ненаглядному
мог помочь — и не помог.
А в груди такое жжение,
а в душе такой развал,
будто слово утешения
мог сказать — и не сказал.

*

Я словам не верю.
Я устала врать.
Как вернуть потерю?
Снова потерять.
Как увидеть Бога?
Выколоть глаза.
Потерпи немного —
вечность, полчаса.

*

Не завидуй певцу и миму,
не насилуй слова больные.
Прилагательное *любимый*
заменяет все остальные
прилагательные, глаголы,
имена и местоимения...
Бедный логос, голодный, голый,
изнывающий от восхищенья!

*

Нежностью черешневой
утолишь ли бешеный,
волчий голод логоса,
алчущего голоса?

*

В вере разуверилась,
а не верить стыдно.
Вера — неуверенность
в том, что очевидно.
Вера — недоверие,
врущее доверью,
тёмное преддверие
темноты за дверью.

*

До свадьбы не заживёт,
не заживёт после свадьбы —
то под ребром кольнёт,
то за горло прихватит.

Хватит ли нам любви,
только любви, всего лишь,
построить храм на крови,
которую не остановишь?

*

Узелок на память — пупок,
чтобы помнить: ты одинок.
Под лопаткой ногтей следы,
чтобы помнить: не только ты.

*

Кашеева смерть в яйце,
твоя — на другом конце
планеты, в сердце моём
иглой, ноющей в нём.

*

Похороните меня в его рубашке,
в этой, в полоску, которую я глажу
ласково, как младенческую распашонку, —
старой, заношенной, местами почти прозрачной...

*

уснуть в обнимку
друг другу сниться
сны анонимки
рукой сновидца
их небылицы
прочесть друг другу
и полюбиться
чтоб сон был в руку

*

ослепительный запах
оглушительный вкус
самой тихой сапой
я в тебе растворюсь
бесконечно печально
безначально нежна
тягой суицидальной
к слову пригвождена

*

Говорить о невозможности сказать
и молчать о невозможности молчанья,
за молчание друг друга наказать
говореньем и уйти от наказания
в поцелуи, от которых станет рот
так доверчив, нежен так невыносимо,
что его любое слово обожжёт,
и *люблю* ещё больше, чем *спасибо*.

*

Носили друг друга на руках.
Не касались ногами земли.
Говорили о пустяках.
Наговориться не могли.
Никогда по этому пути
не ходила я так далеко.
Как у тебя на груди
плакать покойно, легко!

*

Цветок красив, если он красиво вянет.
Лицо красиво, если оно красиво стареет.
Любовь красива, если она красиво уходит.
Подрезаю стебли. Наливаю свежую воду.

ПРИГЛАШЕНИЕ В КРЮКОВО

Под калиной-липой-сливою
два счастливых голыша.
Отдохни, трудолюбивая,
работающая душа.
По затылку по взъерошенному
гладит голыша голыш.
Правда, мы с тобой хорошие?
Улыбаешься. Молчишь.

АВТОПОРТРЕТ В ПРОФИЛЬ

Я —
та,
которая
просыпается
слева
от
тебя.

*

Богачам, нам нечего терять.
Старикам, нам некуда спешить.
Нам — подушки прошлого взбивать,
будущего угли ворошить,

нам — о самом главном говорить
на излёте медленного дня,
нам — бессмертных наших хоронить:
мне — тебя, потом тебе — меня.

*

у меня две зубных щётки
между ними восемь тысяч километров
у меня один-единственный мужчина
между нами восемь тысяч поцелуев
у меня две единственных дочери
между нами полное взаимопониманье
но всё-таки хорошо бы у меня было
дочкой больше щёткой меньше

*

Каждая наша встреча —
репетиция последней встречи.
Каждая наша разлука —
репетиция последней разлуки.
Каждое наше соитие —
молитва, чтобы в чередованье
встречи и разлук встреча
оказалась последней.

*

последней нежностью сражённые
и окрылённые
до старости молодожёны
и после оной

*

не успела приехать —
уже не хочу уезжать
не успела увидеть —
уже не могу наглядеться
не успела родиться —
уже не хочу умирать
не успела состариться —
впала в последнее детство

*

Ты мне всё ещё снишься, но не часто.
Ты приходишь жалкий, старый, больной.
Чем искуплю принесённое мной несчастье?
Тем, что счастлива, как когда-то со мной
ты. Как будешь, согласно моим молитвам,
ты когда-нибудь счастлив с кем-то вдвоём.
Перестань мне сниться в крови, убитым!
Приходи к нам в гости, чайку попьем.

*

Запомнить назубок
твои воспоминанья,
подсказывать былых
любимиц имена...
Спасибо за урок
любви и пониманья,
что ты всегда жених,
что я всегда жена.

*

Засыпая, сжимаю твою руку,
как слепая — руку поводыря.
Научившим друг друга любить друг друга,
за любовь друг друга благодаря,
наплевать на луковую разлуку,
на либидо нудную белиберду.
Просыпаясь, сжимаю твою руку,
как слепого, вдоль утра тебя веду.

*

Утра приоткрывшийся сезам.
Сброшенное навзничь одеяло.
Прочитай губами по губам
то, что я ещё не написала,
чуткою рукою помоги
извлеченью музыки из гула
и сотри щекою со щеки
то, что я ещё не зачеркнула.

ДИДОНА

Причитали на причале.
К вечеру отчалили.
Утоли моя печали
новыми печальями,
взвейся парусом над бездной,
песня подорожная,
что любовь бывает верной,
если — безнадёжная.

*

Целую твои руки: не отнимай.
Целую твои ноги: не уходи.
Целую твои губы: не поджигай.
Целую волоски у тебя на груди,
каждый, не пропуская: не забывай.
Седые — с удвоенной нежностью: не грусти.
Целую твоё горячее: не остывай.
Целую твоё измученное: прости.

*

Ждать обычно значит не дождаться.
Злой отец, завистливая мать,
память, не мешай мне наслаждаться,
опыт, не мешай мне понимать.

ДИДОНА

Не жалуюсь, не сетую
на прерванную связь.
И я была бессмертною,
пока не родилась.
И я дышала начисто,
не плача, не кляня.
Но даже одиночество
покинуло меня.

*

У меня всё больше родинок — месть
тела за вредную привычку загорать.
У меня всё больше родин — мест,
куда я хотела бы приехать умирать,

и первое место между собой
делят берег подмосковной реки
и карибский остров. Играя с судьбой,
я часто выигрываю. Особенно в поддавки.

РАЗНИЦА В ВОЗРАСТЕ

Я родилась.
Ты стал мужчиной.
Случилось ли это
в день моей первой улыбки,
в день моего первого слова,
в день моего первого шага?
Но так или иначе,
с тех пор
я шла к тебе.
И в день, когда я тебе улыбнулась,
и в день, когда я с тобой заговорила,
я стала женщиной.

*

Слыша далёкий призыв,
шла по следам дождя,
сотни дверей приоткрыв,
ни в одну не войдя.

*

Умоляла: не засыпай.
Но заснул. И во тьме ночной
одинокество невзначай
как инкуб овладело мной.
Как неистовы, как грубы
притязанья нечистых рук!

Так хозяек берут рабы.
Так солдаты школьниц берут.
— Я пожалуюсь мужу!
— Ложь.
— Я сейчас позову его!
— Бред.
Никого ты не позовёшь.
У тебя никого нет.

*

Курс *люблю* к *прости* —
один к десяти.

*

Мой паспорт — красный.
Твой паспорт — синий.
Так различают краны
в ванной. Когда стынет
душа, залезаю в ванну,
и сразу становится жарко.
Я никогда не стану
отзываться на кличку Гражданка.

*

Бессмертна. Сиречь ни жива ни мертва.
Бессмертье губительно.
Обнимемся. Руки твои — рукава
рубашки смиренной.
Обнимемся. Руки — спасательный круг.
Проклятие лирика:
ласка всегда из первых рук,
а слово — лишь изредка.

*

В башне из моржовой кости
нет хозяев. Только гости.

*

Если грех первороден,
значит, он благороден.
Оперно старомоден,
он боится детей.
Но не станешь невинней,
путаясь в пуповине,
колотясь в паутине
кровеносных путей...

*

Пол, он поле. Поле боли.
В Мёртвом море меньше соли,
меньше мёртвых под землёй,
чем любви у нас с тобой.

*

Я знаю — ты одна,
Ты плачешь. Я спокоен.

А.С.П.

Успокойся: я плачу.
Утешься: мне нет утешенья.
Мы решаем задачу,
заранее зная решение,
мы боимся ответа,
надеясь — ответ не сойдётся.
Успокойся: я плачу от ветра,
от счастья, от солнца.

*

Проснись, душа, чертовка, бестия,
и дозой страстного презренья
прерви губительное действие
инстинкта самосохраненья!

СТАНСЫ

1.

Только во сне равны
вопрос и ответ.
Я забываю сны.
Они меня — нет.

2.

Так глубоко спалось,
что утром никак
не расчесать волос
на мокрых висках.

3.

Прописи на стене
холодным огнём:
тот, кто умрёт во сне,
останется в нём.

*

Я буду честно стареть —
к чёрту с зеркалом сделки! —
чтоб ничего не иметь
против часовой стрелки.

*

Записывая стихи,
порезала бумагой ладонь.
Царапина продолжила линию жизни
примерно на четверть.

*

Кровь никуда не впадает,
кровь по кругу идёт.
Музыка в кровь попадает
быстрее, чем кислород.
Клавиша западает.
Ноту певец берёт
себе. Она совпадает
с судьбой. И наоборот.

*

Наша билингва: закроешь страницу,
и строчки, написанные моей рукою,
со строчками, написанными твоей рукою,
переплетутся, как наши пальцы,
когда мы идём по улице, — сами
собой, почти машинально. Закроешь —
отпрянут друг от друга, как дети,
которых учитель по физкультуре
застукал, свет включив в раздевалке.

*

Лишь у сна и у кольца
нет начала и конца,
вот оно и обручает
тех, кто вместе засыпает.

*

Храм на крови — шрам.
Шрам на груди — орден,
прикрывающий срам.
Сколько ещё родин
вдону в кольцо для ключей,
с тобой обручаясь,
мир прилетевших грачей
и бруклинских чаек?

*

Ни слова. За пенье награда —
молчанье, покой, благодать,
уверенность: больше не надо
печальные песни слагать.
Любовь или песня — дилемма
надумана. Тем веселей
поэт покидает поэму,
как Дидону Эней.

*

яблоко в руке
песня в парусах
замок на песке
в песочных часах
память налегке
обморок вдвоём
жизнь на волоске
моя на твоём

*

Не разжимаем рук,
чтобы не видел чужой
линии наших рук,
чтобы не выдал чужой
нашу тайну судьбе,
чтобы не знала она,
что и мне, и тебе
неприкаянность суждена.

*

Месяц без поцелуев...
Губы стали чужими —
улыбаются криво,
глупости говорят
и страшно пересыхают.
И чтобы себя уверить,
что это — мои губы,
кусаю их до крови.

*

Куда мне спрятаться от злого
непобедимого стыда?
Я у тебя украла слово.
Сказать, какое? Слово *да*.
Уже замечена пропажа,
и надо бы его отдать
владельцу. Но сознаться в краже
ещё труднее, чем украсть.

*

Вместе прыгали под одеяло
и принимались за шуры-муры,
чтобы к утру у обоих стала
одинаковой температура.
Вместе плескались в утренней ванне,
вместе входили в морскую пену,
втайне надеясь, что остыванье
тоже будет одновременным.

*

Истину простую
помни, старина:
раз я не ревную,
значит, я верна,
значит, ты не должен
ревновать, зане
ты мне верен тоже.
Ты же верен мне?

*

Когда последняя беда
затмит все наши горести,
отправляюсь за тобой туда
на следующем поезде
не потому, что нету сил
обдумывать последствия,
но — вдруг ты что-нибудь забыл? —
Таблетки, галстук, лезвия...

*

Когда у чёрного ручья
прилягу истлевать,
слетится вороньё вранья
глаза мои клевать
и за каких-нибудь полдня
с лица сотрёт черты...
Кто сможет опознать меня?
Создатель. Мама. Ты.

*

убегать от тебя врассыпную
возвращаться к тебе по-пластунски
до рассвета листать вслепую
разговорник ангельско-русский
все значения слова *спасибо*
и уснуть улыбаясь словно
восхищение переносимо
воскресение теплокровно

*

Твою рубашку глажу по руке.
Твою подушку глажу по щеке.
Целую пряжку твоего ремня.
Любовь моя, переживи меня.

*

Седина стала заметней, морщины резче.
Несколько лягушачьих шкурок сменя,
я совсем перестала беречь вещи,
время совсем перестало беречь меня.

Спасибо, время, за сказочную науку.
Я знаю: покой и воля — муж и жена,
к тому, кто сжёт мою последнюю шкурку,
своим всем самым розовым обращена.

*

Дальше некуда. Ближе некуда. Мы всё ближе
к горизонту, за которым никто не бывал.
Не буди спящую красавицу, танцующую на крыше
танец семи небес, семи покрывал.
Частыми звёздами украшены мои покрывала,
каждая с каждой о нашей любви говорит.
Если сбудется то, что близость нам обещала,
твой поцелуй меня не разбудит, но воскресит.

*

Целое лето жили
там, где платят налоги,
где у любой бомжихи
гладко выбриты ноги,
где у детей колясок
нету — сразу машины...
осатанев от ласок,
целое лето жили
без угрызений сове-
стихотворствуя нера-
диво. На честном слове.
Без кондиционера.

*

Обнажается натура
за окном и перед ним.

Про Психею и Амура
анонимке аноним
всё на пальцах растолкует,
ласков, сказочен, плечист.
Осень. Первый снег гарцует.
Падает последний лист.

*

Быть неразлучными, как гололёд с гололедицей,
азбуку ласки листая от альфы до я..
Имя твое да святится. Улыбка да светится.
Царством небесным да будет неволя твоя.

*

Молиться: *не остынь*,
так пристально любя,
как будто ты мой сын,
рождённый от тебя.

*

Трение скулы о скулу
порождает искры в крови.
Наши свитера на полу
тоже предаются любви.
За руки держась, как-нибудь
перейдём рубеж огневой,
в радуге по пояс, по грудь
и по шейку. И с головой.

*

узнала радости стыда
бесстыдно чистою осталась
устала раз и навсегда
и позабыла про усталость
и стала смелой как дитя
ликующее косолапо
в тысячу первый раз идя
из точки мама в точку папа

*

ты моя половина
я твоя половинка
мужа лепят из глины
а жену из суглинка
поцелуй — пуповина
андрогин с андрогинкой
первородно невинны
умираем в обнимку

*

Гречанки юные едва ли
знавали большее блаженство,
когда их боги покрывали,
чем я с тобой. Но совершенство
бывает свойственно глаголам
прош. вр. и буд. А в настоящем,
ища, чем успокоить голод,
мы только музыку обрящем.

*

Одиссей, поспеши
возвратиться домой,
мой единственный мой,
кислородненький мой!
Без тебя, моя суть,
моя лучшая часть,
досыта не вдохнуть
и не выдохнуть всласть.

*

Уверенность в завтрашнем дне...
Я знаю, что это дно
лежит на такой глубине,
что мне будет дано
увидеть сквозь толщу дней
изнанку бури — покой,
понять, что любить не трудней,
чем дышать под водой.

*

Зверя страсти любовь Орфей
приручает нежным пеньем.
Не отбрасывают теней
лежащие. Несть сомнений
у обнявшихся. Не пройдёт
время, не раскулачит
неразлучных. Орфей поёт.
Зверь мурлычет. Камни плачут.

*

Пол — полупроводник,
как время, как Сусанин.
Приник. Проник. Не вник.
Пол полутораспален,
но стелет на троих
любовь. Эй, кто там, в третьих?
Ребёнок. Ангел. Стих.
И нам дано согреть их.

*

В тишине ночной,
тёмной, душевной, тесной,
я умру женой,
а проснусь невестой
там, где светом душ
зренье захлебнётся,
там, где верный муж
женихом проснётся.

*

ангелу дам вольную
бесу глаза выколю
только тобой полною
грудью тебя выкормлю
реки текут млечные
в море текут синее
аве чело вечное
мужа отца сына и

РУЧНАЯ КЛАДЬ

*

— Муза-муза-муза!..
Снова она:
ходит под окнами,
стучит по решёткам подвалов,
зовёт монотонно:
— Муза-муза-муза!..
Стихотворение спустя
я понимаю:
имя её пропавшего кота —
Мурзик.

*

Эпос, лирика, драма..
Если б могла узнать я,
кончила ли мама
в час моего зачатья,
от соседей в подушку
спрятала ль стон благодарный
в Норильске, на раскладушке,
брачной ночью полярной!

*

Летом — вплавь, зимою — на коньках,
на велосипеде под дождём

осенью-весной на всех парах
попадаю в детство напрямиком.
Дядя — плавать, дедушка — стоять
на коньках, а папа научил
держать равновесие и жать
на педали, не жалея сил.
— Я с тобой, не бойся! — и держал
руль — одной, седло — другой рукой,
отпускал, не отставал, бежал
рядом.

*

Подарил мне жизнь.
Чем отдарюсь?
Стихами.
Больше у меня ничего нет.
Да и это — моё ли?
Так ребёнком
я дарила маме
открытки на день рождения:
выбирала сама,
деньги брала у папы.

*

Календарь превращаю в дневник. Долго ли буду ещё
заполнять страницы, пока не останется ни одной?
Прошлое — отец, настоящее — мать будущего.
Со временем выясняется, что отец — не родной,
что у него полным-полно законных наследников,
что он никогда не любил ни ребёнка, ни мать..
Ты подарил мне целую стопку ежедневников,
таких красивых, что кажется варварством в них писать.

*

Адресная книга мёртвых.
Общее фото на паспорт.
История, полустёрты
истины каменных азбук.
История, что-то камни
к старости стали слезливы.
Бинокль от себя зрачками.
Обратная перспектива.
История, кто там плачет
под сенью древнего древа, —
Адам или Мальчик-с-пальчик,
Дюймовочка или Ева?

*

Мальчик-с-пальчик-Адам
плюс Дюймовочка-Ева
возле древа-бонсай.
Ну, давай,
изгоняй.

*

Или опять подвели тормоза?
Или стихи до греха довели?
Жизнь человеческая — слеза,
размазанная по лицу земли
перепачканным кулаком
падшей с велосипеда в грязь
девочки. В горле нетающий ком.
Даже брови и лоб в слезах.

*

Похороны лета.
Заспанные дети,

в новое одеты,
каждый при букете,
исчезают строем.
Всё. Пешное действо
кончено. Закроем
дверь с табличкой «Детство».

*

В школу — в форме, а в чём в музыкалку?
Висят коленки, локти протёрты.
Мама, дай — ну что тебе, жалко? —
твой новый батник коричнево-жёлтый.
Не важно, что розочки аляповаты,
не важно, что низ не стыкуется с верхом,
ведь даже вредный флейтист Алпатов
сказал: «Ты стала другим человеком!»

*

Как нестерпимо жалит жалость
к себе! И плачешь на плече.
Мне столько музыки досталось,
что целый зал ушёл ни с чем,
ушёл не солоно хлебавши.
Плачь. Место есть на небесах
подле на поле боя павших
для захлебнувшихся в слезах.

*

Страшной звонка на рассвете,
вернувшегося письма
догадка, что будет зима.
Мы так мечтали о лете,

и лето нас провело
такой тропинкой окольной!
Глазам до сих пор больно
вспоминать, как было светло.

*

Бог меня миловал — дал мне плохую память:
совсем не помню, как мучилась, как убивалась.
Ещё бы забыть, как мучила, как убивала,
ещё бы убитые мною меня забыли —
и моя память могла бы считаться прекрасной.

*

В ранец тетрадки собраны.
Прядки под шапку спрятаны.
Память моя, ты добрая,
мягкая, деликатная!
В полном порядке тетради. И
даже устное сделано.
Детство — золото партии.
Где оно? Где оно? Где оно?

*

Скоро ль кокон покидать,
бабочка?
Родина, она не мать, —
бабушка.
Внучку блудную ругай,
вздорную,
смородиной угощай
чёрною.

*

Мука — родина.
Счастье — чужбина.
Патриотизм — родовая травма.
Слёзы пьяного господина,
окликающего: Мама! —
проститутку.
Её гримаса.
Ностальгия — мечта о боли.
...пошёл в кино с друзьями из класса,
вернулся — мама висит в коридоре.

*

Не знали, что такое зависть,
глотали комплексный обед,
одною «Правдой» подтирались
и веровали: Бога нет.

*

Ворон на голой ветке —
гений погребений.
Памятники — пометки
на полях сражений.
Только уже не вспомнить,
ради каких выгод
время сломало ноготь,
отчеркнув период.

*

в сумерках сиротливо
ворона каркает

с ветром играет крапива
краплёными картами
в первом подъезде попойка
дождь накрапывает
старик несёт на помойку
пальто осеннее женское добротное драповое

*

Вот ящик для утиля.
Вот яма для компоста.
Вот лужу замостили
решётками с погоста.
Вот бравые ребята
идут на дискотеку.
Вот пугало распято
воронам на потеху.

*

Ждать награды, считать удары,
сжимать в кармане в часы тревог
ключ от рая — такой старый,
что страшно: вдруг поменяли замок?

*

Ожиданье, вечное, как жид,
облагает сердце страшной данью:
всем, что больше не принадлежит,
надлежит делиться с ожиданием.
Всем. Твоим плечом под головой.
Посему во тьме внутриутробной
гласные согласны лишь на вой,
лишь на всхлип согласные способны.

*

Зубы съедены, вены исколоты,
стоптаны каблуки.
Мы молоды, пока молоды
наши старики.
Высохло русло бело-розовой
молочно-кисельной реки.
В приёмном покое маму причёсывай,
жёлтые ногти стриги.

*

Главное неуловимо.
Но богат его улов.
Даже в папиной любимой
до конца не знаю слов.
Впрочем, он их сам не знает
и на том конце стола
потихоньку подпевает
мимо нот, на ла-ла-ла.

*

Плачет дева в скрипичном ключе,
узнав сгоряча,
что чело у неё на плече —
с чужого плеча.
Плачет муж, припадая челом
к любимой груди,
что придётся идти напролом,
чтобы уйти.

*

юная спит так
будто кому-то снится

взрослая спит так
будто завтра война
старая спит так
будто достаточно притвориться
мёртвой и смерть пройдёт
дальней околицей сна

*

Просто, совсем просто.
Проще, чем э-ю-я.
Старость — болезнь роста.
Неизлечимая.
Не разводи сырость.
Не валяй дурака.
Боль пьётся на вырост.
Боль всегда велика.

*

Читаем вслух Жития.
Любовь умирает последней,
девочкой девятилетней
на глазах у матери ея,
и я бедолагу молю:
не будь пионером-героем,
давай всё иначе устроим!
Не верю. Не надеюсь. Люблю.

*

Петь на корме, наполняя голосом парус,
на два голоса петь попутные песни...
Если правда на свете бывает старость,
вместе её осваивать интересней.

Но провиденью видней. Оно дальноторко,
каждой твари дающее пару по вере.
Если правда можно достичь горизонта,
за черту его на руках меня пере-

*

Я? Да так, ничего, починаю примус.
Так что, Экклесиаст, ты с камнями сам уж...
Кто в пятьдесят семь исправляет прикус,
тот в шестьдесят восемь выходит замуж,
в семьдесят девять кормит пирожными белок
в парке... Старое доброе детское средство —
самое вкусное оставлять напоследок,
чтобы сделать старость похожей на детство.

*

Здесь осень красней весны,
здесь свежо увяданье,
здесь старики, влюблены,
назначают свиданье
у моря. В этом краю
забывают обиды.
Здравствуйте, хау а ю,
Филемон и Бавкида?

*

Дом с океаном в окне,
полный прохладного мрака.
Скажешь: «Иди ко мне», —
приходят жена и собака.
Стопка исписанных дней.
Влажное полотенце.

Старческих щёк нежней
только пятки младенца.

*

Свет не вечерний жизни скудельной —
нежность. В жару и стужу
и колыбелью, и колыбельной
будет жена мужу.
Будет покоем, будет доверьем,
дверью, всегда открытой.
Будет порогом. Будет преддверьем.
Гробом. И панихидой.

*

Не доверяю календарю —
там какая-то путаница.
На Медузу-Горгону смотрю
через зеркальце в пудренице.
Знаю: трудная встреча близка.
Вижу: слегка подрагивает
минутная стрелка в руке стрелка,
что тетиву натягивает.

*

Вот лямка — подставляй-ка плечико,
бурлачка, до седьмого пота
ищи любви автоответчика,
с работы жди автопилота,
слезами мой ресницы, личико,
плиту, посуду, пол на кухне,
сползающую лямку лифчика
подтягивая: э-эй, ухнем!

*

Сделаем любовь. Из чего?
Из обиды, ревности, страха.
Сделаем любовь. Для чего?
Чтоб подушкой сделалась плаха,
чтобы тень аббата Прево
засиделась у изголовья.
Сделаем любовь. Ничего.
Только что нам делать с любовью?

*

в объятиях стискивай
тихо качай на коленях
одну из единственных
первую из предпоследних

*

Помой меня, роди меня из пены,
укрой меня собой, запеленай
в объятия. Где не может быть измены,
там — рай.
Ты плачешь? — Нет, попала в глаз ресница.
Ты плачешь? — Нет, от чтения болят
глаза. Где невозможно измениться,
там — ад.

*

Трудные дни?
Тяжесть в спине?
Причуды мачо?
Слёзы мои,
скете мне,
о чём я плачу?

Точки над и,
точки над е...
Губя? Врачуя?
Слёзы мои,
скажете мне,
чего хочу я?

*

Неразделённой старости страх?
Страсти нож перочинный?
Слёзы мои у тебя на губах
ищут свою причину —
тщетно. На твоём языке
ищут себе объяснения.
Нет объяснения смертельной тоске.
Нет от неё спасения.

*

Уныние — цена высоколбости.
И я не постояла за ценой.
Души необитаемые области
готов ли ты осваивать со мной —
готов ли ты драконов одомашнивать,
чудовищ по ночам дрессировать,
обманывать, обманывать, обманывать
и тайно капли в кофе подливать?

*

Вместе сумки с продуктами носим,
засыпаем висок у виска.
Почему же ты кажешься гостем —
ненадолго, издалека?

Между тем удлиняются тени.
Уместить бы в размеренный стих
одиссею твоих сновидений,
илиаду страхов моих!

*

Соломоногамия...
Любящей жребий жалок
в действующей армии
жён, наложниц, служанок.
Суламита, ягодка,
рот после царских брашен
освежит ли яблоко?
Жребий любимой страшен.

*

За тобой,
мой родной,
как за каменной стеной:
хочешь — пой,
хочешь — вой,
хочешь — бейся головой.

*

Август, не строй сентябрю
куры, анютины глазки.
Чем докажу, что люблю?
Тем, что не требую ласки,
тем, что одетая сплю, —
заморозки, не иначе.
Чем докажу, что люблю?
Тем, что ночами не плачу.

*

Я своё отыграла
в перетягивание одеяла.

*

Двоеточие при смерти: точки над ё.
Лето кончилось. Стало темно.
Это что же ты делаешь, сердце моё?
— Заколачиваю окно.
Мы старались, мы были на высоте.
Но не вынести новых потерь.
Что ты делаешь, сердце моё, что ты де?..
— Забиваю гвоздями дверь.

*

Сердцебиенье перебито
твоим извечным *отпусти*.
Патриотизм космополита —
не сбиться с млечного пути.
А значит, снова за работу:
ткать, распускать, ткать, распускать
скатерть-дорогу скороходу
и за работой засыпать.

*

Без слёз не будет пути.
Отболеть прощанием дай мне.
Складываю на груди
рукава плаща в чемодане.
Сюда бы ещё свечу.
Иконка. Цветочная груда.
Не знаю, куда лечу.
И очень неточно — откуда.

*

До свиданья, мой хороший!
Протрубили трубы.
Зеркало в твоей прихожей
поцелую в губы.
В щёчку. И, боясь не пере-
жить минуту злую,
закрывающейся двери
ручку поцелую.

*

Регистрация рейса.
Но забыла слова
крепостная актриса
Шереметьева-2.

*

А я сама судьбу пряду,
и не нужны помощницы.
У парки в аэропорту
конфисковали ножницы.
Упала спелая слеза
и задрожали плечики,
но таможенник ни аза
не знал по-древнегречески.

*

Сию в уголке, пишу,
как будто крючком вяжу
пушистую рукавицу
тому, кто должен родиться.

*

Попытка биогра:
ловила светлячков,
читала до утра,
влюблялась в чудаков,
потоки слёз лила
без видимых причин,
двух дочек родила
от семерых мужчин.

*

Иду по канату.
Для равновесья —
двое детей на руках.

*

Радостью крылатое,
сердце моё, рвись
вверх по эскалатору,
движущемуся вниз.
Не избыть, не вылечить
взламывающую грудь
сердечную избыточность,
от которой когда-нибудь.

*

Дочерям ровесница
и отцам подруга,
взлетаю по лестнице
звонко и упруго,
на одном дыхании,
через две ступени...

Что, догнали, ранние?
Поздние, успели?

*

Девушка, полудевочка,
пагуба нимфетомана,
метит дорожку денежками,
выпавшими из кармана.
Где она? Снова дуется?
В детскую дверь приоткрыта,
и упаковка «Дюрекса»
вознаградит следопыта.

*

Нечистая, чистых учу чистоте,
как будто от этого сделаюсь чище.
Не в силах сознаться в своей нищете,
им разогреваю несвежую пищу
и, в разные комнаты их уложив,
как цербер, дежурю у девственных спален,
как будто мой опыт не жалок, не лжив,
не груб, не мучителен, не печален.

*

Испуганное, слепое
не вспомнится, не приснится
юности средневековые,
её костры и темницы,
её чердаки и подвалы...
Нет, кровь вспоминать не хочет,
как чистота отравляла
её безгрешные ночи!

*

Танцевала Джульетту — теперь попляши Кормилицу.
Пела Татьяну — теперь Ларину спой.
Уступает место, а мог бы просто подвинуться
мужчина в метро. Красивый. Немолодой.

*

время уступить место
тем кто мне уступает
место в общественном транспорте
в час пик

*

Потерянное? — Растерянное,
рассеянное по свету
моё поколение, расстрелянное
из стартового пистолета.
Сердечную мышцу вымуштрую.
Я знаю — он очень занят,
тот, кто ленточку финишную
на горле петель затянет.

*

Моё отраженье любит меня,
а я его нет.
Моя тень любит меня,
таскается вслед
за мною, уламывая, кляня.
Тушу свет.
Мои стихи любят меня,
а я их.

*

Колокольня — зонт экскурсовода.
Домиков доверчивое стадо.
Железнодорожная свобода:
здесь прекрасно, мне сюда не надо.
Мне считать пшеницу кукурузой,
мне — писать (за почерк извините),
что пейзаж придумали французы,
что TGV уютней Intercity.

*

Придёт старость, расставит книги по алфавиту,
приведёт в порядок не только фотографии, но и негативы,
покачает головой: как мало осталось от самых даровитых,
пожмёт плечами: а ведь не скажешь, что были нерадивы,
плотнее в платок закутается: неужели
звание любимого может достаться любому?
Беззубо ослабится: надо же, как похорошели
фотографии, казавшиеся неудачными, не доставшиеся
альбому!

*

Не овец, с холмов гонимых,
не фарфоровых слонов, —
пересчитывай любимых,
постояльцев прежних снов,
прежде сна лишавших, бывших
всем, качавших на руках...
Пересчитывай любивших.
И к утру заснёшь в слезах.

*

глаза мои
почему вы грустные
я же весёлая
слова мои
почему вы грубые
я же нежная
дела мои
почему вы глупые
я же умная
друзья мои
почему вы мёртвые
я же сильная

*

Могла бы помнить — мне было четыре,
ей — два месяца двадцать дней.
Сестра моя смерть и сегодня в могиле.
Я ничего не знаю о ней.
Не потому ли со дна веселья
смотрит, смотрит такая тоска,
словно сижу над пустой колыбелью
в халате, мокром от молока.

*

Мама была аксиомой.
Папа был теоремой.
Я в колыбели дома
спящей была царевной.
Перевернулась люлька.
Цель превратилась в средство.
Детка, покарауль-ка
маму, впавшую в детство!

*

Основной вопрос философии:
слово или таблетки.
Психосоматика совести.
Скучные тайны кушетки.
Лучше сидеть себе тихонько
и пересчитывать звёзды,
если Психея и Психика —
однофамилицы, не сёстры.

*

Это колдун из Оз,
номер 03? Привет.
Я, следопытка слёз,
смеха музыковед,
думаю: пробил час.
Приезжай, посмотри,
сколько глотать за раз —
пару таблеток? Три?

*

Руки выкручивала кручина,
утро чернело дремучим лесом,
боль выжигала свою причину
льдом калёным, солёным железом,
разум мutilо, душу сводило,
союз верёвки и табуретки
казался выходом... Но хватило
одной таблетки, одной таблетки.

*

Психиатра сватают,
потчуют цыкутою,

на руки подхватывают,
спать кладут обутою...
Размозжит ли обухом
сердце в исступлении
мраковую опухоль
в солнечном сплетении?

*

Печаль печалей: оглушительный некрик
повесившегося на пуповине.
Отцовство — остров. Материнство — материк.
И океан печали между ними.

*

Мама моё пальто
несёт на руках из роддома.
Выбор: аборт? Барто?
сделан.

*

Взбираются по рукаву,
резвятся средь нарядных платьиц
скелетики в моём шкафу
росточком с безымянный палец.
Запачкавшая платье слизь.
Крючком развязанная завязь.
Играли в прятки — не нашлись.
Играли в жмурки — заигрались.

*

День гнева. Расплаты час.
Минута лишения прав.

Слёзы — вымыть брёвна из глаз.
Каторжный лесосплав.

*

Мыло, верёвка,
стул — повесить носки.
Как-то неловко
подышать от тоски.
Бездна беззвёздна,
и темно под водой.
Мне уже поздно
умирать молодой.

*

Вот и пришли времена
мать от груди отнимать.
Зачем мужчине жена?
Помочь оплакивать мать.
Скоро узнаешь и ты,
что колыбельно сладки
под чёрным платьем беды
напрягшиеся соски.

*

Беременная чёрная кошка
перебежала дорогу —
что это может значить?
Усилится ли несчастье,
если черны котята,
серая масть потомства
лишит ли примету силы?
Что ж, поживём — увидим.

*

Я на разлуки не сетую.
Разве в разлуках дело?
Выйдешь за сигаретами,
вернёшься — а я постарела.
Боже, какая жалкая,
тягостная пантомима!
Щёлкнешь во тьме зажигалкою,
закуришь — и я нелюбима.

*

Железные нервы.
Но так натянуты,
что треснула дека.

*

Стихотворение — автоответчик:
Автор вышел. Вряд ли вернётся.
Если хотите, оставьте сообщение
после того, как услышите выстрел.

*

В землю стучаться клюкой
в поисках постоя...
Старость — приёмный покой
вечного покоя.
Пленники ветхой тюрьмы,
данники рыдания,
скоро заслужим и мы
отдых от дыханья.

*

Пролитых мной слёз хватит,
чтобы залить небольшой каток.

Плачущий скупно дважды платит.
Дважды плачет плачущий впрок.
А над катком летают пары,
за руки держатся — не разнять,
подхвачены песней — такой старой,
что ни слова уже не понять.

*

Не посмела задать вопрос.
Развела на подушке слякоть.
Умерла от потери слёз.
Умерев, продолжаю плакать.
Слёзное тяжело литьё.
Но я выплачу всё, что должно,
чтобы вымыть лицо твоё,
серое от тоски дорожной.

*

Почему мешаешь жить?
Для чего неволишь петь?
Чтобы малых остудить?
Чтобы старых согреть?
От мороза до жары
сорок градусов по Це.
Зёрна ангельской икры —
слёзы на твоём лице.

*

Не солнечнострунная лира,
увитая гроздьями роз,
но медленный труд ювелира,
огранка непролитых слёз.
Не ради лучистости взгляда,
но чтобы совсем не пропасть.
И царскою будет награда —
возможность выплакаться всласть.

*

Плачу, потому что не можешь со мной жить.
Не можешь со мной жить, потому что плачу.
Плачу, потому что никак не могу решить
эту лукавую, дьявольскую задачу.
Не можешь, не потому, что больше других
невольников чести вкусил покоя и воли,
но потому, что боливар не вынесет двоих
с поля боли.

*

Спящий плачущему не товарищ,
спящему плачущий не судья.
О, как быстро ты засыпаешь,
как блаженно спишь, если я
плачу рядом, в подушку пряча
про запас, до черного дня
колыбельную песню плача
об уснувшем раньше меня!

*

Ползи, слеза, по-пластунски
в разведку, узнай, чего
я жду — не дождусь — вдохновенья?
Смерти? Ласки мужской?

*

Сурдоперевод аллилуйи —
ласки перед сном пантомима.
В латах из твоих поцелуев
я, как никогда, уязвима.

В ожиданье утренней стражи
собирая счастья улики,
как обороняться прикажешь
от твоей печальной улыбки?

*

Без упрёков, без обид:
унижение — гордыня.
Наслаждение горчит,
как малина из-под ливня.
Не страшны ни гром, ни грязь,
но скажи мне, Боже правый,
как дарить себя, боясь,
что подарок не по нраву?

*

Попробуешь — сладок, распробуешь — горек
поцелуй, запекающийся на губах.
В больницах не бывает двуспальных коек.
В темницах не бывает двуспальных плах.

А глаза откроешь — такая темень,
как будто теми, кто ушёл во тьму,
отброшены, брошены, как жёны, тени
и бродят, не нужные больше никому.

*

Моя тоска — колодец без ведра,
твоя — ведро засохшего колодца.
Кто больше жаждет?
Кто скорей напьётся?
Кто лжёт, что не дотянет до утра?

*

— Я тебя люблю.
— Я тебя тоже.

— Я тебя люблю.
— Я тебя тоже.

— Я тебя тоже люблю.
Что, нечем крыть?

*

Как не подать виду,
когда, счастливая, вдруг
проваливаюсь в обиду,
как в канализационный люк?
За что, за какие прегрешенья,
за то ли, что не знаю меры страстям,
дано мне это страшное низверженье
на дно самой тёмной, самой зловонной из ям?

*

Сидеть у твоих ног,
смотреть, как ты смотришь «Вести» —
что нового? То, что мы вместе,
что ты не так одинок —
иначе. Погода. Спорт.
Победа российской сборной.
Моею пылкостью вздорной
ты словно льдами затёрт.

*

Радость, почто нас бросила?
Нежность, куда ты делась?
Два параллельных профиля —
ну просто Маркс и Энгельс! —
Важные, злые, надутые.
А сердце в гортани бьётся
так, будто ещё минута — и
любовь от нас отвернётся.

*

Подогреваю то, что остыло.
Латаю парус. Лодку смолю.
Люблю тебя за то, что любила.
За то, что разлюбила, люблю.

*

Держать осаду, ждать в засаде,
затягивать объятий жгут,
знать: поцелуй Христа ради,
как оплеухи, щёки жгут,

но кланчить, из-за слёз не видя
божьего дня, себя кляня,
вина, жалея, ненавидя:
пожалуйста, люби меня!

*

топала ногами
чтобы не ругал
била кулаками
чтобы приласкал
разбивала морду
чтобы похвалил
посылала к чёрту
чтобы полюбил

*

Как заделать эту трещину,
угрожающую зданию?
Недолюбленная женщина
зажимает рот желанию.
Задушить его? Не душится.
Удавить его? Не давится.
Видно, все-таки обрушится
неустойчивое зданьице.

*

Назначил спичку закладкой,
уснул на полпоцелуе,
а я пчелиною маткой
жужжу в разбуженном улье:
полцарства за ложку мёда,
полжизни за нежное слово!

Лицо вполоборота.
Полпервого. Полвторого.

*

Я не знаю твоей подноготной —
я, тебе стригущая ногти
скоро три с половиной года.
Чего больше в этой заботе —
чувства собственности, материнских
чувств (до этого — только младенцам)?
А кто тебе до этого стриг их?
Что ты дёргаешься — больно? Слишком
коротко?

*

Память, она не хранит ненужного,
лишнего не хранит.
Сколько еще твоего минувшего
мне пережить предстоит?
Сны принимая за воспоминания,
глажу по голове
спящего. Тайное голосование.
Будущее в меньшинстве.

*

Белые зубы скалите,
шепчетесь за спиной...
Страшно в гареме памяти
быть любимой женой.
Ждёте, не зная зависти,
знаки любви храня,
все до одной красавицы,
все моложе меня.

*

Забытые, не постарели
феи, трофеи сборищ,
инкогнито нежных кличек.
Глаза бы мои не смотрели,
как ты свои отводишь,
когда я снимаю лифчик.

*

Руку не труди,
обходи стороной
полторы груди
полуамазонки.
Ласка не скала.
Ебля не молебен.
Каюсь — солгала:
шрам не эрогенен.

*

Установленьями священными
стыдливо прикрывая пах,
мужчины с маленькими членами
сжигают женщин на кострах,
и женщины визжат и корчатся,
едомы медленным огнём...
Оставь топор, моё сокровище, —
ты совершенно ни при чём.

*

Большой косматый грех
верхом на одеяле:
сантехника утех
не вы ли вызывали,

не вы ли были, вы ль
плясали на карнизах?
Не я. Какая гиль!
Простите. Ложный вызов.

*

— Хочешь, расстанемся весело,
хочешь, немного поплачь. —
Чисто мужская профессия
одна на свете — палач.
Всё ли как следует сделано:
вынесен ли приговор,
мягко ли плаха постелена,
звонко ль заточен топор?

*

Отдаться до конца, до буквы *я*,
не тормозить на *т*, на мягком знаке,
не уговаривать: *твоя*, *твоя*.

Есть тяга посильней любовной тяги,
есть тяготенья тягостней *мж*
и тяжелей любви пера к бумаге.

И есть окно на восемнадцатом этаже.

*

Первого января
рыл могилу отцу,
грелся водкой, уснул —
минус тридцать — на дне
ямы. Но обошлось —
пришёл брат, растолкал.

Не оставил меня
Дед Мороз сиротой.

*

Мечет лопата стылую глину,
тупорыла.
Как говорят прыгуны с трамплина,
стол отрыва.
О, состязание жизни млечной
с коренною —
с вечным покоем, иначе — вечной
мерзлотою!

*

Жуть. Она же суть. Она же путь.
Но года склонили-таки к прозе:
Русь, ты вся — желание лизнуть
ржавые качели на морозе.
Было кисло-сладко. А потом
больно. И дитя в слезах бежало
по сугробам с полным крови ртом.
Вырвала язык. Вложила жало.

*

Боясь сделать то, что уже
сделано, делаешь это снова
и снова. И страх оседает в душе.
В жизни нет ничего наживного,
кроме смерти. Но даже она
боится, трясущимися руками
снимая с лацканов ордена,
словом *память* увеча камни.

*

Перепахано рыльце.
Безвоздушна тревога.
Даже в церкви не скрыться
от казнящего Бога.
Кто нас, верный, покинул?
Кто, единственный, отнят?
Чьё на камне могильном
фото с подписью *Wanted?*

*

Здесь лежит постоялец
сотни временных мест,
безымянный, как палец,
одиноким, как перст.

*

Икона беременной Девы Марии,
на клеймах — десять её полнолуний,
двадцать нимбов. Икона Девы
Марии-старухи. На клеймах — внуки.

*

Приснилось слово *полнолуние*.
Проснулась — месяц на ущербе
глядится в зеркало оконное.
Ich sterbe.

*

Байковые зайчата,
плюшевые медведи...

Моих детей незачатых
зовут Соня и Федя.
Соня такая соня! —
Спит, свернувшись в калачик.
Федя такой тихоня! —
Даже во сне не плачет.

*

Томление духа? Кривая ухмылка вагины?
Молчанье убитого, крик незачатого сына?
А может быть, в этой упорной печали повинны
фантомные боли отрезанной пуповины?

*

Попытка не пытка.
Не пытка вторая попытка.
А третья попытка
изрядно похожа на пытку.
Четвёртая — пытка.
А пятая пытка — попытка
внушить своему палачу,
что попытка не пытка.

*

Тринадцать дней — и Новый год
состарился. С каким злорадством
я волокла на свалку ёлку:
ну-с, кто из нас вечнозелёный,
кто долгожданный, кто нарядный,
душа веселья, свет в окошке?
И ёлка отвечала: ты.

*

Родина, мать-и-мачеха,
злюка, зануда, стервочка,
я тоже хотела мальчика,
а получилась девочка!

*

Не потому, что тебя разлюбила,
не потому, что давно истеричка —
просто мышка моя разбила
ещё одно золотое яичко.
Сколько осталось? Не больше сотни.
Вот почему в слепоте куриной
твоей рукой утираю сопли,
горькие слёзы — твоей штаниной.

*

«Нет, объясни, почему ты не любишь театр?» —
спросила после экзамена дочь, студентка
РАТИ: четыре с минусом за леди Макбет,
за то, что кричала, падала, билась, тёрла
нежные ручки о грязные половицы
так усердно, что после, довольно долго,
костяшки пальцев гноились и кровоточили.

*

Из-под века, из-за такта
выкатилась бусинка...
На руках у музыканта
умирает музыка.
Шуберт, он не поспевает,
рысью ли, галопом ли!..

Умирает. Умирает.
Умерла. Похлопали.

*

Кто за мною заедет,
подбросит меня, подхватит?
Дедушка на «Победе»?
Дьявол на белой «Ладе»?
Спинку держу, как леди,
даром, что место сзади.
Папа на велосипеде?
Ты на ковре-самолёте?
Ангел на самокате?

*

У спящих в земле особое,
птичье чувство пути.
Ушедшие спят в обуви,
чтобы встать и идти
к розовым, к одноразовым, —
к тем, бессонным, босым,
кто им шнурки завязывал,
туфли застёгивал им.

*

Сорок два — перебор.
Скоро ангелов свора
вынесет приговор,
не вынесу приговора.
Господи, как ты мог, —
ты, отец милосердия! —
дать мне предельный срок —
пожизненное бессмертье!

*

Вот что можно сказать обо мне:
не питала надежду и злобу,
не умела спать на спине,
потому что боялась гроба,
не лгала, не ткала полотна,
вызывала у зеркала жалость
и уснуть не могла одна,
потому что бессмертья боялась.

*

С открытыми глазами...
Не надо пятаков,
раз не закрылись сами.
Тот свет, он не таков,
чтоб резью портить зренье.
Позволь в награду за
слепую боль рожденья
уснуть глаза в глаза.

*

под землёю все земляки
под землёю все кореши
господи уснуть помоги
досыта поспать разреши
всяк свояк в твоих небесах
научусь ли спать на спине
чтобы выспаться в пух и прах
и хоть раз проснуться вполне

*

Если цель — изменяться,
чтобы к себе пробиться,
что смерти бояться?
Трудно сильнее измениться.
Если цель — сохраниться
в мягких складках пространства,
что смерти страшиться?
Смерть — образец постоянства.

*

Память — скарעד,
скупщик обид.
Жалость старит.
Злость молодеит.
Ядом залит
дар аонид.
Слава старит.
Смерть молодеит.

*

разговаривать с великими
примеряя их вериги
переписываться с книгами
переписывая книги
редактировать синодики
и порою полуночной
перестукиваться с ходиками
во вселенной одиночной

*

Стишок — за один нырок,
страничку — за полспички...
Нехитрое дело — впрок
тетрадку словами пичкать.
Праведны ли труды?
Господи, родненький, сжался:
в лёгких полно воды,
обожжены пальцы.

*

В тюрьму не сесть, в долги не влезть,
себя не пережить...
Спасибо, Господи, что есть
о чём тебя просить.
Сны не чисты, мечты пусты,
постыдна болтовня...
Спасибо, Господи, что ты
не слушаешь меня.

*

Как ты можешь просить о награде —
совестно даже думать про это!
Видишь: линейки в твоей тетради —
кардиограммы мёртвых поэтов.
Что там написано, чьей рукою —
после огонь и вода рассудят.
Хочешь награду — проси покоя.
Только его всё равно не будет.

*

За дерзость из класса выставлена,
одна решаю задачу —
ищу, где спрятана истина.
Найду — перепрячу.

*

Начинаю с последней строчки.
В тишину, в зазеркалье сна
отправлялась с тобой за ручку,
а иду почему-то одна.
Убаюкали ваньку-встаньку.
Остаётся осилить подъём,
за порог принимая ступеньку,
зеркала разбивая лбом.

*

С одной стороны — зеркало,
с другой стороны — окно
и критик в роли следователя
из телевизионного кино.
Носик никак не пудрится.
Критик читателя зовёт:
смотри, как эта сука волнуется!
Сейчас она у нас запоёт.

*

Может, стишок — шажок
по направлению к Свану,
может, стишок — стежок
девочки, шьющей саван,

может, стишок — флажок,
мол, планета открыта,
а может, слуховой рожок
доктора Айболита.

*

Не морок, не урок,
не рок первопроходца,
стишок — сачок, садок,
в котором кто-то бьётся.
Малёк ли, мотылёк,
звезда ль со дна колодца?
Поэту невдомёк.
Читатель разберётся.

*

Почему читаю наизусть?
Потому что наизусть пишу,
потому что знаю эту грусть
наизусть. Но лгу карандашу,
описать не смея, как брела
дальнею околицей любви
босиком, в чём мама родила —
в плацентарной слизи и крови.

*

Мой безвестный дружок,
юности инвалид,
вырви этот стишок,
приложи, где болит.
Стоит ли обнажать
то, что не утолить?

Стоит ли умножать
то, что не разделить?

*

Невенчаны, но повязаны
всем ходом звёзд и планет.
Непонятое не сказано.
Меня без тебя нет.
Борьба за свободу — хроника
низложения лжи.
Несказанное не понято.
Кто я тебе, скажи?

*

Пресуществленье долларов в караты,
воды — в потоки лучшего вина...
Адам и Ева не были женаты.
А значит, я такая не одна.
Эрато, та и вовсе непочата
и как январский мрамор холодна.
Зачем же ты диктуешь мне, Эрато,
слова *жених, невеста, муж, жена?*

*

Жилплощадь — площадь жил,
покровов, мышц, костей.
Гостиниц старожил
уже не ждёт гостей.
Куда он не спешит?
Откуда он идёт?
Скитальцу всюду скит.
Бродяге всюду брод.

*

Научиться смотреть мимо.
Научиться прощаться первой.
Одиночество не растворимо
ни слезой, ни слюной, ни спермой.
И на золоте чаш венчальных,
и в бумажных стаканчиках блюдок
искушённый взгляд замечает
одиночества горький осадок.

*

Всходить на костёр Жанною,
взвиваться над ним Лилит...
Слёзы — автоматическая противопожарная
система. Душа горит,
а руки совсем холодные.
Согреть бы в твоём паху!
Я сильная. Я свободная.
Я больше так не могу.

*

Любви сизифовы усилия
заставить замолчать тревогу...
Дай поносить твою фамилию!
Я не запачкаю, ей-богу.
Не ради галстучной пристойности,
не ради титулярных выгод —
для красоты, для пущей стройности,
по праздникам, на бал, на выход.

*

Дело не в подкрашиванье губ и век,
не в кружевах и блестящих камушках...
Женщина — это такой человек,
которому всё время хочется замуж,
как будто в бурях есть покой.
И никуда от этого не деться.
Даже когда мы поженимся с тобой,
мне за тебя будет замуж хотеться.

*

По-твоему, кольцо — ринг,
зовущий к кулачному бою.
По-моему, кольцо — нимб,
сияющий над головою.
По-твоему, оно — бой,
чреватый для всех пораженьем.
По-моему, оно — покой.
Но рефери медлит с решением.

*

В колокола звонящее сердечко,
невыносимой радости румяна...
Встал на колени, подарил колечко —
и палец перестал быть безымянным.
Ух, как оно ловило каждый лучик,
как радужную пыль в глаза пускало!
Прекрасный выстрел, малолетний лучник!
Прекрасный случай всё начать сначала.

*

Напиши струёй на снегу
слово, из которого льётся.
Я так никогда не смогу.
Не дано — не надо. Но — хотца!..
Отливает солнцем струя.
О, какая дивная нега —
написать своё *Здесь-был-я*
на скрижалях первого снега!..

*

Снежную бабочку-однодневку
убиваю теплом щеки.
Что ты лепишь? — Памятник снегу
прошлогоднему. Снеговики
умирают, как правило, стоя.
Жизнь моя, бесстрашной старей,
ты же знаешь: любовь — шестое
чувство. И остальных острей.

*

Любви, как ребёнку, всё время хочется большего,
как будто есть что-то больше неё на свете,
как будто будущего всё ещё больше, чем прошлого,
как будто бывает покой без участия смерти,
как будто реальнее боли её вымыслы,
как будто кто-то уже спешит на подмогу,
как будто усталое сердце сможет вынести
ещё большую нежность, печаль, тревогу.

*

Серенада сирены
под угасшим окном.
О, не надо измены!
Уши воском зальём,
словно к мачте, привяжем
к женщине смельчака.
Сон мятежен и влажен.
Затекает рука.

*

Муза, это всего лишь шутка!
Вытри сопли, одёрни юбку.
Что ты вцепилась в свою дудку,
как в дыхательную трубку?
Что мы тесто воздуха месим,
что мы ноту, как лямку, тянем?
Разве я задохнусь без песен?
Разве я захлебнусь молчаньем?

*

Муза, ты? А иди ты!
Все слова паразиты.

*

Дождаться прихода музыки,
как прихода мужа с работы,
не хотеть ему быть обузой,
жаждать нежности и заботы,
плакать, чтобы привлечь вниманье,
задышаться, терять терпенье,
дождаться в остывшей ванне
утешения и прощенья.

*

В райском аду Амура,
в дебрях зеркальных затей
я, как пуля, как дура,
искала прямых путей,
нашла цепи, колодки,
чётки из спелых обид
да русский язык в глотке,
острый, как аппендицит.

*

исследуй причуды почерка
огненных букв на стене
разглядывай пятна Роршаха
на девичьей простыне
гадай на рыбьих внутренностях
как угодить рыбаку
бери уроки мудрости
у кукушки из дома ку-ку

*

Эй, не стой на пути,
видишь, иду в ад
по трупам, чтобы найти
дорогу назад.

*

Весеннее сиянье грязи
прекрасней зимней чистоты.
Твой пафос антибуржуазен,
весна, просты твои понты:

пройтись без шапки, нараспашку,
разбрызгать шёлковую грязь,
отдать последнюю рубашку —
ну, ту, в которой родилась.

*

Речки на закате красноречье,
пряמודушие дорожки лунной —
всё тебе подсказка, человеке:
думай!
Чистая страница первопутка,
мартовского снега мрамор белый —
всё тебе, мечтателю, побудка:
делай!

*

Хватит обезболивать — лечи.
Хватит уговаривать — приказывай.
Ничего, что слишком горячи
для посуды нашей одноразовой
огненные радости твои,
знаки бесконечного неравенства.
Хватит пересказывать — твори.
Хватит врать больному, что поправится.

*

Снежной манной крупа,
ветра свежая новость.
Чудо — это судьба,
у которой проснулась совесть.

Речи ручной зверь,
нежности междуречье.
Встретились. Что теперь?
Вечно идти навстречу.

*

Балет на льду. На тонком-тонком льду,
дрейфующем на юг. Балет на льдине.
Из инея трико на балерине.
Пуанты. Па-де-де. Не упаду.

*

Ходики мои — пешеходы.
Часики мои — ползунки.
Радости мои — от природы.
Трудности мои — от руки.
Памяти дорожки окольные.
Но, куда бы время ни шло,
всё, что перед будущим, — больно,
всё, что перед прошлым, — светло.

*

Не знаю, не уверена —
одна я? Не одна?
Как будто я беременна,
а на дворе война.
Раздвоенность не вынести,
не выплакать до дна..
Как будто мама при смерти,
а на дворе весна.

*

Я уже готова. Я уже
собрана: при деле, при параде.
Поправляю тело на душе,
как обтягивающее платье,
и оно мне больше всех идёт,
и оно идёт тебе навстречу...
Совесьть? — Просто втягивать живот.
Честь? — Всего лишь не сутулить плечи.

*

Степени родства:
время кровней места.
По ночам вдова.
По утрам невеста.
Слёзы не к лицу
царственным особам
Каждый шаг — к венцу.
Каждый шаг — за гробом.

*

Из всех предлогов остался один: с.
Из всех приставок осталась одна: со.
Мечты сбылись. Опасенья тоже сбылись.
О, не крутись так быстро, судьбы колесо, —
дай разобраться хотя бы, где верх, где низ,
дай разглядеть хотя бы, где обод, где ось,
чёртова кофемолка, остановись!
Дай хотя бы оплакать то, что сбылось.

*

Любимый! Между нами полмира,
зазубренный клинок океана.
Но с пальцев так и капает мирра
на кодовый замок чемодана.
Мир, как твои объятия, тесен.
Любовь — прообраз автопилота.
И океан поёт Песню Песен
под царственным крылом самолёта.

*

Жить или быть, быть или сбыться?
Прямее взлётной полосы
моя судьба. И всё решится
в течение одной слезы,
и ты вернёшься, чтобы пере-
вернуть песочные часы.
Под фонограмму моря пели,
песок сквозь пальцы пересы...

*

синий экран неба
курсор твоего Боинга
если б тебя не было
я бы придумала Бога

*

Чувство такой высоты,
что заложило уши.
Чувство такой полноты,
что выходят на сушу

из заресничных морей
сны на нетвёрдых лапах
на запах твоих ноздрей —
первой весны запах.

*

после долгой разлуки
после дальней дороги
вошел в меня и уснул
и я уснула и стали
плотью единой оба
значения слова спать

*

Сколько положено сил,
сколько в земле лежит костей,
сколько крови, чернил
и разных бесцветных жидкостей
пролито!.. Но пришла
любовь, и не можешь, как раньше, жить,
проснувшись от звона стекла,
осколками гроба поранившись.

*

рука в руке
две линии жизни
крест-накрест

*

Обожанья мартышкин, сизифов труд..
Сколько на коленях ни ползай,

сладчайшее из объятий через десять минут
становится неудобной позой.
Не бойся, не прячь растерянных глаз,
не хлопай райской калиткой.
Нежнейшее из признаний, за день сто раз
повторенное, становится молитвой.

*

Я видела тебя во сне,
когда спала в утробе матери,
я знаю: ты приснишься мне,
когда на допотопном катере
я горизонт пересеку,
и заструятся кинолентами
сны засыпавшей на боку
с поджатыми к груди коленками.

*

Наконец-то повезло!
Неужели наяву?
Понимаешь с полусло,
подпеваешь с полузву,
приголу — и нет уста.
Драгоценятся вдвойне
полутона полнота,
полуласка в полусне.

*

одно слово в сетку
другое слово в аут
люди довольно редко
друг друга понимают

а мы ударники дара
речи и пантомимы
ни одного удара
мимо

*

Что нерушимость брачных уз,
что фимиамов дым?
Я всё равно не надышусь
дыханием твоим.
Что веры сладкое вино,
что лепет муз? Зане
не налюбуюсь всё равно
твоим лицом во сне.

*

Похожа на синяк
заветная печать.
Бог — старый холостяк.
Ему ли нас венчать?
Живорожденья рожь
и воскресенья сныть...
Бог — кругосветный бомж.
Ему ли дом святить?

*

Наша высокая парность
парности гласных сродни.
Слава тебе, безударность! —
Долгие тихие дни,

шёпота тёплое ухо,
прекрасноречия стыд,
ласковая нескладуха
самых заветных обид.

*

Прежние были пробой пера,
а эта — проба крыла.
И я поняла, что любовь не игра.
И, кажется, выиграла.

*

Любовь — лабиринт. Просыпаюсь во сне,
говорю себе: не кричи.
Разве вон то пятно на стене —
не копоть твоей свечи,
разве если идти след в след
и не перепутать следы,
утром не выйдешь на белый свет
утраченной чистоты?

*

Скажи мне, когда ты там
(жженье, тренье, скольженье),
ты чувствуешь грубый шрам,
память грехопаденья?
Изгладь, разутюжь, сотри.
(Свет, благодарность, нежность.)
Ты знаешь: шрамы внутри
уродливей внешних.

*

Беспомощный, помоги.
Утешь меня, безутешный.
Дотронься до нежной руки
рукою до дрожи нежной,
последней любви самурай,
маэстро её рукопашной.
Бессмертный, не умирай.
Не бойся меня, бесстрашный.

*

Любить друг друга. Сиречь помогать друг другу
любить друг друга. Сиречь не мешать друг другу
любить друг друга. Сиречь не входить без стука
друг в друга. Сиречь не смазывать контур круга,
тебя обводящего школьным крошащимся белым —
по снегу и хлопку, бумаге и мрамору — мелом.
Пока он будет целым, ты будешь целым,
мы будем целым, любовь не будет пределом.

*

мёда лунного отведали
виноватые заранее
на рояле флажолетами
исполняется желание
буду сны твои подсматривать
речи пьяные подслушивать
кровное твоё проматывать
луковое расшелушивать

*

Бессонница. О.М. Тугая боль
натянутой разлукой пуповины.
Таблица умножения на ноль
уже прочитана до середины,
а ночи не предвидится конца,
как мыслям о тебе, таком любимом,
что заменил и сына, и отца
небесного. И стал незаменимым.

*

Несчастье — частный случай счастья,
нечастый случай. Посему,
улыбкой нежною лучась, я
навстречу выхожу ему
и слышу: бьются крови волны
о берег... На краю веков
не всё ль равно, чем сердце полно
так, что глаза из берегов?

*

Ахилл, дружок, шагом черепашим
до вечера до дому не дойдём.
Согреет ли продрогший под вчерашним
промокшую под завтрашним дождём?
Как знать. Но, рукодельница, латаю
разъехавшийся путь союзом и,
но, лакомка, не шелуша глотаю
доверчивые семечки твои.

*

Да здравствуют высокопарность,
серьёзность, пафос, благородство!
Свобода есть неблагодарность,
если не круглое сиротство.
Забудь былую нелюдимость,
душа, и честно отработай
свободу как необходимость
пожертвовать своей свободой.

*

Друг друга взглядами полируя,
ни в чём друг другу не прекословя...
По обе стороны поцелуя
покой и воля, покой и воля.
Равны друг другу, друг другу рады
твоя свобода, моя свобода.
Покой и воля, любовь и правда
по обе стороны небосвода.

*

Незримый град. Беззвучный звон.
Собор из музыки и света.
Моя любовь — счастливый сон,
который сбудется посмертно.
Любовь моя, благодарю
за этот сон, такой глубокий,
что я успею к алтарю,
что не проснусь на полдороги.

*

Можно и в халате.
Но кроит портной
свадебное платье
из пены морской.
Расплетайте косу.
Всем сестрам малы
золушкины босо-
ножки из золы.

*

Накинув фату
на тело нагое,
с тобою иду
вокруг аналая,
потом — напрямик,
спокойно, свободно,
зане Книга Книг
закрыта неплотно.

*

Обречённых обручи,
снисходительный отец!
С одуванчиком свечи
марширую под венец.
Грей меня, моя свеча,
восковые слёзы лей
на колечко для ключа
от последней из дверей.

*

двадцать четвёртое ребро
последний Адам
всё висков серебро
тебе отдам
всё золото тишины
клятв елей
за высокое званье жены
твоей

*

Мужчина женщине родина.
Мужчине женщина путь.
Как много тобою пройдено!
Родной, отдохни чуть-чуть:
вот грудь — преклони голову,
вот сердце — лагерь разбей,
и будем делить поровну
сухой остаток скорбей.

*

Избегала хмельных братаний
и, пустых зеркал визави,
выдавая чужие тайны,
выдавала их за свои,
и, томясь в притворном затворе,
мастерица точек над ё,
отпевая чужое горе,
принимала его за своё.

*

Что гражданин достаёт из штанин?
Руки его пусты.
У меня на земле один
соотечественник — ты.
И не важно, твой или мой
в небе полощется флаг.
Мой родной, у меня под землёй
будет один земляк.

*

Мы с тобой наконец одно,
мы с тобой до конца вместе.
Пенелопино полотно
пригодилось на платье невесте,
на салфетки, на простыни, на
носовые платки, и осталось
предостаточно полотна,
чтобы сшить Одиссею парус.

*

Жаркой спины соседство...
Сколько работы рукам!
Спится, как перед детством,
рядом с тобой, Адам.
Ева — черенкованьем:
лёгкой рукой обвожу
рёбра. Адам — дыханьем:
в спину тебе дышу.

*

Роман журавля и синицы —
предмет обсуждения ворон.
Нью-Йорк никогда не снится,
поскольку он сам — сон,
приснившийся Семирамиде.
Синица, душа моя,
что можно во сне увидеть
в объятиях журавля?
— Море.

*

Доставляется заблудшее письмо.
Плодоносит злополучная смоковница.
Всё получится, получится само.
Получателю не стоит беспокоиться.
Всё, что чаялось голодному уму,
получается из тонких белых рученек.
Всё отмучится, отмучится, отму...
Чем займёшься после муки, бедный мученик?

*

Давай, не тяни, пряха,
пока поцелуй свеж,
две нити одним махом
режь.

*

Века закроются, как веки,
сомкнутся веки, как века,
и реки слёз, и крови реки
свои затопят берега.

Какой мучительный избыток!
Как непривычно воскресать!
Но небеса совьются в свиток,
а значит, есть на чём писать.

*

Плавность, с которой нежность переходит в страсть.
Резкость, с которой страсть переходит в нежность.
Центростремительность страсти. Центробежность
нежности: никогда не вдоволь, не всласть,
не до отвалу. Нежности *не* и *но*...
Неужели никому не дано
долюбиться до последней черты —
до растворения *я*, сотворения *ты*?

*

В разлуке любовь растёт
стремительно, как чужая
дочь. Неужели год?...
Смотри-ка, совсем большая,
взрослая — хоть под венец.
Небось отбою не знает?
Довольный, смеётся отец.
Мать губы кусает.

*

Впадаю в девство. Дальше поцелуя
идти не хочет робкая мечта.
О, сколько раз я пела аллилуйю
любви! Но каждый раз пою с листа,
и, стало быть, совсем не важно, что там,
потом. Я не боюсь. И ты не трусь.

Пока жива, люблю тебя по нотам,
а там, глядишь, смогу и наизусть.

*

В вихрах весеннего ветра
седую зимнюю прядку
поправит цветущая ветка,
расчесет цветочная грядка.
Ах, ветреница, ах, кокетка,
весна моя, ах, ворожея!
Танцующая шестилетка.
Все мамины бусы на шее.

*

косы девичьи плести
сыпать в суп морковь
в тридцать восемь лет найти
первую любовь
от беспечности плясать
мыслить от сохи
и до старости писать
ранние стихи

*

вставая
с колен
выпрямляя
спину
расправляя
плечи
поднимая
глаза

по мере
того
как
дети
растут

*

Не затем ли столько времени
я сама себя морочила,
чтобы платье для беременной
доносить за младшей дочерью,
чтобы свадебное, белое
одолжить у старшей? Разве я
всё для этого не делала?
Вот только волосы не красила.

*

Подростковая сексуальность. А разве бывает другая?
Любовный опыт. А разве бывает другой?
Знаешь, любимый, о чём я ночами мечтаю? —
Стареть за ручку и в обнимку с тобой.
Мы будем первыми стариками на свете,
которые целуются в лифте, на улице, в метро...
Знаешь, что я думаю о Хлое, Манон, Джульетте,
о их малолетних любовниках? — Что это старо.

*

Утро вечера мудренее,
дочка — матери.
На какую же ахинею
время тратили —

спорили, можно ли в снег — без шапки,
в дождь — без зонтика.
Нет бы сгрести друг друга в охапку —
мама! Доченька!

*

У меня сногшибательные ноги
и головокружительная шея,
и лёгкое, удобное в носке,
не сковывающее движенья
тело, и ветреные кудри.
Лучезарны вечера в эмпирее,
но совместно нажитые утра
мудренее.

*

Считайте — я же не против! —
сорок пять, пятьдесят...
Чем больше свечек на торте,
тем ярче они горят,
тем лучше они освещают
лежащий скатертью путь,
тем проще прощают,
тем их труднее задуть.

*

Зачатая за полярным крутом,
выношенная полярной ночью
назло чёрным выюгам,
рвущим дыхание в ключья,
я родилась в столице —
не к славе ея вождеся,

но чтобы на свет появиться
там, где немного светлее.

*

Так солнечно, что уши заложило,
и я легла к ногам цветущих трав
и приоткрыла золотую жилу
покоя и восторга. Счастлив — прав,
несчастлив — виноват перед весною.
Но как сказать страдальцу-бунтарю,
что невоспитанно стоять спиной
к её сияющему алтарю?

*

Как-то слишком словесно,
будто придумано кем-то.
Боюсь, что моё детство —
всего лишь шпионская легенда.
Но сколько бы ни пытали,
каких бы благ ни сулили,
главное — точность детали
и верность высокому стилю.

*

Учась любовной науке
ощупью, методом тыка,
подростки сплетают руки.
Любовь зовут Эвридика.
Иди-ка за милой тенью,
веди её в нашу спальню...
Прочь, памяти наважденья!
Прочь, опыта ужас свальный!

*

День — прозрачный, ласковый, незащитный,
словно он всю ночь занимался любовью,
день, в который прошлое не горчит и
отступает будущее без боя,
день седьмой после тысяча первой ночи.
...утром Шехеразада открыла двери,
и трёх сыновей увидели царские очи.
Но этой сказке я меньше других верю.

*

Май: золотое враньё,
что я желанна природе,
что солнце — лично моё,
как лампочка в самолёте:
нажму на кнопку, включу
и сколько хочу, листаю
рекламный журнал. И лечу
к тебе. Уже подлетаю.

*

Таких любознательных принято гнать
из рая!
Ты знаешь, какое блаженство — не знать?
Не знаю.
Улики, следы, детективная прыть
погони.
Ты помнишь, какое блаженство — забыть?
Не помню.

*

Весна приходит в новых туфлях
и сразу натирает ногу.
Плясать на раскалённых углях
я привыкаю понемногу —
русалочкина предоплата
за право женщиной казаться
и от блуждающего взгляда
гусиной кожей покрываться...

*

Убежит молоко черёмухи,
и душа босиком убежит
по траве, и простятся промахи
ей — за то, что не помнит обид,
и очнётся мечта-заочница,
и раскроет свою тетрадь...
И не то чтобы жить захочется,
но расхочется умирать.

*

Ребёнком в середине мая
стрекозы роды принимая,
природа, я тебя читала
на языке оригинала.

*

Проводишь в последний сон
наперсницу аонид,
развеешь мой прах, и он
цветущий сад опылит —

и яблоню, и сирень,
и вишню, пьяную в дым...
Что знаю про судный день?
Что будет он выходным.

*

Поцелуй прячу за щеку
про запас, на случай голода.
С милым рай в почтовом ящике.
Ящик пуст. Молчанье — золото
предзакатное, медовое...
На твоей, моей ли улице
наши голуби почтовые
всё никак не нацелуются?

*

Рост Венеры, лифчик Д, размер Зеро.
Дура-баба, что могло тебя заставить
ставить слово, как монету, на ребро
и судьбу своих детей на это ставить?
Но такую высотой томит зенит,
но с такою безмятежностью в зените
слово вертится, сверкает и звенит!
Извините. Извините. Извините.

*

Разве я не учила правила,
разве мне не твердила логика,
что карта, на которую я поставила, —
флюгер карточного домика?

Разве у меня не было выбора?
Разве я не верю, что вскорости
услышу: «Невероятно! Она выиграла!» —
и розой ветров украшу волосы?

*

Если ветки сгибаются под тяжестью цветов,
что же с ними сделает плодоношение?
Снег? Гнёзда? Тот, кто всегда готов,
никогда не возьмёт на себя решение,
зная — любое хуже, помня — над ней —
близостью — сердцу приходится столько биться!
Вешняя ветка, кого ты любишь нежней —
ветер? Пчелу? Соседнее дерево? Птицу?

*

Толстые икры правителей,
дам кружева и локоны...
Лучшее, что я видела
в музеях, — деревья за окнами.
Низкий поклон архитектору
за облака над крышами!
Репетиция духового оркестра младших классов
из распахнутых окон музыкальной школы
майским утром —
лучшее, что я слышала.

*

Мученье — записывать начерно
то, что набело пелось.
Молочная цельность утрачена.
Пришла восковая спелость.

Что ж!.. Яблоко, то, треклятое,
лишающее покоя,
надкусываю. Не проглатываю.
Держу за щекою.

*

Отними и ребёнка, и друга,
и таинственный песенный дар.

А.А.А.

Отчизна: потерянный май
Измайлова или Е-бурга...
А песенный дар — отнимай
в обмен на ребёнка от друга.

*

А, поняла! Должна быть глуповата
одна великолепная цитата.

*

Поэт и чернь? Поэт и Черни,
«Искусство беглости». Куда
бежать от любопытной черни,
от неизбежного стыда,
что недоучены этюды,
что парок бабьи пересуды
переорут высокий суд,
суть приговора переврут?
Я лягу в Новом Ветрограде
на дно небес, на берег вод,
и белый голубя помёт
пометит две строки в тетради:

*какая скука, Боже мой,
писать онегинской строфой!*

*

Прилегли — и отлегло,
обнялись — и отпустило
всё, что сожаленьем жгло
и раскаяньем палило,
что стояло над душой,
камнем на сердце лежало, —
лёг, тяжёлый и большой,
на меня — и полегчало.

*

Люблю. И потому вольна
жить наизусть, ласкать с листа.
Душа легка, когда полна,
и тяжела, когда пуста.
Моя — легка. Не страшно ей
одной агонию плясать,
зане я родилась в твоей
рубашке. В ней и воскресать.

*

В столбик умножая М на Ж,
что получим — двойку? Единицу?
Тело да прилепится к душе,
а она его да убоится.
Разве так уж много нужно мне?
Переплавив память в нежном тигле,
спать, припав щекой к твоей спине,
словно мы летим на мотоцикле...

*

Я нужней не знаю занятия,
трубачам отбой протрубя,
заклЮчить в кавычки объятья
слово «я» и слово «тебя»
не по долгу, не по привычке,
но надеясь перехитрить
ту, что раскрывает кавычки,
чтоб со стуком скобки закрыть.

*

Нет ничего слаще
тихих минут, когда
утром лежащий лежащей
скажет: иди сюда.
Как велика милость,
короток как путь!
Как же я умудрилась
на полпути уснуть?

*

Быть собой — не втягивать живот,
не таить обиду и тревогу,
думать — жизнь прошла, и слава Богу,
верить — слава Богу, смерть пройдёт.

*

Я не выброшусь из окна,
я не люблю мусор под окном,
я ничего не выбрасываю в окно,
кроме фруктовых косточек — вдруг
примутся, прорастут?

*

На заливном лугу
лежать (лебедя, Леда)
на берегу лета,
озера на берегу,
не валять дурака,
трудиться во все лопатки,
полооть летучие грядки,
окучивать облака.

*

Поэтом больше стало на свете,
когда увидела я
жизнь жизни, смерть смерти —
рождённое мной дитя.
Таким оно было, моё начало:
кровь обжигала пах,
душа парила, дитя кричало
у медсестры на руках.

*

Соседними словами,
двоюродным языком
изжить изжогу знаний,
оскомину аксиом.
Кожу душа меняла,
срывала, швыряла прочь,
как во сне одеяло
в душную южную ночь.
Розовая изнанка,
перелицовка лица,
лакомая приманка,
хитрость ловца на живца.

*

Отдыхают парусные лодки
на краю воды, зари, земли.
Ветер треплет флаги и тишотки.
На тишотках пальмы, корабли
резче и пестрее, чем на деле.
Даже эти яркие края
Бог писал прозрачной акварелью,
оставляя белыми поля.

*

Я тебе — мама. Ты мне — папа.
Строим песочный дом.
Море встаёт на задние лапы.
Ветер виляет хвостом.
Солнце лижет мокрые пятки.
Папа, купим щенка?
Стены надёжны. Башни высоки.
И столько ещё песка!

*

Ветер мне говорит:
пора менять причёску.
Солнце мне говорит:
пора менять кожу.
Песок мне говорит:
пора менять имя.
Море мне говорит:
ничего нельзя изменить.

*

Когда я счастлива, мне кажется — рядом есть море.
А если я счастлива и рядом действительно есть море,
мне кажется, рядом есть другое море,
ещё теплей, прозрачней, ласковей, глубже, ближе.

*

всю жизнь
искать
того
кого
можно
любить
всю жизнь

*

Лаская, жалея, любя,
уродует берег прибой.
Отдать бы жизнь за тебя,
не мучиться жизнью с тобой
и вечно стоять у воды,
и с нежной улыбкой смотреть,
как волны стирают следы,
а тень не могут стереть.

*

Приляжем и будем с прилежностью
улаживать чувств разнобой:
безбрежную бережность нежности
и страсти солёный прибой,
прозрачной стремительной толщею
разглаживать мускулы скал.

Находит искатель большего
больше того, что искал.
Бедно воображение
надежды, прикушен язык
веры. Но вечно движение
навстречу. И — намертво, встык.

*

На пол — полотенце,
сверху — полутельце:
пожалуйста, сделай
целой!

*

идти купаться в море
когда не хочется пёсать
занимать в пустом кинотеатре
место согласно билету
платить за проезд в трамвае
в воскресенье ночью
выходить за любовника замуж
искусство для искусства

*

Зайдёт за облако — темно.
Разоблачится — слишком ярко.
Невеста — белое пятно
на пёстрой карте Сентрал-парка.
Фотограф пятиног. Идут
к пруду. Подол приподнимая,

пересекает яхта пруд
радиоуправляемая.

*

Где мы? На седьмом этаже
неба. За семью облаками
пришиваешь тело к душе
крепкими мужскими стежками —
не разрезать, не распороть.
Неразлучны, как мы с тобою,
лёгкая звенящая плоть
со звенящей лёгкой душою.

*

Попугай и его зеркало,
Нарцисс и его ручей
неразлучны. Держи — я сделала
дубликаты райских ключей.
Перешито белое платице.
Неразлучны, как точки над ё,
Робинзон и его Пятница,
я и ты, воскресенье моё.

*

тяжесть на спине
свет в лоне
побудь подольше во мне
пусти корни
когда я под тобой лежу
торжествующе гордо
мне кажется я тебя выношу
из осаждённого города

*

Заново рождаюсь? Умираю?
Отменён, исполнен приговор?
Так кончаю, словно начинаю
контрацепции наперекор.
О роенье лёгких, окрылённых,
выпавших из времени минут!
О цветенье голоса и лона!
Так плодоносящие цветут.

*

Заметалось междометье,
захлебнулось поцелуем...
Репетируя бессмертье,
колыбельную танцуем.
Тай на нёбе неба, тайна
говоренья, растворенья...
Нежность, нежность — обещанье
повторенья, повторенья.

*

Лягу рядом прилагательным,
подлежащим лягу под,
буду вынимать внимательно
волосок, попавший в рот.
О сладчайшее, горчащее,
узнаю твой терпкий вкус,
действительное причастие!
И бессмертья не боюсь.

*

любители точных линий
творили ночь как молитву
и становились невинней
ещё на одну любовиту
и верили будет милость
дарована двоеточье
вернуть друг другу невинность
последней брачной ночью

*

Забуду надежду и страх,
вину и обиду. Покуда я
люблю, у меня на часах
одна стрелка — секундная.
Разлуками дух закалён,
но пальцы от нежности плавятся,
и рваные раны кален-
даря заживают, срастаются.

*

гладишь там где как ни гладь
не погладишь против шерсти
нежности ручная кладь
срочный вклад на случай смерти
под подкладкой шапки клад
золотой запас подкожный
тонкорунный маскарад
авантюры на таможне

*

Ласковый жест сгибаю как жезл
и строю дом, начиная с крыши.
Пишу то, что хочу прочесть.
Говорю то, что хочу услышать.
Пишу: *горечь твоя горяча.*
Молчу, по Брейлю тебя жалея.
Мурашки, ползите домой, волоча
нежность в сто раз себя тяжелее!

*

Хороша? И речи нет!
Не дыша, смакую
ласки тонкий комплимент,
сделанный вручную.
Тело мелко кроши,
лаской приручая
божью ласточку души,
в ней души не чая.

*

Радуюсь, радуюсь, радуюсь...
Зла, горяча, чиста,
сила твоя — радиус
моего живота.
Павши на лоно замертво,
заживо канешь в него.
Тяжесть твоя — диаметр
живота моего.

*

Щёчкой коснулись щёчки,
спали как пуритане,
а наши зубные щётки
всю ночь целовались в стакане,
а наши трусы, трусишки,
сложенные на стуле,
принялись за такие делишки,
убедившись, что мы уснули!

*

Не выбирая позы,
набирать высоту.
Ангелы, как стрекозы,
любятся на лету.
Нежность, душа к телу
прочно ли прикреплена?
Я бы совсем улетела,
если б не тело на.

*

Наша плоть монолитна.
Дружно счастье куём.
Каждый оргазм — молитва
о бессмертье твоём.
Каждый вдох одноразов,
но подлежит дележу.
Я только числом оргазмов
тебя превосхожу.

*

плыви течением полдневной реки
в полночном омуте плавай
читай по линиям левой руки
то что написано правой
и подставляя слепое лицо
музыке ласке покою
носи на правой руке кольцо
надетое правой рукою

*

Ласка через порог
сна. Во сне? В полусне?
Что такое порок,
мы не знаем, зане
льнут, вслепую сплетясь,
друг ко другу тела,
всласть, у нас не спросясь,
не ведая зла.

*

У первых поцелуев после сна
вкус первых поцелуев на земле.
Душа спросонок неискушенна
лежащей не во прахе, не во зле,
но возле постояльца лучших снов.
Голубь его, душа моя, милуй,
ты знаешь: поцелуй дословней слов,
ты знаешь: слово — младший поцелуй.

*

Близости лунный мёд...
Вот уже два года
лоно моё цветёт,
но не даёт плода.
Золото полных сот.
Сытых пчёл свобода.
Вот: мёд, он и есть плод,
когда столько мёда.

*

Лицо осторожно кладёшь на
лицо, бровью трёшься о бровь.
Любая любовь безнадёжна.
Бессмертна любая любовь.
А если истлевшие правы,
и я передумаю быть,
как будут любить тебя травы,
как будут стрекозы любить!

*

...а книги, если что, поделим так:
тебе — нечётные, мне — чётные страницы
из тех, что мы друг другу вслух читали,
и поцелуем прерванное чтение
возобновлялось полчаса спустя...

*

Оживает красная глина...
Для того, кто воздухом пьян,
каждая былинка — былина,
каждая ромашка — роман,
каждая осина — осанна.

Для того, кто воздухом сыт,
несказанное несказанно,
но без умолку говорит.

*

Ты рыбачил, я сочиняла —
line — и строка, и леска —
леска запутывалась, я ныряла,
дёргала слишком резко —
леска рвалась, я помогала
менять крючок и грузило.
Даль голубела. Солнце сияло.
Лето не уходило.

*

Баюкай облако, зыбка,
шёлковый водоём,
сияй, кружевная рыбка,
связанная крючком,
ликуй, рыбак златоглазый,
нож, рыбачка, неси,
небо и землю связывай,
Отче, иже еси!

*

Ты поймаешь рыбку — и отпускаешь,
я поймаю строчку — и отпускаю,
она возвращается: чего тебе надобно, старче?
Ты притворно злишься: за старче ответишь!
Мне не до шуток: хочу быть твоей старухой.
А что до корыта — того, что о быт разбито, —
бог с ним, с корытом. На что оно мне, корыто?

*

Смотреть на плавки, видеть поплавок,
пощипывать, покусывать сосок
малины у соседа под забором
и сыпать соль на раны помидорам.

*

Уясни, лаская скалку,
прялку тебе:
он уходит на рыбалку,
а не от тебя.
Уясни, воткнув иголку
в палец, палец — в рот:
он уходит ненадолго,
он ещё придёт.

*

Храм. Тропинка под откос.
Тихий омут, где
водомерка, как Христос,
ходит по воде,
где, невидимый в кустах,
Павел, Пётр, Андрей,
от апостольства устав,
ловит пескарей.

*

Ежедневной ласки прилежность...
Но довольно рядышком лечь —
и обоюдоострая нежность
между нами ляжет, как меч:

в рыцари тебя посвящает,
жалостью подушечки жжёт,
друг от друга нас защищает,
друг для дружки нас бережёт.

*

Довольно уже тревог,
довольно уже разлук!
Сердце моё — коробок,
в котором скребётся жук.
Кормила его травой,
показывала большим,
прислушивалась: живой,
вытряхивала: бежим!

*

мочился на светлячка
но тот не погас взлетел
и прямо мне на штаны
и я плясала визжа
боялась что загорюсь
но ничего обошлось

*

День катился золотой,
в проточном воздухе реяли
между небом и землёй
сигналы точного времени.
Материл коров пастух,
солнце ласкало нас, голеных,
превращая в птичий пух
шерсть на предплечьях и голеньях.

*

К реке. С печалью непочатую.
И отсканирует река,
а струйный принтер распечатает
картинку: гуси, облака...
И отразит такие ясные
глаза проточная вода,
будто задумала ужасное,
но точно знаю: никогда.

*

перегорит смородина
заговорит рябина
там где мы вместе родина
там где мы врозь чужбина
не уследить историкам
где я смежаю веки
с космополитом родненьким
переплетая ветки

*

на века с рукой рука
женщина с мужчиной
перистые облака
месяц перочинный

*

спали за обе щеки
просыпались одновременно
долго не вставали
подбирали
лакомую подливку сна
хлебом ласки

*

Усердно, точно, внимательно...
Отче, благослови
влюблённости собирательство,
бортничество любви!
Мы — паства Спаса Медового.
Мы победили страх.
Да, нет ничего готового.
Но всё в наших руках.

*

Раскинувшись
после любви:
— Смотри —
весь потолок
в звёздах!
— И на одной,
может быть,
есть жизнь...

*

Ёб твою мать! — сказал отец,
и я сказала: Молодец!

*

Двадцать лет на заре туманной
неглиже, с волосами распущенными,
я писала письмо Татьяны
не Онегину — А.С.Пушкину,
переписывала, поправляла,
покрывала косынкой косу
и с посыльным его отправляла
не Онегину — П.И.Чайковскому.

*

Прибегала к любимому: глянь-ка!
Драгоценным гордилась уловом.
На ладони мокрая галька,
высыхая, становится словом,
вызывая досаду и жалость.
Дай же волю слезам бумажным,
чтобы галька живой осталась,
чтобы слово сделалось влажным!

*

Явятся, сальны, слащавы, жеманны,
плятятся, жадные пальцы слюня...
Я старовата для роли Сусанны.
Старцы, оставьте в покое меня!
На порносайтах ищите нимфеток.
Прочь от купальни, а то закричу.
Солнце садится. Кончается лето.
Жёлтый листок прилепился к плечу.

*

Луг между берегом и раем
сияньем залит.
Бог знает, что мы вытворяем,
а чёрт — не знает.
Прекрасный случай отличиться
для тунеядца!
Стрекозы учат нас любиться,
мы их — смеяться.

*

Обгорелой кожи катышки,
у соска засос москита...
Одеянье Евы-матушки
словно на меня пошито.
Муравей залезет на спину,
стрекоза на копчик сядет...
Запасаю лето на зиму.
Знаю: все равно не хватит.

*

Райской яблони пыльца
на ресницах сонных.
Солнце твоего лица.
Моего подсолнух.

*

Золотко моё, закат,
    свете тихий,
кто приносит аистят
    аистихе,
кто уносит аистих
    в небесье,
кто диктует музе стих,
    песне — песню?

*

Если хмуришь брови,
значит, я ни при чём.
Если вижу профиль,
значит, ты за рулём.

Если с плеча рубишь,
кровь на плече моя.
Если меня не любишь,
значит, это не я.

*

Дадим собаке кличку,
а кошке псевдоним,
окликнем птичку: «Птичка!» —
с травой поговорим,
язык покажем змею,
козлу ответим: «Бе-е-е!»
Вот видишь, я умею
писать не о себе.

*

Под камнем сим — пустое тело
той, что сказала не со зла
гораздо больше, чем хотела,
гораздо меньше, чем могла.

*

ЭТОТ СТИШОК
положи на ладонь
сожми кулачок
дунь
раскрой
ну что там?

СОДЕРЖАНИЕ

Небесное животное	5
Второй язык	87
Линия отрыва	149
Четвертый сон	179
Везде	283
По обе стороны поцелуя	391
Ручная кладь	445

Литературно-художественное издание

ПОЭЗИЯ XXI

Павлова Вера Анатольевна

СЕМЬ КНИГ

Ответственный редактор *Е. Никитин*
Художественный редактор *Н. Ярусова*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *Е. Чеплакова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

Подписано в печать 01.09.2011.
Формат 70х108¹/32. Гарнитура «Гарамонд».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,8.
Тираж экз. Заказ №

ISBN 978-5-699-52060-2

9 785699 520602 >